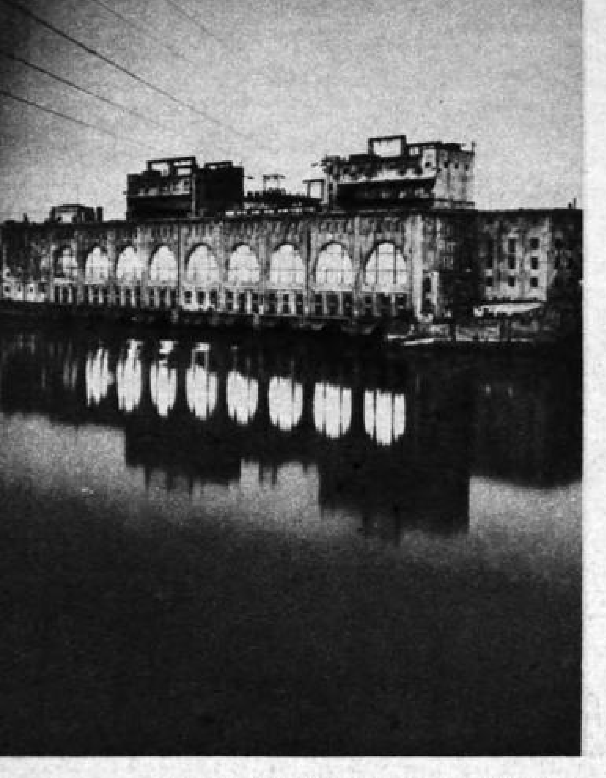
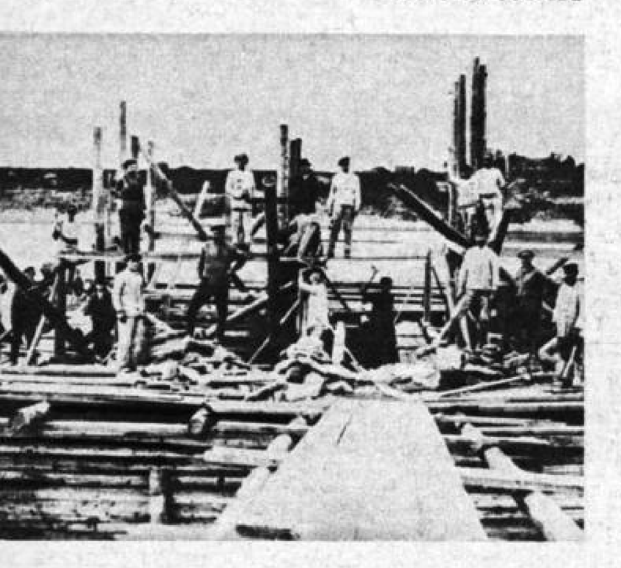

ОГОНЁК
№ 51 ДЕКАБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГНИ ВЕЛИКОГО ПУТИ

Сорок лет работает на коммунизм первая советская ГЭС — Волховская.

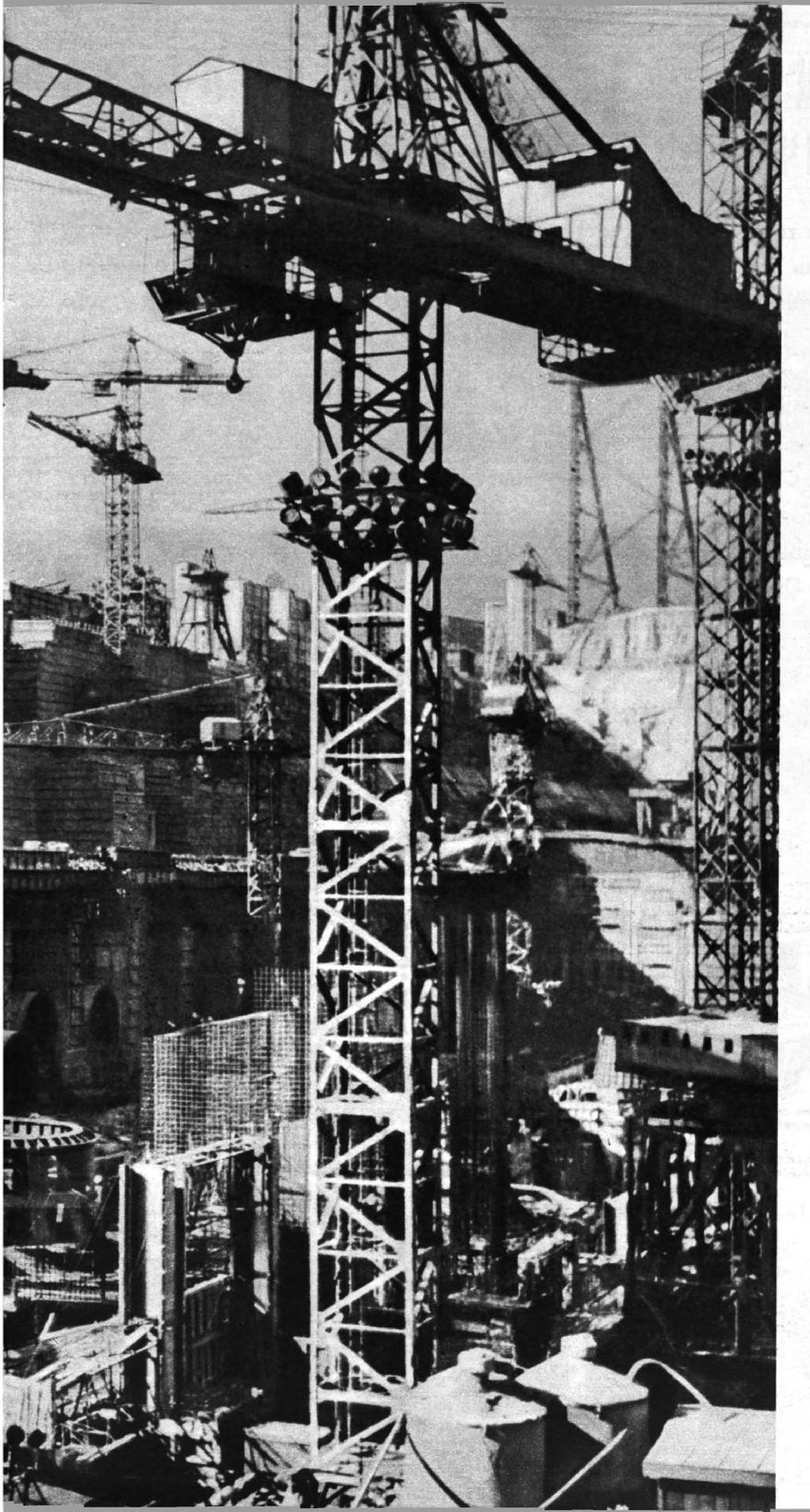
Фото А. Гостева

ТАК СТРОИЛАСЬ ВОЛХОВСКАЯ ГЭС. СНИМОК ОСЕНИ 1922 ГОДА

ТАК СТРОИТСЯ КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС. СНИМОК ОСЕНИ 1966 ГОДА

В канун 50-летия Октября даст ток крупнейшая в СССР ГЭС — Красноярская. Фото А. Скурихина.

Профессор Н. ФИЛИМОНОВ,
Герой Социалистического Труда

Волхов и Енисей. Почти вся страна пролегла между ними. Но суть тут не только в географических измерениях. Грандиозная эпоха встала между двумя этими реками — электроэнергетическая...

40 лет назад, 19 декабря 1926 года, забилось сердце Волховской ГЭС. Построенная в условиях послевоенной разрухи и голода неимоверными усилиями тысяч людей, она, по образному выражению С. М. Кирова, еще ярче осветила начатый нами в Октябре великий путь. Это была первая крупная гидроэлектростанция, предусмотренная ленинским планом ГОЭЛРО. День рождения ее стал праздником советских энергетиков. И вот наша страна отмечает День энергетика.

Сегодня на вооружении народного хозяйства не 10 и не 20 ГЭС и ГРЭС, а тысячи станций. План ГОЭЛРО предусматривал довести выработку электроэнергии в год до 8,8 миллиарда киловатт-часов. В 1970 году страна получит ее без малого в сто раз больше: 830—850 миллиардов.

Волхов... Потом были Днепр, Свирь, Кура, Риони, Волга. Вслед за Шатурой и Каширой подымались крупные тепловые электростанции: Зуевская, Дубровская, Шахтинская, Карагандинская. Но энергетика никогда не знала еще такого бурного взлета, как в 60-е годы нашего века. Началось всестороннее использование энергетических ресурсов великих сибирских рек: Оби, Лены, Енисея, Ангары и Иртыша — и богатых запасов различного топлива — угля, торфа, газов, сланцев. Там, где этих ресурсов нет, вырастут атомные станции.

Достаточно назвать только несколько точек и линий на карте, чтобы постичь величие наших замыслов. Плявиняс и Ингури, Нурек и Усть-Илим, Приднепровье и Вилюй. Прибалтика и Кавказ, Средняя Азия и Якутия — край вечной мерзлоты. Мало кому известна северная красавица с поэтическим именем Амгуэма. Эту дикую чукотскую реку перегородит среди черных скал высочайшая плотина. Заполярью принесет жизнь Билибинская атомная станция. А на берегу Баренцова моря, впервые применяя силу морских приливов и отливов, заработает Кислогубская ПЭС.

Волхов... Он вращает турбины общей мощностью в 66 тысяч киловатт. На Енисее, на Красноярской ГЭС, в эти дни монтируется первый гидроагрегат мощностью 500 тысяч киловатт. Волховская ГЭС сооружалась вручную, а в Дивногорске люди управляют гигантским парком строительных машин от вибромолотков до шагающих экскаваторов.

Таков наш рост, таковы масштабы. Они становятся особенно ощутимы, когда разговариваешь с участниками первых строек. Герой Социалистического Труда профессор Николай Александрович Филимонов строил Волховскую, Днепровскую и Цимлянскую ГЭС, гидроэлектростанцию на Свири, участвовал в выборе створа плотины Красноярской ГЭС. 38 лет спустя он вернулся в Ленинград, в политехнический институт, который кончал в 1921 году, вернулся уже в другом качестве — профессора, наставника молодых строителей будущих ГЭС.

Ниже мы приводим отрывок из его воспоминаний, которые полностью будут опубликованы в журнале «Октябрь».

Я приехал на Волховстрой в пору, когда здесь заканчивалась подготовка к развороту больших работ. Начиналась социалистическая перестройка народного хозяйства. В то время я не раз вспоминал

Продолжение на стр. 7, 8.

ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

12—13 декабря 1966 года в Москве состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК обсудил доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения».

Пленум ЦК единогласно принял постановление «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения».

Пленум ЦК заслушал доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О проекте Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1967 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О проекте Государственного бюджета СССР на 1967 год».

По этим вопросам Пленум ЦК принял соответствующее постановление.

Пленум избрал тов. М. С. Соломенцева секретарем ЦК КПСС.

●

ОРДЕНА НА ЗНАМЕНАХ

Тула, Калининская область и Смоленск награждены орденами Советского Союза. В трех старинных русских городах было в эти дни много гостей, много теплых встреч, много воспоминаний о трудных днях минувшей войны. Орден Ленина к знамени Калининской области прикрепил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин. Орден Отечественной войны I степени вручил Смоленску член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов. Орден Ленина Туле вручил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д. Ф. Устинов.

Г. И. Воронов прикрепляет орден Отечественной войны I степени к знамени города Смоленска.

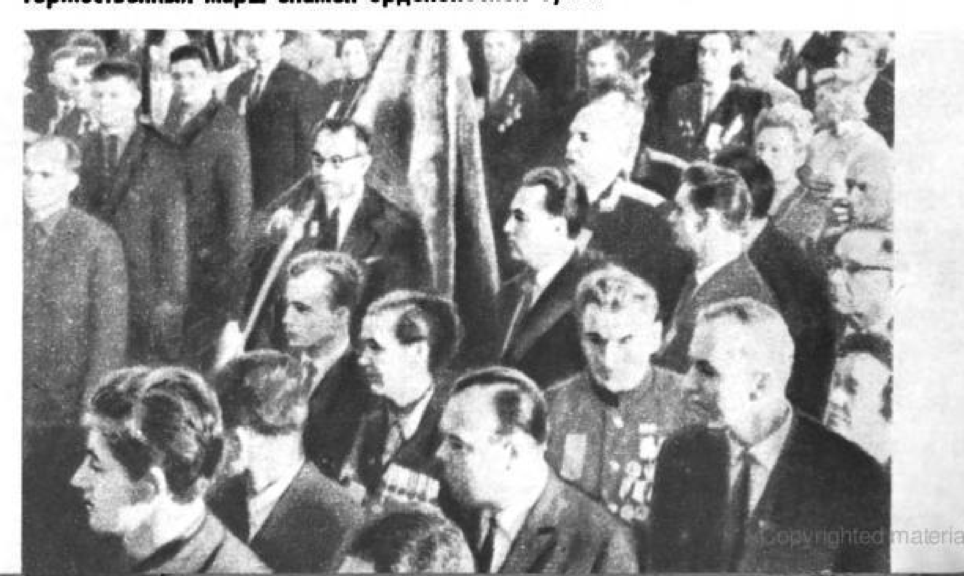

Секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Соломенцев

А. Н. Шелепин возложил венок на братскую могилу воинов, павших в боях за освобождение города Калинина.

Торжественный марш знамен орденоносной Тулы.

Москва. Кремль. Вторая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва.

Фото Е. Умнова.

МЕРИДИАНЫ СТУДЕНЧЕСКИХ ДЕЛ

Много построили студенты за два коротких месяца каникул. Школы и клубы, животноводческие помещения и тока́, линии электропередач и связи, железные и автомобильные дороги, мосты и плотины входят в зачетку третьего трудового семестра. И если собрать вместе только жилые дома, построенные этим летом студентами, то в них можно разместить население целого города — 25 тысяч человек.

И вот представители 60-тысячного отряда студентов-строителей собрались на первый Всесоюзный слет студенческих строительных отрядов в Кремлевский Дворец съездов.

— Студенческие стройки — это продолжение славных революционных, боевых и трудовых традиций советского народа,— сказал, открывая слет, Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов.

Как бы подтверждая эти слова, по взорвавшемуся аплодисментами залу плывут легендарные знамена крейсера «Авроры», Первой Конной армии, Комсомольска-на-Амуре, знамя Победы... И как продолжение эстафеты славных дел отцов шествие замыкает знамя первого целинного отряда.

300 человек. Так скромно начиналось восемь лет назад движение студентов-строителей. 100 тысяч человек — заявка различных министерств и республик на 1967 год!

Третьему трудовому семестру — отлично! Это общая оценка летней работе студентов.

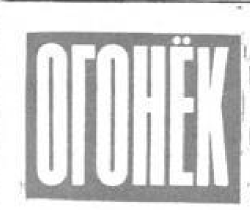
В. ТИХОМИРОВ

Такой элеватор построили украинские студенты в Кустанайской области.

Фото А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 51 (2060)

44-й год издания

18 ДЕКАБРЯ 1966

НАШ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

«Кто в грозной битве пал за свободу,—
Не умирает».

Христо Ботев

Есть в Молдавии небольшое село Задунаевка. Оно славится на весь район своими садами и виноградниками. Созданный в селе колхоз носит имя болгарского поэта-революционера Христо Ботева. «Христо Ботев,— говорят в Задунаевке,— наш первый учитель».

В 1866 году в болгарских селах Бессарабии открывались школы. Учителей не хватало. В Задунаевку был направлен Христо Ботев, незадолго до этого окончивший Одесскую гимназию. Это было 100 лет назад. Семнадцатилетний Христо Ботев работал здесь в школе с сентября 1866 года по май 1867-го.

Он знакомил своих учеников с передовой русской литературой, с произведениями Герцена, Чернышевского, Шевченко.

Христо Ботев учил не только детей. В дни религиозных праздников он выступал перед жителями села с обличительными речами против попов и царских чиновников. Полиция пыталась арестовать его, но ему удалось скрыться. Много было у него друзей среди жителей села. Самыми близкими были Иван Вакаренков и Никола Сариогло. Когда в 1876 году Ботев собирал чету (отряд) для борьбы с турками в Западной Болгарии — они записались в числе первых.

С парохода «Радецкий» повстанцы высадились на болгарском берегу Дуная, в селе Козлодуй. Небольшая чета Ботева (около 200 человек), героически сражаясь, продвигалась в глубь Болгарии. Сам Христо Ботев был в первых рядах повстанцев. Он погиб в одном из боев. А через несколько дней был разбит и весь его отряд.

В мае этого года исполнилось 90 лет со дня героической гибели Ботева. В колхозном клубе состоялся вечер, посвященный народному герою Болгарии, первому учителю жителей села. Со сцены прозвучали стихи Христо Ботева на болгарском языке, песни.

Вот уже несколько лет в Задунаевской средней школе открыт музей Христо Ботева. Там хранится много вещей поэта: его книги с дарственными надписями задунаевцам, фотографии, письма, стихи. Недавно коллекция пополнилась письмом, присланным болгарскими комсомольцами села Козлодуй школьникам Задунаевки.

«Здравствуйте, дорогие советские друзья! Пишут вам комсомольцы болгарского села Козлодуй,— говорится в письме.— Наше село расположено на правом берегу Дуная. Здесь в 1876 году сошел с парохода «Радецкий» замечательный поэт-революционер Христо Ботев. Отсюда он направился в горы. Там он погиб в сражении с турками. На нашем берегу теперь стоит памятник Христо Ботеву.

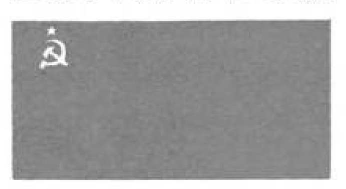
Мы хотим переписываться с вами, знать, как вы учитесь, живете. Расскажите нам о вашем селе. Нам приятно знать, что имя Христо Ботева известно в Задунаевке».

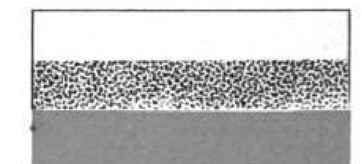
Так сегодня имя выдающегося болгарского революционера скрепляет дружбу между болгарскими и советскими людьми.

Нико СТОЯНОВ,
военнослужащий

Конкурс читателей:

БРАТЬЯ НАВЕКИ

БРАТЯ ЗАВИНАГИ

ВМЕСТЕ В НЕБЕ

Русский летчик-доброволец Николай Костин на самолете «Фарман VII» в болгарском авиационном лагере под Адрианополем осенью 1912 года. Он был награжден орденом.

В. П. Чкалов и Захарий Захариев в Москве после возвращения болгарского летчика из Испании в 1937 году.

Командующий ВВС болгарской армии полковник Г. Дренников и представитель штаба ВВС Советской Армии подполковник С. Каминский намечают маршрут предстоящего боевого вылета советских и болгарских летчиков. Октябрь 1944 года.

Осенью 1944 года мне довелось участвовать в передаче советских военных самолетов болгарской армии — нашему новому союзнику. На одном из болгарских аэродромов я встретил старого болгарина, имени которого, к сожалению, память не сохранила. Он мне рассказал, что во время 1-й Балканской войны 1912—1913 годов на стороне болгарской армии против турок сражался русский добровольческий авиационный отряд. Это сообщение заинтересовало меня. Я обратился к русским дореволюционным журналам и газетам, а потом и к архивам, начал переписку с софийским музеем русско-болгарской боевой дружбы и военно-историческим архивом Народной Республики Болгарии. Сотрудники этих учреждений — офицеры болгарской армии товарищи Йотов и Михов прислали мне копии уникальных документов и фотографий. Оказалось, что история русско-

КАВАЛЕР ОРДЕНА «КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ»

Юрию Сергеевичу Маслову приходилось бывать в Болгарии не раз. Первая встреча со страной произошла 8 сентября 1944 года. В этот день он, офицер одной из частей Третьего Украинского фронта, впервые ступил на болгарскую землю. Было это в районе плодоносной, но в те времена часто безводной Добруджи. Никогда не забывал он с тех пор крепких рукопожатий, слез радости и приветствий на таком близком славянском языке: «Добре дошли, скъпи братушки», «Да живее великият руски братски народ!».

Не забыть ему и тех красных, словно полыхающих огнем, тюльпанов, что дарили солдатам черноглазые болгарки; навсегда остался в памяти старик учитель, что встретил их близ города Добрича (теперь этот город носит имя маршала Толбухина): высокий, темнолицый, с шапкой седых волос, но по-молодому стройный болгарин стоял на шоссе, держа в руках красное знамя, а вокруг него тесной группой столпились ученики. Вечером у огонька, пока солдаты отдыхали, старик, мешая болгарские и русские слова, рассказывал, как прятал он знамя на чердаке, твердо веря, что потомки тех славных русских солдат, что спасли их от турок, придут на помощь и сейчас.

Демобилизовавшись из армии, Юрий Сергеевич вернулся в родной Ленинград. Еще за год до войны Маслов защитил кандидатскую диссертацию по германистике и начал преподавать. Теперь, после войны, он решил заняться проблемами славянского языкознания. В 1957 году Маслов защищает докторскую диссертацию, посвященную болгарскому языку. В 1963 году выходит его новая книга, для работы над которой Маслов ездил в Софию, в Институт болгарского языка. А об его «Очерках болгарской грамматики», изданных ранее, член-корреспондент Болгарской Академии наук профессор Андрейчин сказал, что это «лучшая из болгарских грамматик, написанных неболгарами».

В свой следующий приезд в Болгарию Юрий Сергеевич читал лекции в Софийском университете. Читал на болгарском языке.

В 1963 году, в связи с празднованием 1100-летия славянской письменности, тогдашний посол Народной Республики Болгарии Любен Герасимов вручил Ю. С. Маслову от имени болгарского правительства орден «Кирилла и Мефодия 1-й степени». Награда эта присуждается обычно за особо выдающиеся достижения в области славяноведения и болгарской культуры болгарским ученым и деятелям культуры. На этот раз ее удостоились и некоторые зарубежные, в том числе и советские ученые, и среди них два ленинградца — Юрий Сергеевич Маслов и член-корреспондент Академии наук СССР, специалист по древнерусской литературе Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Вот уже двадцать один год отделяет от Дня Победы солдата, вернувшегося к мирным делам. Его труд служит делу укрепления священной дружбы братских славянских народов.

Л. ТАРАСОВА

Ленинград.

болгарского авиационного содружества насчитывает более шестидесяти лет. Еще в начале века болгарские граждане Продан Таранчиев, Цветко Старапавлов, Стефан Калинов, Сотир Черкезов и другие получили возможность обучаться летному мастерству в русских авиационных школах. Осенью 1912 года, когда группа балканских государств вела войну за освобождение болгар, сербов и других славянских народов от турецкого ига, многие русские летчики пожелали уехать в качестве добровольцев на Балканы, чтобы сражаться в рядах болгарской армии. В числе уехавших на театр военных действий были Т. Ефимов, А. Агафонов, А. Васильев, Н. Костин, Я. Седов и другие, составившие русский добровольческий авиационный отряд, который влился в болгарскую армию.

Русские смельчаки обучали болгарских авиаторов, летали на разведку, бомбили отряды турок. Однажды болгарское командование предложило русскому авиатору Ефимову вознаграждение за полеты. Но летчик сказал, что «он воюет не ради денег, а во имя защиты братьев-славян».

Некоторые болгарские авиаторы участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Летчик Сотир Черкезов участвовал во взятии Николаевского вокзала в ночь с 24 на 25 октября 1917 года. Он знал Ленина, работал под руководством Дзержинского, выполнял партийные задания Коллонтай. Во время Великой Отечественной войны Сотир Петрович Черкезов служил переводчиком в 17-й Воздушной армии, которой командовал В. А. Судец, ныне маршал авиации.

Перед второй мировой войной многие летчики Болгарии, спасаясь от монархо-фашистского строя, эмигрировали в СССР. Им были доверены руководящие посты в советской авиации. Христо Панов, первый болгарский летчик, окончивший школу в Советской России, участвовал в ряде экспедиций и возглавлял одно время санитарную авиацию СССР.

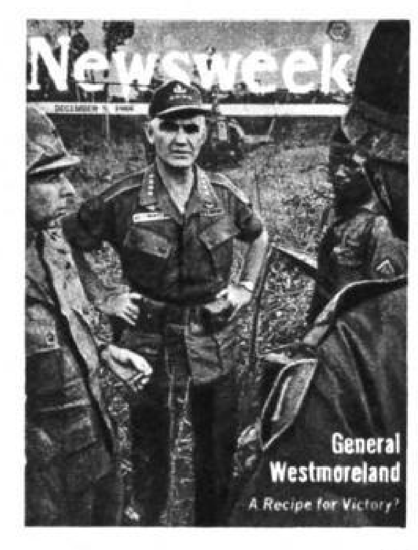
В 1936—1937 годах советские и болгарские летчики вместе воюют в Испании. Командиром одного из советских бомбардировщиков был болгарский патриот, коммунист, Герой Советского Союза Захарий Захариев, ныне генерал-лейтенант. Штурманом экипажа и стрелком-радистом летали русские авиаторы К. Деменчук и Герой Советского Союза П. Десницкий. Не один фашистский истребитель эскадрильи «Кондор», которой командовал фашистский ас Третнер, нашел свою смерть в бою от огня интернационального бомбардировщика.

В январе 1940 года началась подготовка к открытию воздушной трассы Москва — София. Но вскоре вспыхнула война. Интересно, что летчик Таранчиев, уволенный за «просоветскую пропаганду» из болгарской авиации за год до нападения Германии на Советский Союз, и во время войны поддерживал связь с советским полпредством и сделал все возможное, чтобы сохранить ценности «Аэрофлота» в Болгарии.

В 1944—1945 годах советские и болгарские летчики снова летают вместе, громя немецко-фашистских захватчиков. Дружба советских и болгарских авиаторов продолжается и теперь. Советский Союз снабжает Болгарию современными скоростными самолетами, которые связывают Софию со столицами многих стран мира.

М. КАПЛУНОВ

Каунас.

Фотографии командующего американской агрессии во Вьетнаме генерала Уэстморленда кочуют по страницам американской печати. Недавно генеральская фигура в самодовольно-уверенной позе появилась на обложке журнала «Ньюсуик». По мнению журнала, эта фигура «персонифицирует для всего мира воинственного американского орла». Оставим на совести «Ньюсуика» сравнение Уэстморленда с орлом. Но вот что касается воинственности генерала, то тут журнал прав. Под его руководством за два года армия американских агрессоров в Южном Вьетнаме выросла с 25 тысяч до 360 тысяч. Под его руководством против патриотов Южного Вьетнама были применены авиабомбы, напалм и отравляющие вещества. Опираясь на его приказы, американские солдаты жгут деревни, расстреливают, пытают.

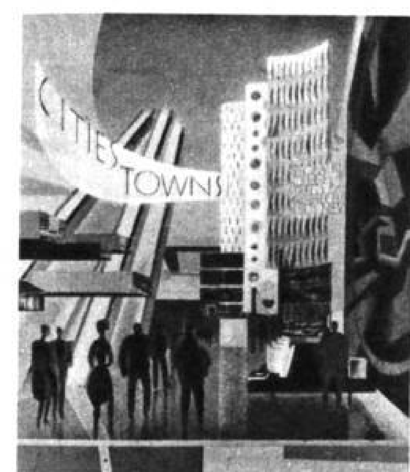
Что получила Америка от деятельности своего генерала? Во всем мире растет гнев против агрессоров. Волна ненависти захлестывает их в самом Вьетнаме. Сопротивление захватчикам не слабеет. Тот же «Ньюсуик» признается: «Главная работа еще впереди». И, несмотря на радостные нотки по поводу расширения агрессии, в конце статьи о положении в Южном Вьетнаме пессимистически констатируется: «Исход войны остается сомнительным».

...Бредут по вьетнамским джунглям два битых американских солдата. Про них не скажешь, что они похожи на орлов. Но именно их фигуры и персонифицируют в глазах мира лицо американской войны во Вьетнаме, безнадежность империалистических попыток диктовать народам свою волю.

Мир обеспокоен возрождением нацистских идей в Западной Германии. Слишком памятны события недавнего прошлого, чтобы спокойно относиться к попыткам неонацистов играть активную политическую роль сегодня. Эти чувства привели недавно французов к зданию посольства ФРГ в Париже. Демонстрация протеста прошла под лозунгами запрещения НДП — неонацистской партии, которой недавно удалось получить значительное число мест в двух ландтагах Западной Германии.

В столице нашего соседа Афганистана, Кабуле, поднялось новое здание. Закончено сооружение второй очереди элеватора. В этой работе принимали участие советские специалисты. Дружеское сотрудничество продолжается — сейчас в Кабуле ведется расширение хлебозавода и мельницы, сооружаются и другие объекты.

Канадский город Монреаль готовится принять гостей на Всемирную выставку «Экспо-67», которая состоится в будущем году. В этой выставке примет участие и Советский Союз. Павильон Советского Союза расскажет посетителям об успехах нашей страны за пятьдесят лет Советской власти. На снимке: так будет выглядеть раздел архитектуры и искусства.

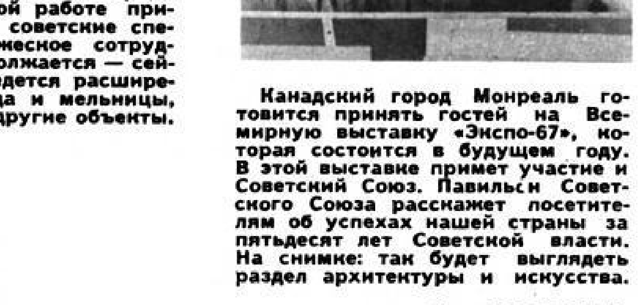

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Ньюсуик».

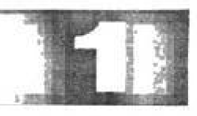

В Москве, в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, открыта выставка произведений Пабло Пикассо, посвященная 85-летию со дня рождения этого крупнейшего художника.

В экспозиции — графика и керамика из собрания галереи Луизы Лерис и московских коллекций.

Фото Е. Умнова.

КОРАБЕЛЫ ВЕЛИКОГО УСТЮГА

В музее Великого Устюга хранится железное знамя с гербом. На нем изображен старец, сливающий воду из двух кувшинов. Так символически выражено слияние рек Юга и Сухоны, в устье которых расположен город.

Местные жители издавна славились как искусные судостроители и судоходцы. В 1858 году на северных реках появились пароходы «Двина» и «Юг», названные именами наших рек. Они принадлежали Северо-Двинскому пароходному обществу. А через 8 лет, в 1866 году, на восточной окраине города, в районе деревни Михайловской, были построены первые кустарные мастерские, где производился ремонт пароходов. Ныне на этом месте вырос судоремонтный завод — крупнейшее предприятие города.

Здесь строятся металлические грузовые и пассажирские речные суда, плавающие ныне по многим рекам страны.

С заводом теснейшими узами переплетаются и судьбы людей. Смольниковы, Мыльниковы, Шепелины, Стариковы из поколения в поколение работали у пароходчиков за гроши. Сейчас тут трудятся их внуки. Вот, например, рядом за станками стоят отец и сын Дофины. Борис Николаевич работает токарем уже более 35 лет. Стаж его сына Владимира в семь раз меньше.

Дофин-старший — рационализатор, награжден многими почетными грамотами, отличник социалистического соревнования. По стопам отца-коммуниста идет и сын-комсомолец. Таких семей тут немало. Их устюжане называли первыми, когда праздновали столетие завода.

Б. МОКИЕВСКИЙ

Фото Б. Кузьмина.

БУМАГА И ДРОЖЖИ

Знаете, сколько бумаги для газет дал сверх плана за десять месяцев нынешнего года Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат? 25 тысяч тонн. И бумага — это еще не все. За те же десять месяцев здесь выработано сверх задания 3 500 тонн целлюлозы и 108 тонн кормовых дрожжей. Что и говорить, успешно начался на комбинате юбилейный, пятидесятый год Великого Октября!

Бумажники Кондопоги вызвали на соревнование в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции коллективы Балахнинского и Соликамского целлюлозно-бумажных комбинатов.

Фото С. Майстермана. ТАСС.

СУВЕНИРЫ К ЮБИЛЕЮ

На нашем снимке — юбилейная продукция Тернопольского фарфорового завода. Тернопольские мастера будут выпускать эти красивые сувениры в честь 50-летия Советской власти. На вазах, настенных тарелках, чашках изображены некоторые эпизоды из эпохи Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войн, трудовых будней Страны Советов.

Фото П. Здоровило. ТАСС.

ЭТО НЕ ВАША ШЛЯПА?

Под стеклом шляпы и зонты, перчатки и кашне, шапки и фуражки. Что это? Галантерейный киоск или филиал комиссионного магазина в здании вильнюсского аэровокзала? Оказывается, ни то, ни другое. Просто внимательные люди, работающие здесь, проявили заботу о рассеянных пассажирах, оставляющих в самолетах или аэропорту свои вещи.

Чего только нет здесь!

Однажды в вильнюсский аэропорт прилетел чемодан. Один, без пассажира. Никаких опознавательных примет, и бирки на нем не было. Просто обыкновенный коричневый чемодан, и все. Прошло три месяца, но владелец его не обнаруживался. Не помог и запрос, разосланный в двадцать девять воздушных агентств. Тогда работники службы перевозок в присутствии начальника аэровокзала решили вскрыть чемодан. В нем оказалась большая сумма денег, облигации золотого займа и документы служебного характера. По этим бумагам и нашли владельца чемодана, потерявшего всякую надежду когда-либо его увидеть. Человек летел из Закарпатья в Сибирь через Москву, в Вильнюсе даже не был. В Вильнюс чемодан заслали случайно.

Клавдия Ивановна Опалева, работающая в камере хранения, показала объемистый журнал, в котором регистрируется каждая найденная вещь. После описи ее помещают в тот самый стеклянный шкаф, что стоит, как киоск, на первом этаже вокзала.

Г. ВЛАДИМИРОВА

На снимке: Рита Панышко, сотрудница вильнюсского аэровокзала, принесла в сейф новые находки.

Фото А. Бразайтиса.

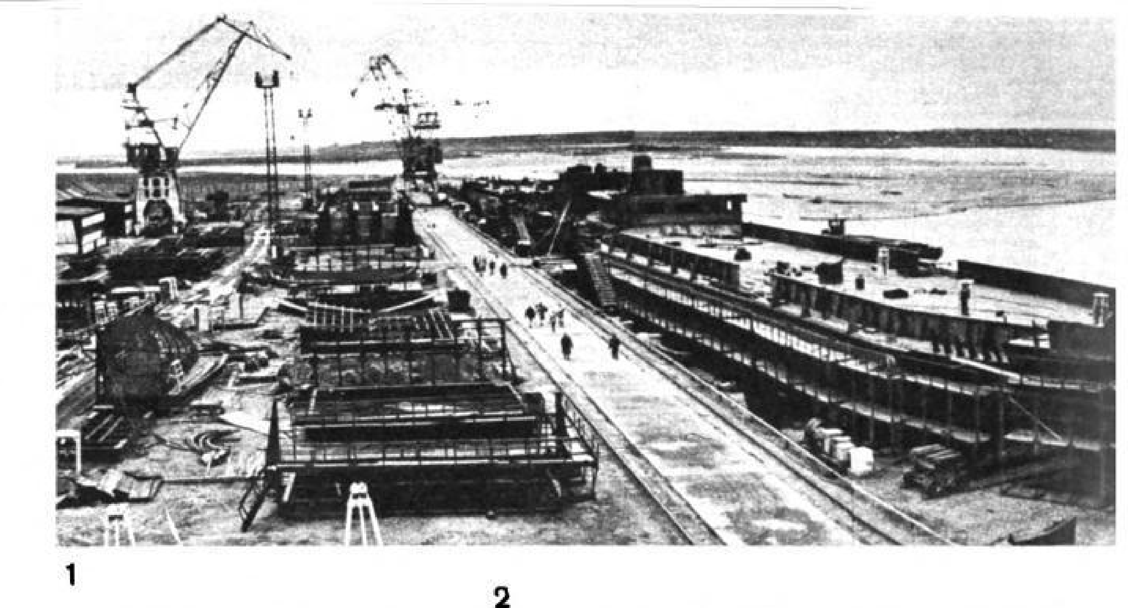

СКУЛЬПТУРА И ГРАФИКА

Произведения народного художника СССР скульптора Е. Ф. Белашовой и заслуженного деятеля искусств РСФСР графика О. Г. Верейского экспонируются сейчас в Москве в Академии художеств СССР.

На снимке: народный художник СССР скульптор С. Т. Коненков поздравляет Е. Ф. Белашову и О. Г. Верейского с открытием выставки.

Фото Э. Евзерихина. ТАСС.

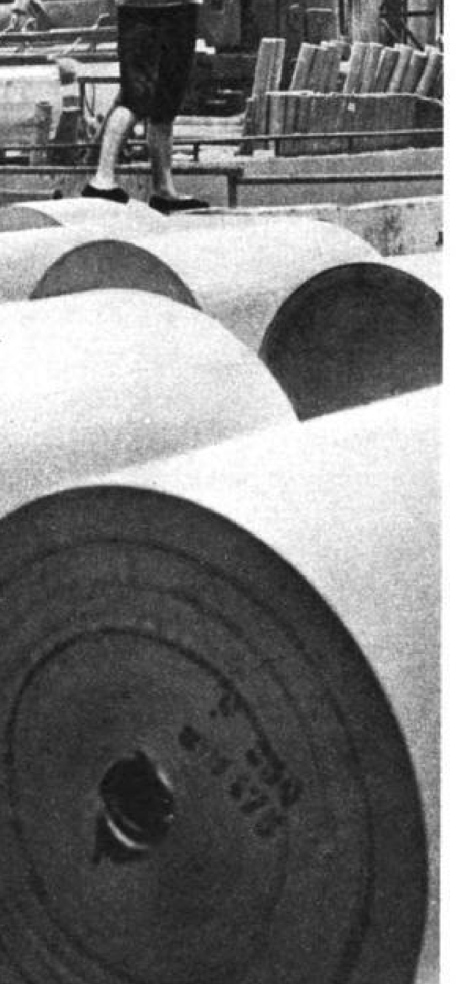
1

2

3

4

5

ОГНИ ВЕЛИКОГО ПУТИ

Начало см. на 2 стр. обложки.

Петроград голодной весны двадцатого года, когда мы, студенты, засели за учебу в давно опустевших аудиториях и в общежитии с бездействующим отоплением. И наконец наступил долгожданный день — когда я защитил диплом и получил звание инженера. Но надо было самому устраиваться. Я был принят на Волховстрой или, как тогда говорили, на строительство Волховской силовой установки. Это была первая серьезная проверка знаний молодого инженера.

...В царской России не было ни одной крупной гидростанции. На Волхове не только мы, молодые инженеры, приехавшие туда со студенческой скамьи, но и пожилые специалисты не имели еще опыта гидроэнергетического строительства. Но зато на Волховстрой пришло много опытнейших десятников и рабочих. И мы, молодые инженеры, не стыдились учиться у них.

Я хорошо помню старшего десятника на плотине Кузьму Степановича Воронова. Небольшого роста, в мешковатом пиджаке поверх темной рубахи, в потертых брюках, заправленных в сапоги, он ходил неторопливо, широко, по-плотницки расставлял ноги.

Глаз у него был острый. Свое ремесло знал до тонкости — вышел из плотников в десятники, хотя в грамоте и не был силен. Если у рабочих что не ладилось, сам брал топор и справлял работу быстро. «Подумаешь, делов тут! Вот и разговор весь, чурка с глазами»,— сердился он, закончив работу и возвращая топор плотнику, который сплоховал. На ленивых и нерадивых он покрикивал, требуя: «Ты не языком помогай бревно тащить, а плечо свое покрепче подставляй!» На работах был смел и находчив, и то, что пугало других, его не страшило. «Глаза страшатся, а руки все сделают» — успокаивал он, когда что-нибудь не ладилось. И действительно, все в конце концов выходило так, как он говорил.

Помню и старого каменотеса, десятника Шувалова, человека себе на уме. На работе он был всегда тепло одет, плотно застегнут на все пуговицы, неразговорчив. Облицовка гранитом носков плотины тогда доставляла всем нам, включая самого Г. О. Графтио, много забот. А Шувалов считал, что дело тут простое, даже несерьезное.

— Эх, разве это для нас настоящая работа!— с досадой сетовал он.— Раньше мы отделывали да шлифовали плиты и колонны из самого лучшего сердобольского мрамора. Для музея делали, что строился в Петербурге рядом с Михайловским дворцом. Главный вход отделывали мрамором, красным, что свежее мясо. Вот это была работа! А вы мне, Николай Александрович, говорите: «Установка гранитных камней на плотине — трудное дело». Для нас оно проще простого!

И действительно, облицовку Волховской плотины артель каменотесов выполнила отлично.

Настало время, когда возник вопрос о том, чтобы нас, группу молодых инженеров, самостоятельно ведших работу на разных участках, назначить на должности прорабов. Мы считали это законным. Но тут неожиданно стали возражать некоторые старые специалисты: «Какие они, к черту, производители работ? Прораб — должность ответственная и требует опыта многолетнего, а кто такого опыта не имеет, тот не должен и претендовать на нее».

Особенно возмущался известный строитель железных дорог Александр Владимирович Будасси. Все знали, что это очень крупный инженер, и его мнение много значило. Поэтому мы, несколько молодых инженеров, решили сами поговорить с Будасси.

Мы нашли Александра Владимировича в котловане шлюза. Он стоял около экскаватора, на котором работал Иван Иванович Чернышев, хорошо известный всей стройке. Экскаватор грузил скальную породу на железнодорожные платформы. Когда груженый состав убрали, а новый еще не успели подать, Чернышев вылез из кабины. Он и Будасси стали оживленно обсуждать что-то и тут заметили нас.

— У вас какое-нибудь дело?— спросил Будасси.

— Александр Владимирович, нам стало известно, что наше назначение прорабами задерживается, и как будто по вашему настоянию. Хотелось бы узнать у вас лично о причинах,— неуверенно ответил кто-то из нас.

— Я здесь с Ванькой Чернышевым «проектировал», как лучше организовать работу экскаватора, как передвигать пути в забое. Вы что-нибудь понимаете в этом умственном занятии?— довольно резко спросил Будасси.— А вот Ванька прекрасно это дело знает. Одних дипломов, голубы мои, недостаточно! Надо ручки свои попачкать о землю, повозиться с экскаваторами да паровозами. Я так начинал, а вы хотите сразу в дамки!

И, повернувшись к нам спиной, уже на ходу продолжал:

— Идти надо, меня там ждет какой-то, тоже «молодой специалист» из технического отдела. В каждой избушке свои погремушки,— это была его любимая присказка.

Мы остались с экскаваторщиком.

— Б-о-ольшой строитель Александр Владимирович, огромными делами может ворочать,— сказал Чернышев, знавший Будасси много лет.— Чутье к земляным работам у него необыкновенное. Объемы выемок и насыпей на глаз определяет. Да так точно, словно после инструментальных замеров. Поучитесь у него, на пользу будет!

Вместе с Чернышевым мы посмотрели вслед Будасси. Тот шел вдоль путей, громадного роста, подтянутый и стройный. Двигался он стремительно, будто рассекал своим корпусом плотный воздух. За ним еле поспевал молодой инженер технического отдела Аполлон Дмитриевич Казанский.

Тем и закончился наш разговор с Будасси. Он твердо стоял на своем, но администрация пошла на компромисс — нам, молодым инженерам, была присвоена должность «старший техник (прораб)». Потом нас долго называли не иначе, как прорабами в скобках. Чтобы избавиться от этих скобок, пришлось еще немало поработать, пока нас наконец не назначили производителями работ — на должность, казавшуюся нам в ту пору такой значительной.

Через три дня после нашего разговора с Будасси на шлюзе мы, несколько приятелей, зашли к Аполлону Казанскому. Он был не в духе. Возился со своим кителем и мрачно напевал: «Черную розу — эмблему печали — в час расставанья ты мне принеси».

— Что-нибудь случилось, Аполлоша?— спросил кто-то.

Все знали, что если Казанский поет про «черную розу», значит, чем-то недоволен.

— Все Александр Владимирович...

Тут мы услышали, как Будасси в памятный для нас день таскал Казанского по забою, по путям и свалке.

— Ходили мы долго,— рассказывал Аполлон.— Забирались к машинисту на паровоз, подлезали под вагоны, спускались напрямик по откосу. Вы знаете Александра Владимировича, он же неутомим. Шумел, наскакивал на меня и, конечно, ругал, что плохо понимаю земляные работы. По его глазам трудно понять, подсмеивается он или серьезно недоволен. Все твердил: «Надобно к работе привыкать, надобно вникать в суть дела». Только под конец мирный разговор пошел у нас. Но вы поглядите, на что стал похож мой белый китель — весь в пятнах, ржавчине, грязи! Чищу, чищу его, да все без толку.

А через некоторое время мы с удивлением узнали, что Аполлон Дмитриевич перешел из технического отдела к Будасси на земельно-скальные работы — сам попросился.

Личность Будасси очень интересовала нас, молодых инженеров. Октябрьская революция застала его на строительстве железнодорожной ветки Овинище—Суда. Он работал у подрядчика. После Октября рабочие на общем собрании избрали Будасси главным инженером стройки: они оценили его организаторский талант, внимание к их нуждам, заботу.

Как известному строителю железных дорог, Будасси вскоре было поручено сооружение одной из труднейших железных дорог, Александров Гай—Эмба. Дорога была нужна до зарезу — по ней должны были везти эмбинскую нефть, так как нефтяные промыслы в Баку были захвачены интервентами. Мандат начальника строительства Александра Владимировича Будасси был подписан 24 декабря 1919 года В. И. Лениным и зам. председателя Реввоенсовета Э. Склянским. В мандате было сказано, что все действия, тормозящие работу по постройке железнодорожной линии Красный Кут—Александров Гай—Эмба, порученной тов. Будасси, будут рассматриваться как измена Республике.

Александр Владимирович с огромной энергией взялся за трудное дело. Но довести его до конца, однако, не пришлось. После освобождения Баку новое строительство было законсервировано. Вот тогда Г. О. Графтио и пригласил А. В. Будасси на Волховстрой. Его появление на Волхове сразу было замечено. Он ввел комплексную оплату с кубометра грунта для всех, начиная с экскаваторщиков, путевиков, железнодорожников и кончая рабочими ремонтных мастерских. Обслуживающий персонал, десятники, прорабы получали дополнительную оплату в зависимости от объема выполненных работ. Эта поощрительная система, предложенная Будасси, дала хорошие результаты.

Много было у Волховстроя горячих друзей и союзников, но немало имелось врагов и злопыхателей, твердивших, будто Советской власти не справиться с таким делом, как создание ГЭС, мол, нет у нее, у этой власти, ни средства,

ни специалистов, ни материалов, нет даже продовольствия, чтобы накормить людей на такой крупной стройке. Прямые враги Советской власти — противники ленинской экономической политики, внутренние эмигранты и злобствовавшие обыватели — быстро нашли общий язык.

— Декреты и призывы технику не заменят. С девятнадцатого года ведется стройка, а что сделано? Почти ничего...

Больше всего скептики ругали Генриха Осиповича Графтио, руководителя стройки. Каких только кличек ему не давали: граф Тио, Генрих Коварский, Дон Кихот Ильменский...

— Вы, молодые люди, еще не знаете его, а нам-то он известен,— апеллировали маловеры к нам, молодым инженерам.— Может быть, он и крупный знаток энергетики, но это кабинетный человек, практик никудышный. Нет, Волхов ему не осилить. Пропадут денежки, заверяем вас. Или варягов пригласят, в ножки им поклонятся...

Распускались слухи о том, что допущены колоссальные просчеты, воды в реке не хватит, чтобы тянуть такую мощность...

Чего только не пророчили Волховстрою! Да если бы только пророчеством дело и ограничивалось. А то ведь при случае и палки в колеса ставили.

Строителям предстояло серьезное испытание: перевезти и установить в створ плотины кессоны. Для этого был спроектирован и построен специальный кран. Все это было поручено моему товарищу по институту Вячеславу Алексеевичу Захарьевскому. Это была первая большая работа в его инженерной жизни. И она целиком захватила его. Вячеслав безудержно радовался каждой удаче и столь же остро переживал каждый просчет. Его громкий голос, усиленный рупором, целый день гремел на реке.

В один из таких хлопотливых дней Захарьевский отправился на небольшом буксирном пароходе «Свобода», чтобы перетянуть трос через реку. При высучивании трос неожиданно обвился петлей за кормовой люк, и матрос не успел сбить петлю. Закрепленный коренным концом к берегу трос туго натянуло течением, и пароход так резко накренило, что он зачерпнул левым бортом воду, мгновенно опрокинулся и затонул. Все люди, находившиеся на судне, оказались в воде. Вячеслав Алексеевич ухватился за деревянную решетку, смытую с кормы, и поплыл к берегу. Тонувших вытащили речники, подоспевшие к месту аварии на лодках и пароходе. Но троих спасти не удалось.

Захарьевского вытащил из воды десятник Федор Репнев. Волховчанин, небольшого роста, коренастый и ловкий, он действовал на воде привычно и быстро. Высаживая Захарьевского на берег, десятник заботливо советовал:

— Надо сразу обсушиться, Вячеслав Алексеевич.

— Ладно, не учи, я сам волжанин.

— Что поделаешь, по какой реке плыть, ту и воду пить!

В день перевозки первого кессона стояла ясная, хорошая погода. Народу собралось много. Руководители операции находились наверху, такелажники — на площадке портального крана. На реке посыльные лодки, буксиры. Кессон уже подняли со стапелей, и вот он плывет на нас, плавучий кран с кессоном, подвешенным над водой между баржами. Водники хлопотливо снуют по реке, кричат в рупор, сигналят флажками; такелажники усердно нажимают на ручки лебедок, вручную выхаживают тросы.

Только на третий день была завершена сложная операция установки первого кессона. Все облегченно вздохнули. Но Репнев, десятник, не давал передышки ни себе, ни товарищам.

— Собирайтесь за вторым,— торопил он.— Теперь у нас дело пойдет шибче!

Репнев покрепче натянул свой небольшой кожаный картуз и пошел на кран командовать такелажниками.

23 октября двинулся по реке последний, десятый кессон. На его торце начертано крупными буквами: «В добрый путь!»

На верхней правой площадке крана, откуда видна вся река, словно капитан на мостике, стоит Г. О. Графтио — коренастый, почти квадратный, в путейской фуражке, с трубкой во рту. Он внимательно и спокойно смотрит на реку, которую уже перегородили девять кессонов. Рядом начальник гидротехнического отдела — Г. С. Веселаго — высокий, худощавый, в пенсне, с полевым биноклем на ремешке, перекинутом через плечо. На левой площадке старший техник В. А. Захарьевский; плотный, большой, с красным, обветренным лицом, он почти не смыкал глаз двадцать суток.

Сегодня все делается особенно сноровисто и быстро. Через несколько часов закончат установку последнего кессона. Волхов будет перегорожен! Вячеслав Алексеевич сияет: сегодня он именинник.

— Вячеслав, ты победитель при Дубовиках! — смеясь, говорю я.

Стройка, несмотря на все трудности того времени, быстро приближалась к своему завершению. Турбины, заказанные главным инженером в Швеции, прибыли морем в Ленинградский порт. Их перегрузили на баржи и по Неве доставили к Волхову. 31 июля 1925 года на Волховстрой прибыли первые баржи с рабочими колесами турбин. Это был большой праздник; всем хотелось своими глазами увидеть машину, которая каким-то чудесным образом будет превращать гидравлическую энергию в электрическую. В ту пору многим не верилось, что такое превращение вообще возможно.

Вслед за турбиной пришло и другое оборудование — получали мы его с советских заводов и очень гордились этим. Где вы, господа злопыхатели! «Электросила» поставила на Волхов четыре генератора для ГЭС, «Красный Путиловец» — щиты, ворота и затворы для гидростанции и шлюза.

Наступила долгожданная пора. Уложены последние кубометры бетона, разобраны тепляки, демонтируется полевое оборудование, вывозятся оставшиеся материалы, убирается строительный хлам. Последними убирают насосы водоотлива, и вода через разбираемую низовую перемычку начинает затоплять котлован. Она поднимается до гранитных носков плотины и останавливается, сровнявшись с рекой.

Все, кажется, идет благополучно, и вдруг беда: узнаем, что на последнем заседании Наблюдательного совета строительства[1] нас обвинили в том, что бетонные работы плотины выполнены плохо. На совете рассматривался вопрос о состоянии плотины и готовности ее к пропуску половодья. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучало заявление какого-то чиновника-путейца.

— Несколько дней назад, как вам известно, я специально побывал на строительстве. Проходя по потерне плотины, я увидел целые доски, оставленные в бетоне...— И инженер извлек из портфеля конверт.— Вот, извольте видеть... Щепа, строительный мусор, которые я собирал в одном из швов в потерне. Я позволю себе сообщить совету фамилию молодого и неопытного инженера, на участке которого мною были сделаны эти находки и обнаружено недопустимое качество бетонных работ.— И оратор назвал мою фамилию.

Совет предложил начальнику технического отдела управления Волховстроя, большому знатоку бетонных работ П. П. Лаупману, совместно с автором заявления срочно выехать на Волхов и выяснить все на месте.

Рано утром в воскресенье, расстроенный и сердитый, я ждал комиссию. Вскоре пришел П. П. Лаупман (он еще накануне приехал на стройку). Я с волнением говорил Павлу Павловичу, что никак не могу понять столь необоснованное выступление «очевидца».

— Не волнуйтесь! Все выяснится,— успокаивал меня Лаупман, человек сдержанный, любивший во всем досконально разбираться.— Странно, однако, что до сих пор путейца нет. А поезд из Ленинграда, наверное, давно пришел...

«Очевидца» мы так и не дождались. Спустились сами в потерну плотины. Она была хорошо освещена и подготовлена для комиссии. Мы стали внимательно, шаг за шагом осматривать бетонную кладку. Качество бетона было хорошее, но везде были видны четкие отпечатки деревянной опалубки. Должно быть, эти обычные отпечатки на бетоне «очевидец» и принял за доски, оставленные строителями.

...Пришла весенняя высокая вода, а с ней ледоход — первый для нашей плотины. В 1926 году половодье на Волхове было исключительно сильным. Вода поднялась и тонким ровным слоем стала переливаться через плотину: гребень по всей ее длине строители сделали очень точно.

Теперь, глядя на блестящее стекло воды, закрывшей нашу плотину, на успокоенную гладь Волхова, отороченную лишь легкой кружевной пеной, мы ощущали истинное счастье, словно с этим половодьем и у нас прибавилось сил и надежд.

И вдруг узнаем, что за носком плотины из воды выскакивает щебенка. Что случилось? Может быть, там разрушается бетон? Тогда Г. О. Графтио со своим заместителем И. И. Кандаловым рискнули проехать в ковше кабель-крана к месту предполагаемого повреждения. Машинист точно опустил ковш и остановил его у самой поверхности несущегося потока. Графтио и Кандалов смогли хорошо рассмотреть все, что происходило за носком плотины. Все было в порядке, и оба они облегченно вздохнули: ложная тревога была вызвана обычным за плотиной водяным вальцем, который при вращении выбрасывал из воды щебенку, оставшуюся у носка плотины. Никакой опасности для плотины не было.

...«Красная газета», выходившая в Петрограде, писала: «Когда Волховстрой будет достроен и даст энергию Питеру — это будет чудо». Чудо свершилось 4 декабря 1926 года. Ток от гидростанции пришел в Ленинград. Через две недели — 19 декабря — состоялось торжественное открытие Волховской ГЭС.

Волховстрой стал Волховской ГЭС имени В. И. Ленина. Станция подключила к ленинградской энергосистеме свои 58 тысяч киловатт. По нынешним масштабам это мощность одного агрегата не очень крупной тепловой электростанции. Но в то время многие хозяйственники считали: Ленинград обеспечен энергией на долгие годы!

Строительство крупной гидростанции, начатое еще в пору тяжкой гражданской войны и разрухи, в условиях острой нехватки материалов, оборудования, отсутствия опытных специалистов, явилось подлинно всенародным подвигом. План ГОЭЛРО одержал первую большую победу.

На торжественном митинге в честь открытия Волховской ГЭС С. М. Киров сказал: «Волховская гидростанция еще ярче осветит нам начатый нами в Октябре великий путь».

Мне выпало счастье познать трудности и радости этого великого пути. Я участвовал в строительстве Днепровской, Цимлянской ГЭС, гидроэлектростанции на Свири, в выборе створа плотины Красноярской ГЭС. Никогда не забуду «трагедийные ночи» на Днепре, комсомольский штурм бетона, битву за Встречный, скепсис американских консультантов и ликование строителей, когда Встречный был перекрыт. Я помню главу американских специалистов на Днепре господина Купера, помню, как перед моим отъездом на новое место работы — Свирьстрой, он сказал: «Господин Филимонов, я знаком с геологическими условиями на Свири. В мире еще нет прецедента, чтобы строили станцию на таких грунтах. Это бред! Взвесьте все как следует. Вы там поседеете...» Мне довелось встретиться с господином Купером уже после того, как Графтио торжественно доложил С. М. Кирову: «Свирьстрой работает на социализм». Я сказал Куперу: «Посмотрите на мою голову. Она, кажется, отнюдь не седая...» Я хотел еще добавить ему, что в те же годы помолодела моя душа. Но он, вероятно, не понял бы этого.

Но из всех электростанций, которые мне довелось строить, Волхов занимает особое место в моей инженерной биографии. Это, если хотите, первая любовь, это первая радость созидания.

Мы верили: ленинский план ГОЭЛРО победит!

---

[1] По распоряжению ВСНХ СССР при президиуме Севзаппромбюро был образован Наблюдательно-технический совет по строительству Волховской гидроэлектростанции, пользовавшийся у проектировщиков и строителей большим авторитетом.

Генеральный секретарь ЦК КПСС
ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ.
К 60-летию со дня рождения.

Первый снег.

Фото М. САВИНА.

С творчеством писателей народов Севера я знаком давно. А вот в тундре Заполярья пришлось побывать впервые. Я ехал через тундру на поезде, видел ее с самолета, плыл по Оби и Печоре. Разбросанные осколки озер, высвеченные местами золотыми пихтами небольшие перелески, мурашиный бег оленьих упряжек, небольшие рыбацкие селения, пригнездившиеся на пологих берегах, сиплый лай огромных ездовых собак и бескрайний простор — я уже видел, был с ними знаком... А видел все это в книгах писателей Севера. Вот тут-то я поймал себя на мысли: как ярко, точно сумели передать широкую гамму контрастов родного края его молодые писатели.

Между тем только здесь, в тундре, я понял, как нелегко писателю показать картины, пейзажи Севера. Зимой кругом снег, снег, снег... Летом — мхи, лишайники, торфяники, гирлянды озер и, конечно, в обилии сатанински бешеные оводы, назойливое комарье и липкий гнус. Людей мало, очень мало.

Поистине нужно иметь глаз художника, чтобы, например, вот так просто, здорово, я бы сказал, кинематографично рассказать об обыкновенной, будничной сцене: «Микул привычно вытащил табакерку через левый рукав малицы, насыпал на широкий ноготь большого пальца темно-зеленый порошок и дернул разом двумя ноздрями. Глаза его мгновенно захлопнулись, по обеим сторонам носа выкатились, как дробинки, крупные, прозрачные слезы. Еще мгновение... и Микул чихнул так громко, что все четыре тонкие ноги вожака упряжки оторвались от земли одновременно. На конце вожжи, привязанной к нарте, олень заметался из стороны в сторону. Его ветвистые рога задрожали, как высокие кусты ивняка, задетые ветром» (В. Ледков «Метели ложатся у ног»).

Когда мы говорим о национальном колорите, национальном духе того или иного произведения, то обязательно хотим видеть художественные образы, ход мыслей, сравнения, психологию типажей в национальном духе. Тогда такое произведение всегда открывает перед нами новый, доселе неизвестный мир, и наш кругозор становится шире. А если национальный автор сумел поднять тему, которая по остроте, актуальности и страстности близка всем, то такое произведение перешагивает национальные границы. В связи с этим мне хочется рассказать о творчестве ненецких писателей, в частности Василия Ледкова, Алексея Пичкова, Александра Канюкова, наиболее ярких, самобытных.

Об их таланте, своеобразном видении мира, умении высокохудожественно показать жизнь своих героев, сохранив всю щедрость национальных красок, говорили год тому назад в Москве на совещании, посвященном литературе Крайнего Севера. Мне пришлось тогда прорецензировать рукопись Василия Ледкова и небольшую книгу Александра Канюкова «Мой ясовей». И, честно скажу, я был обрадован. Ледкова я знал как хорошего поэта. А тут он представил повесть «Метели ложатся у ног». Несмотря на то, что вещь была еще «сырая», было ясно, что писал ее человек талантливый, который неравнодушен к судьбе своего народа и сумел увидеть в происходящих социальных переменах (коллективизация, переход на оседлость) такие характерные черты, которые являются типичными.

Сюжет повести несложен. Единоличник Микул — лучший охотник в тундре, у него самые крепкие олени, молодая, красивая жена, в чуме всегда есть огонь, мясо. Микул уверен, что ему и одному хорошо, но подспудно чувствует, что живет он неполной жизнью. Ведь большинство ненцев вступило в колхоз, значит, люди не пойдут туда, где плохо. Тут грянула война, и Микул, уходя на фронт, говорит жене: «Будет трудно, Нина,— иди к людям»,— что значит, в колхоз вступай.

Война коснулась и ненцев, маленького народа. Приходят похоронные, вся тяжесть работы и забот падает на плечи женщин, детей, стариков.

В лице обыкновенной ненецкой женщины Нины мы видим сильный, устремленный женский характер. Несмотря на некоторые человеческие слабости (этим она и правдоподобна), Нина необыкновенно мужественна. Получив похоронную, она умалчивает об этом и в своем страшном горе остается одна: ни сын, ни мать не знают, что муж ее погиб.

В повести много тонко подмеченных, увиденных глазом художника точных деталей, в которых во всей полноте проявился национальный колорит и суровый характер Севера. Читая такие места, прямо-таки видишь тундру, чувствуешь ее холодное дыхание.

«Микула не одарила природа видным ростом. Зато у него лицо доброе, глаза спокойные, доверчивые, и кажется, они верят всему и даже тому, чего еще нет, но обязательно будет. Под метким прицелом цепких глаз уснула вечным сном не одна сотня песцов, не одна сотня лисиц пропылала пожаром на сильных плечах Микула Паханзеды. Молва о славе охотника, перебегая из уст в уста, уже давно быстрее ветра ходит за семью большими землями. Говорят, Микула Паханзеду, как лучшего охотника земли, знают за морем Белым да и за Хантыйским Камнем (Полярный Урал.— Я. М.), с тайной завистью произносят его имя молодые охотники...»

Настолько сочно и емко нарисовать образ охотника, раскрыть характер его («...глаза спокойные, доверчивые, и кажется, они верят всему и даже тому, чего еще нет, но обязательно будет») в таком маленьком абзаце мог, конечно, только художник, и непременно ненец, живущий в гуще своего народа.

По-своему интересно творчество Александра Канюкова — хорошего, наблюдательного, тонко знающего психологию детей писателя. О нем я хочу начать рассказ цитатой из его книги «Мой ясовей»...

«Уж много раз я старался вызвать своего ясовея на откровенный разговор, но отзовется он нехотя и опять молчит, надует и без того пухлые щечки и упрямится, как молодой олешек.

— Так-так, Артем,— снова заговорил я.— Сказывают, что ты уже и буквы знаешь...

— Слухи ходят?..— заинтересованно переспросил мой ясовей и, повернув ко мне вдруг подобревшее личико, с достоинством взрослого закончил: — Слухи правильно ходят.

А потом и совсем стал словоохотлив.

— Два пастуха за руки здороваются — это «ны» буква,— стал он рассказывать мне.— А «ю» буква — это когда отец мясо хочет из бочки достать, за бочку руками взялся. Пока он возился, волосы упали. Рукой стал поправлять — «ры» — буква такая. «О» буква — та совсем простая. На бочку похожа, на луну похожа, на солнце похожа. Бабку Настю-то у нас видел? На нее тоже похожа. А «вы» буква, как собака, когда спать под сани залезет и свернется.

— А что же из этих букв получится? — поинтересовался я.

— Что получится? Нюров получится!.. Моего отца и меня все так называют».

В этом мальчонке — вся детвора тундры. Посмотрите только, как он мудр, по-детски наивен, искренен, непосредствен. Именно только здесь, в тундре, мог вырасти такой мальчонка.

Несколько слов о творчестве Алексея Пичкова — очень интересного, самобытного поэта. Вот его стихотворение:

Родина... Родина... Тропы оленьи.
Родина... В сопках родное
селенье.
Дома выбегают к студеному
морю...
Есть лучше места в этом мире —
не спорю,—
Есть звезды иные, есть скалы
покруче,
Есть в небе другие,
высокие тучи.
А здесь — ни березки...
Лишь травы сухие
Растут, просоленные
яростным ветром,
У моря окраина милой России
Последним лежит на песке
километром.
Так что же, скажите мне,
что в ней такое?
Иль чудо, быть может,
таится само в ней?
Я трогаю землю шершавой
рукою...
Все это зовется любовью
сыновней.

Много стихотворений написано разными поэтами о Родине — это, пожалуй, самая, если так можно выразиться, популярная и в то же время самая трудная тема. Здесь важно не опуститься до риторики, общих фраз. Здесь важно увидеть свои черточки края, выразить только близкое, одновременно подняться до общечеловеческих чувств. Вот этим стихотворение Пичкова выгодно отличается от других. Оно спокойное, глубокое, проникнуто мягким лиризмом.

...Улетая из Нарьян-Мара, я взял на память о Заполярье пепельно-голубоватый ягель, мягкий и упругий, похожий на спину оленя. С трудом отломил жесткие веточки карликовых берез, усыпанных медью маленьких листьев, и кустик стелющейся черники с листьями-иголками. И все, кому потом ни показывал их, не могли определить, что это за растения. Когда я говорил, что это береза и черника, у всех удивленно округлялись глаза, и примерно говорилось так: «Никогда бы не подумал!» Так и я никогда бы не подумал, если бы не побывал в тундре, сколько тепла, жизни таит в себе Заполярье, согретое добрым словом талантливых ненецких писателей.

■

ТЫ ЖИВ, ТОВАРИЩ!

Это повесть в письмах. Письма подлинные.

Человек, писавший их,— незаурядный рабочий парень, экскаваторщик, стремительный, пылкий, легко ранимый, несколько склонный к тщеславию и браваде, но вместе с тем необыкновенно обаятельный и чистый. Он воздвигал гидростанции на Волге и Днепре, работал в Египте, на строительстве Асуанской плотины и несколько лет назад погиб при авиационной катастрофе, возвращаясь на родину. «Он всегда хотел делать больше других, всегда считал, что на его плечах должна лежать самая тяжелая ноша»,— отзывались о нем друзья.

В письмах Бориса — так зовут героя книги,— пестрых, торопливых, порой очень нескладных, реальная романтика наших дней с высокими юношескими порывами, сложными житейскими коллизиями, яростной борьбой нового со старым, в том числе с собственными слабостями и заблуждениями.

Елена Микулина собрала воедино сто жгучих писем своего героя. За плечами автора — долгие годы большой дружбы с Борисом. Писательница была не беспристрастной свидетельницей его жизни, она, в сущности, активно формировала его характер.

Елена Микулина нашла очень точную интонацию своего повествования. Она скромно пишет о себе, ее роль умного воспитателя угадывается лишь в подтексте.

Автор не стремился к литературной обработке писем, к их «причесыванию» — и, как говорится, слава богу! Поэтому письма сохраняют аромат подлинной жизни, кипение общественных страстей. Но без авторского текста они, вероятно, не звучали бы так сильно, ибо писательница в своих комментариях многое расшифровывает, как бы раскрывая скобки. То предельно лаконичные, то пространные рассказы автора помогают глубже разглядеть тайники души мятущегося парня, его взлеты и падения.

Особенно удались страницы, в которых изображены горькие срывы героя — бесшабашная жизнь «толкача», мелкое тщеславие — и сложные процессы преодоления заблуждений. Досадно, что значительно слабее написаны первые главы: в них раздражает небрежная беглость авторского письма. Излишне сентиментальна вся линия Ларисы Мостовой, к тому же плохо монтирующаяся с основным сюжетом повести.

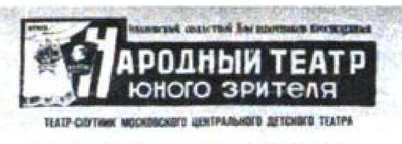
И еще одно замечание. Читая повесть, я узнал в главном герое своего знакомого. Мы, журналисты, посвящали ему в свое время немало строк в корреспонденциях с площадки Куйбышевской ГЭС. Да, это он, Борис Коваленко! Но в повести он почему-то носит фамилию Павленко.

Конечно, дело автора — изменять имена персонажей. Но, право, обидно: Борис Коваленко заслуживает того, чтобы читатели знали его как подлинную личность.

Книга Е. Микулиной — выразительный литературный памятник чудесному человеку.

П. КАРЕЛИН

Елена МИКУЛИНА. Ты жив, Борис! Документальная повесть. Профиздат, 1966 г.

Н. ПУТИНЦЕВ

Фото Б. Кузьмина.

1

СТО СПЕКТАКЛЕЙ В ГОД

2

3

За кулисами настойчиво и тревожно звонил телефон. Врача Елену Николаевну Лебедеву срочно вызывали в больницу. В антракте, на ходу разгримировываясь, Лебедева спешила к машине. Вместо Лебедевой уже одевалась другая исполнительница — учительница Вера Сафрина, а спектакль продолжался...

Этот случай произошел в Ивановском Народном тюзе — «спутнике» московского Центрального детского театра. Тюз хорошо знают в городе и подростки и взрослые.

Иваново — город текстиля. Работают на фабриках все больше женщины. Матери трудятся, а дети зачастую предоставлены самим себе. Досуг школьников — серьезная общественная проблема, Ивановский же драмтеатр не часто баловал ребят детскими спектаклями. Тогда участники старейшего коллектива художественной самодеятельности решили создать народный тюз, чтобы отвлечь подростков от улицы.

Каждый месяц тюзовцы играют десять — двенадцать спектаклей. Значит, в течение сезона их смотрят шестьдесят — восемьдесят тысяч ребят. Спектакли бесплатные.

И в самом театре все на общественных началах! В год — сто спектаклей, значит, каждый третий день — выступление на сцене, не говоря уже о репетициях, диспутах, встречах... Поистине это — самоотречение, подвиг. Ведь у каждого — семья, дети, работа... Конечно, не обходится без самых неожиданных конфликтов! Ангелина Иванова, радистка Аэропорта, живет далеко от города. Пришла в коллектив совсем юной, а сейчас у нее двое детей — с кем их оставишь? Вот, случается, и приезжает на репетицию вместе с Андреем и маленьким Славиком. Саша Масловский тоже часто сидит в зале, когда мама на сцене. К концу спектакля приходят и мужья. Они терпеливо — а чаще нетерпеливо — ждут, когда их жены разгримируются. И все же театр никто не бросает! Ведь искусство не только помогает воспитывать зрителя, но прежде всего формирует самих актеров.

Нелегко сложилось детство Оси Смирнова. Учился в интернате. Часто видели его на улице с «дружками»... Три года назад пришел в театр. Оказалось, что у него хороший голос. Сейчас он в музыкальном училище, занимается вокалом.

Одержимо влюбленная в свой театр учительница Вера Алексеевна Сафрина играет Катерину в «Грозе», Нюру («В день свадьбы»). На уроках литературы говорит с ребятами о художественном вкусе, о понимании красоты. Вместе со школьниками бывает в кино и обсуждает увиденные фильмы. Не удивительно, что все ее ученики стремятся попасть в молодежную студию тюза!

Юношами встретились на этой сцене Ю. А. Дрондин и А. В. Кудряшов. Сейчас Юрий Андреевич — прокурор, Александр Васильевич — адвокат, член коллегии защитников. После горячих дебатов в суде они дружно спешат на спектакль. Вот и на эту премьеру они пришли сразу после заседания...

К сегодняшнему дню все готовились особенно тщательно! Репетировали подолгу, из Москвы приезжал консультант — заслуженный деятель искусств В. Колесаев. Еще бы! «День тишины» М. Шатрова — необычный спектакль. На сцене — дорогой и близкий, волнующий образ В. И. Ленина.

В зале не только юные зрители. Пришли друзья театра — комсомольцы двадцатых годов, педагоги, вожатые. Волнуется главный ре-

1

У врача Е. Н. Лебедевой — срочный вызов.

2

Мамы репетируют...

3

В зрительном зале.

4 5

Наташа Критская на сцене и в школе.

6

Сцена из спектакля «День тишины».

4 5

6

жиссер Нора Евгеньевна Буренева: надо встретить гостей, сбегать за кулисы, где гримируются артисты. Третий звонок. Занавес. На фоне алого полотнища Автор начинает свой рассказ о незабываемом 1917 годе. Постепенно высвечиваются контуры кабинета. Лампа под зеленым абажуром. Над столом склонился Владимир Ильич...

В роли Ленина выступает директор Дворца пионеров Юрий Михайлович Пименов. Юношей переступил он порог этого дома и стал руководить драмкружком, потом ушел на фронт. А после войны вернулся к своим питомцам. Сыграл почти пятьдесят ролей. Тихон в «Грозе», Коломийцев в «Последних», Окаемов в «Машеньке»... Пименова приглашали на профессиональную сцену, но он не захотел расстаться с детьми, с Ивановом, с тюзом...

Крупская — та самая Елена Лебедева, с которой говорилось вначале; она также посвятила театру более пятнадцати лет жизни. Алла Федоровна Туманова и Лев Павлович Колов (в спектакле — Коллонтай и Джон Рид) — старшие научные сотрудники Ивановского научно-исследовательского текстильного института. Пришли в тюз школьниками, а сейчас собирают материалы для диссертации.

Сорок лет, со дня основания коллектива, принимает участие в спектаклях Мария Федоровна Аверина. И до сих пор она самая деятельная, самая активная.

Непоседливую Шурку играет двенадцатилетняя Наташа Критская из 58-й школы. На сцене девочка выступает с первого класса, то есть половину своей жизни...

Любовь к искусству объединила разных людей с самыми различными судьбами. Встречаешься с ними в Ивановском Дворце пионеров и думаешь: каким же огромным духовным богатством они обладают и как щедро отдают его детям!

Б. ФИЛИППОВ

АРТИСТИЧЕСКАЯ ФРОНТОВАЯ...

Записи из дневника руководителя первой фронтовой бригады московских артистов.

28 ИЮЛЯ 1941 года. Враг приближается стремительно.

Еще в середине июля ко мне зашел конферансье М. Н. Гаркави. У нас обоих возникла мысль о необходимости выезда артистов на фронт. Две недели уже я веду переговоры по этому поводу в Главном Политическом управлении Красной Армии. К концу июля все утрясено. Началось формирование бригады — первой фронтовой. Позвонил по телефону «королю смеха» Владимиру Яковлевичу Хенкину, правда, без особой надежды получить его согласие. Прежде всего — его возраст. Кроме того, он связан с Театром сатиры. Отпустят ли его?.. Пустил в ход испытанный психологический прием:

— Володя, я звоню, чтобы тебя не опередили Утесов и Смирнов-Сокольский. По моим сведениям, они на днях выезжают на фронт.

Не успел я закончить фразу, как получил ответ:

— Я сам хотел тебе звонить! До меня дошли слухи, что ты формируешь бригаду. В первой фронтовой должен быть Хенкин! Я предупредил Театр сатиры, что еду!

30 ИЮЛЯ. Ясен состав группы: Л. Русланова, В. Хенкин, М. Гаркави, артисты оперетты: Е. Калашникова и И. Гедройц, артист радио певец Георгий Кипиани, иллюзионист Е. Шуневич со своей женой — ассистенткой его программы, артистка балета Большого театра Т. Ткаченко, дуэт баянистов — М. Борисенко и В. Жерехов, наконец, аккомпаниатор Руслановой, виртуоз на казанской гармошке В. Максаков. В ПУРККА сообщили, что выезд на днях.

...И вот мы выезжаем из Москвы по Можайскому шоссе.

Через три часа мы в Можайске.

Стремглав проскакиваем город, на который падают зажигательные бомбы. Дальше ехать рискованно. Дорога под контролем фашистских самолетов. Наш водитель свернул машину в ближайший лесок. Гжатск. Подъезжаем прямо к Дому Красной Армии. Некоторое время будем базироваться здесь, выезжая в окрестные места, а затем — в штаб фронта. Подъем в 8 утра. В 11 утра, после завтрака, назначен выезд в Акатово.

Едем на том же грузовике. Проезжаем деревеньки — грустная картина войны. Обуглившиеся остатки деревянных строений, погнувшиеся от огня железные кровати. Пахнет гарью; от спаленных домишек ползет дым. Безлюдно. Все мирные жители ушли.

В Акатове дислоцирована воинская часть. Волнений немало. Както примут воины первый фронтовой концерт? Все актеры готовятся выступать с большей тщательностью, чем в залах Москвы!.. Еще до выезда условились, что артисты всегда должны быть «в форме»,— невзирая на обстановку, подтянуты, одеты в лучшие концертные костюмы.

Премьера проходит с огромным успехом. Все в каком-то особенном ударе! Сердечно и искренне встречает аудитория каждое выступление! Хенкина и Русланову почти все знают.

— Товарищ Хенкин! Прочтите рассказ «На даче»! — просят бойцы.— Лидия Андреевна, нам бы саратовские!

Звонкая частушка под гармонь вызывает ласковые улыбки не только у саратовцев, но и у сибиряков, украинцев, москвичей... После концерта нас приглашают обедать, затем мы даем второй концерт — для другой воинской части — и выезжаем в деревню Старое, где у нас еще три концерта.

11 АВГУСТА. Утром выезжаем в направлении Вязьмы. Там будет наша база. По дороге даем концерты в селениях Бровлино и Столбово. Вечером — опять в Гжатске. Старый русский город, мощенный булыжником, пострадал от бомбежек... Сюда подался, между прочим, Смоленский театр. Вся группа активно действует — обслуживает бойцов. Зрители довольны.

12 АВГУСТА. Сегодня дали концерт в кавалерийской дивизии генерал-майора Дрейера.

13 АВГУСТА. Выезд в мотомеханизированную часть подполковника Казанцева. Полк расположен в лесу,— если бы за нами не приехали, мы бы его не разыскали! Гаркави, объявляя концертные номера, посвящает выступления наших артистов героям воинской части. Это очень нравится красноармейцам. Впечатление, будто мы знакомы не первый день и вместе прошли трудные дороги войны. В дивизии заночевали. Танкисты натаскали нам целую гору сена и соломы.

14 АВГУСТА. Проснулись рано утром от гула орудийной канонады. Поднявшись, увидел Хенкина, окруженного группой танкистов. Все хохочут. Подхожу и слышу автобиографический рассказ Хенкина о службе в царской армии в 1906 году и в годы империалистической войны.

Сегодня мы продвинемся еще ближе к фронту — нас ждут в Вязьме.

15 АВГУСТА. Кружимся вокруг Вязьмы в поисках танковой дивизии Героя Советского Союза Мишулина, где должны дать несколько концертов и заночевать. С трудом находим тщательно замаскированный лагерь; над ним непрерывно кружатся вражеские самолеты.

Нынешней ночью возле Вязьмы фашисты сбросили десант. Советские танки отправились на разгром противника. Танковой частью, где мы находимся, командует Герой Советского Союза полковник Лизюков. Его часть дислоцирована на «бойком месте», но мы все равно начали концерт. Лидия Андреевна Русланова посвящает свое выступление Лизюкову.

— Сколько простора в ее голосе! — шепотом восхищается сероглазая шатенка Нонна Тимофеевна Якушева, военврач III ранга. За отвагу ее представили к боевому ордену Красного Знамени.

Гаркави сочинил про Нонну Якушеву песенку. Все красноармейцы и командиры встречают ее горячим одобрением.

17 АВГУСТА. Первый концерт в 11 часов утра для пехотного полка, уходящего на фронт под командованием майора Рязанцева. Полк знает, что через несколько часов придется вступить в бой. Лица бойцов сосредоточенны, серьезны, но во время концерта они преображаются. На полтора часа все позабыто. Снова улыбки и жизнерадостный смех. Иное настроение в нашей бригаде. Уезжаем, с трудом сдерживая слезы...

18 АВГУСТА. Отправляемся в путь в 9 утра в село Батищево.

Сопровождает нашу бригаду Н. Т. Якушева. Полковник Лизюков оглашает приказ о зачислении Владимира Хенкина и Лидии Руслановой почетными красноармейцами 57-й танковой дивизии. В знак уважения к почетным красноармейцам им выдается полный комплект обмундирования и, кроме того, предоставляется легковая машина для доставки в следующую воинскую часть.

19 АВГУСТА. До фронта — 50 километров. По заданию политотдела армии выступаем в Н-ской дивизии. В этот день даем четыре концерта, а под конец, плутая по дорогам, приезжаем в санитарный батальон: Кипиани захворал, и мы кладем его в палату. Плохо чувствует себя и Русланова.

20 АВГУСТА. В 7 часов неожиданное огромное удовольствие, настоящий сюрприз для всех: идем в деревенскую баню! Натоплено на славу; из раскрытого окошка валит пар и видна поляна с остатками сбитого фашистского самолета.

Сегодня утром, в 9 часов 30 минут, первый концерт. Программу ведет В. Я. Хенкин, так как даже закаленный Гаркави захворал.

В небе кружится фашистский самолет, обстреливаемый нашей зенитной артиллерией...

Днем снова в Вязьме. За это короткое время немало страшных перемен. Сгоревшие, разрушенные бомбежками дома. Госпиталь цел. В нем вместе с нашими ранеными бойцами лежат раненые немцы.

Из соседней палаты слышится пение Руслановой. На лицах пленных видно полное недоумение. Один с какой-то грустью, а быть может, с иронией, говорит: «Немецкий солдат знает только своего фельдфебеля!»

22 АВГУСТА. Ночевали в школе. В 10 утра машина подвезла нас на аэродром к «Дугласу».

Летим около часа: время это ушло на поиски мастерски замаскированной посадочной площадки. Нас ждут. Увидя снижающийся самолет, зрители заняли места возле подготовленной эстрады. Начинаем концерт. Выступают баянисты и певец. Гаркави исполняет свой «Синий платочек». Вдруг слышим: «Поблагодарим артистов. Вынуждены сделать перерыв». Экипажи бегут к самолетам.

— Мы будем ждать вас, товарищи! — кричит вслед Гаркави.

Проходит больше часа... Начинаем беспокоиться. И только еще через пятьдесят минут слышим гул самолетов. Все ли вернулись?!. Считаем: один, два, три, четыре, пять... Одна за другой машины снижаются, и, пока не приземлилась последняя, летчики не уходили с аэродрома. Капитан Чуманов подходит к Гаркави:

— Всю дорогу пел ваш «Синий платочек».

В 17 часов 40 минут взлет на новую посадочную площадку в районе Можайска.

23 АВГУСТА. Сегодня концерт опять с утра, в 9 часов 15 минут, в полку Н-ской авиачасти. Принимают горячо. Второй концерт — в соседнем авиаполку, в нескольких минутах езды на автобусе. Моросит мелкий, противный осенний дождь. На этот раз эстрада — дощатый настил, прикрепленный к железным бензиновым бочкам. Над этой огнеопасной площадкой заботливые хозяева создали навес из брезента.

— Эстрада для некурящих! — мрачно изрекает Гаркави.

Не успели начать наш концерт, раздается команда: «Все в укрытие!» — над нами появляется вражеский самолет. В погоню за ним устремляются «ястребки». Когда воздушный бой окончен, артисты продолжают выступление. Временами их заглушает трескотня пулеметных очередей. Треск пулеметов соревнуется еще и с трескотней фронтовых кинооператоров: они отважно снимают происходящее.

Пение Руслановой прерывается командой полкового комиссара Иваненко: «Товарищ Пахнин, выводите своих!», «Товарищ Пахнин, махните фашистам как следует!»...

Наша артистическая бригада впрямь стала фронтовой.

Автор этих заметок А. И. Кобецкая — жена ныне покойного М. В. Кобецкого, члена партии с 1903 года, участника революционного движения в Баку, Курске, Екатеринославе и Петербурге. После Октябрьской революции он на ответственной партийной, советской и дипломатической работе (полпред СССР в Дании, Греции и Албании).

В 1908 году М. В. Кобецкий эмигрировал в Данию. Здесь занимался пересылкой в Россию большевистской газеты «Пролетарий» и центрального органа РСДРП «Социал-Демократ». Михаил Вениаминович вел переписку с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, когда они жили в Париже.

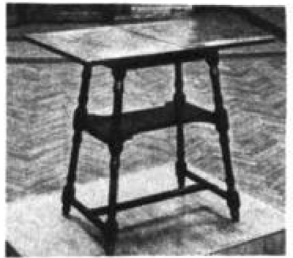
В августе 1910 года В. И. Ленин написал М. В. Кобецкому, что собирается приехать в Копенгаген на VIII конгресс II Интернационала и кстати поработать в библиотеках датской столицы. Он просил снять ему маленькую дешевую комнату. Заметки, основанные на архивных материалах М. В. Кобецкого, посвящены как раз этому периоду жизни Ильича.

Комната, в которой жил В. И. Ленин. Фотография 1932 года.

А. И. Кобецкая передает Ингрид Якоби (справа) и ее дочери подарки Института марксизма-ленинизма.

Ленинский столик, стоявший в его копенгагенской комнате.

А. КОБЕЦКАЯ

КОПЕНГАГЕН. ВЕСТЕРБРОГАДЕ, 112

Ленин приехал прямо из Парижа утром 26 августа. Кобецкий встречал его на вокзале. Владимир Ильич вышел из вагона. Поздоровался. На нем был синий, в белую полоску костюм и панама с очень широкими полями, которая сразу бросалась в глаза.

— Не заботитесь вы о себе, Владимир Ильич,— сказал Кобецкий.— В такой шляпе вас за километр видно.

— Вы думаете? — улыбнулся Ленин.— А я наоборот. Для маскировки. Чтобы лица не разглядели. В Германии могли бы арестовать... Да, а как с комнатой?

— Все в порядке.

Комнатой Ленин остался доволен. Кобецкий нашел ее через знакомых на улице Вестерброгаде, в доме № 112. Была она небольшая, с одним окном, на втором этаже. Обстановка более чем скромная. Ленина, впрочем, интересовал только стол, за которым он мог бы работать.

Столик стоял у стены, маленький, с витыми ножками. Если откинуть доски, то внизу открывался небольшой ящик. В комнате этой жила швея (она уехала на месяц к родным), и столик, вероятно, был предназначен для швейной машинки.

— Очень хорошо,— сказал Ленин, осмотревшись.

В тот же день Владимир Ильич принял участие в заседании Международного социалистического бюро. В пору работы конгресса Ленин принял также участие в совещании левых социал-демократов во II Интернационале.

До начала конгресса и дней десять после его окончания Ленин каждый день бывал в Королевской библиотеке, которая ему очень понравилась, так как имела богатый книжный фонд и хорошую организацию работы. Ленин, в частности, изучал здесь материалы о сельском хозяйстве Дании.

Копенгагенский конгресс II Интернационала начал свою работу в воскресенье 28 августа. Он открылся в большом концертном зале. Этот зал сохранился и по сей день. Каждый год 7 ноября датские коммунисты собираются сюда, чтобы отметить очередную годовщину Октябрьской революции. Здесь с успехом выступали советские артисты, приезжавшие на гастроли.

Ленин участвовал во всех пленарных заседаниях конгресса и вошел в одну из основных комиссий — кооперативную. Владимир Ильич составил проект резолюции о кооперативах и выступил с поправками к резолюции кооперативной комиссии конгресса.

На конгрессе Ленин познакомился с видным датским социал-демократом Н. П. Нильсеном и левым социал-демократом Герсоном Триром, которого знал по переписке.

Революционные настроения, эрудиция и личное обаяние Г. Трира произвели большое впечатление на Ленина. Владимир Ильич с удовольствием беседовал с ним. Кобецкому, который присутствовал на конгрессе по журналистскому билету, он сказал о Трире:

— Редко я встречал такого умного человека.

Журналистские билеты Кобецкому и Инессе Арманд достал Ленин.

Во время пребывания в Копенгагене Владимира Ильича часто можно было видеть в обществе Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Вместе со всеми делегатами Ленин принимал участие в загородной прогулке на двух пароходиках «Гефион» и «Хольгер Данске» в курортное местечко на берегу пролива Эресунн. На обратном пути, когда пароходы подходили к Копенгагену, увидели, что на рейде стоит «Полярная звезда» — белая царская яхта из России. И все делегаты конгресса — тысяча человек — запели «Интернационал».

Владимир Ильич присутствовал на торжественном приеме в копенгагенской ратуше в честь делегатов конгресса.

И Копенгаген и обстановка в датской столице настолько понравились Ленину, что позднее у него даже возникла мысль, не перевести ли в этот город заграничное бюро Центрального Комитета партии и типографию. Дело дошло даже до переговоров о подыскании помещения. Но план этот не осуществился.

После окончания конгресса Владимир Ильич усердно посещал Королевскую библиотеку. Обедал он обычно вместе с Кобецким, который за-

ходил за ним, в маленьких ресторанах или кафе.

На две недели Ленин уезжал в Стокгольм, где встретился со своей матерью Марией Александровной и сестрой Марией Ильиничной. Это было его последнее свидание с матерью: она скончалась в 1916 году.

Ленин вернулся в Копенгаген утром 26 сентября и выступил вечером в небольшой квартире на Розенгорден перед русской большевистской группой эмигрантов, которую возглавлял Кобецкий. Характерна история этой встречи. Во время конгресса Кобецкий просил трех русских делегатов сделать доклад его товарищам, но все трое отказались. Тогда Кобецкий обратился к Ильичу. Он сразу же согласился. Встреча получилась очень теплой. Ленин выступал с воодушевлением и непринужденностью.

Спустя много лет, когда М. В. Кобецкий уже был посланником СССР в Дании, Общество датско-советской дружбы устроило 11 мая 1932 года собрание. Кобецкий сделал доклад о Владимире Ильиче Ленине, поделился своими воспоминаниями о нем. Доклад вызвал отклик в датской прессе. В газете «Политикен» появилось в те дни интересное интервью Эллен Петерсен — хозяйки квартиры, где в 1910 году жил Владимир Ильич в комнате швеи.

«Помню его,— рассказывала в газете (от 14 мая 1932 года) фру Петерсен.— Он был спокойный и миролюбивый, сам купил себе ветчину и яйца и хотел, чтобы я поджарила ему ветчину и сделала яичницу; но мы не могли понять друг друга, поэтому я только положила на тарелку ветчину и сварила яйца. Однако надо было сделать иначе, и он положил и то и другое на сковородку. В другой раз он купил сосиски; тут дело пошло лучше, я их ему сварила. У нас были маленькие дети, и он всегда был приветлив к ним... Я не раз отправляла его телеграммы из почтового отделения на Эленшлерегсгаде. Это было ровно двадцать два года назад. Вообще же мы совершенно ничего о нем не знали, как его зовут или кто он такой. Но помню, я сказала как-то мужу: «Он много испытал в своей жизни. Ведь я чистила его обувь, а она была очень стоптанной».

С тех пор прошло 33 года, и в мае 1965 года, когда я читала в «Библиотеке и Архиве рабочего движения» в Копенгагене различные материалы о VIII конгрессе II Интернационала, я нашла интервью, взятое у Эллен Петерсен сотрудником газеты «Политикен» 25 мая 1964 года, где был указан новый адрес Э. Петерсен. Я позвонила ей по телефону и попросила принять меня.

Наша встреча состоялась, а на следующий день Эллен Петерсен позвонила мне по телефону и сказала, что скоро ее дочь Ингрид со своей дочкой в составе группы туристов поедет в СССР. Я сказала, что к тому времени буду уже дома и обязательно встречу их.

В назначенный день я приехала на аэродром в Шереметьево. Ингрид Якоби привезла мне от Э. Петерсен письмо. Вот оно:

«Дорогая фру Кобецкая! Хочу послать вам привет. Я так была рада приветствовать вас у себя, ведь мы приятно провели с вами это короткое время. Но я сожалею, что вы не видели моего столика, на котором стояло мое радио,— этим столиком пользовался Ленин для еды, вообще для всего в то время, пока он жил здесь».

Столик... Конечно, это тот самый столик. Об этой удивительной находке я сообщила в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Было решено послать для Э. Петерсен от имени института альбом фотографий В. И. Ленина и альбом «Москва». 20 июля 1965 года в Доме дружбы альбомы были в торжественной обстановке вручены Ингрид Якоби в присутствии всей группы датских туристов.

Перед отъездом туристов на родину я рассказала И. Якоби, что Центральный музей В. И. Ленина собирает все вещи, к которым Ленин имел отношение, и попросила никому не отдавать и не продавать столик ее матери, с тем, чтобы впоследствии он был бы передан Музею Ленина.

Лишь в начале сентября я получила от И. Якоби письмо, в котором она сообщала, что ее мать Эллен Петерсен внезапно умерла. Ссылаясь на наш разговор на аэродроме, И. Якоби писала:

«...Что касается столика, на котором стояло радио моей матери и который находился в комнате, где жил Ленин, то могу вам сообщить, что вся наша семья с радостью готова послать столик в Музей Ленина в Москве... Наша мать была бы чрезвычайно рада подарить столик музею. Будьте добры дать мне указания, как переслать столик...»

В конце 1965 года в Центральный музей В. И. Ленина прибыл из Копенгагена столик, стоявший в скромной комнатке, где 56 лет назад жил Владимир Ильич.

КОРАБЛЬ ИЩЕТ БУРЮ

Над Кронштадтом тянутся низкие, серые тучи и сыплют на землю то холодный дождь, то мокрый снег. В такой вот неуютный денек иду в гавань. Здесь стоит новое научное судно «Академик Курчатов». На нем я поплыву в Калининград. Это будет испытательный рейс: морякам и инженерам предстоит проверить действие различных приборов и механизмов.

«Академик Курчатов» построен в Германской Демократической Республике специально для Академии наук СССР. На корабле 27 лабораторий, оборудованных по последнему слову техники, счетно-электронная машина. Все это поможет ученым осуществлять комплексное изучение океана. Необычен и экипаж судна: 18 моряков имеют высшее образование, 20 — студенты-заочники, 30 учатся заочно в средней школе.

...Скрылся из виду Кронштадт, и на корабле приступают к испытаниям. Судно то останавливается, то дает задний ход, то устремляется вперед со скоростью более 30 километров в час. Но вот происходит нечто непонятное. Капитан «Академика Курчатова» Борис Иванович Бондарев нажимает кнопки, и судно, стоя на месте, разворачивается вокруг своей оси сначала влево, потом вправо. Снова нажатие кнопки — и корабль плывет вперед боком.

— Видите, как мы маневрируем,— улыбается капитан.— Моряки всегда мечтали, чтобы корабль имел не только передний и задний ход, но и боковой. Для швартовки очень удобно.

— А чем это достигается?

— В носовой и кормовой части судна установлен специальный механизм.

Плавание протекает очень приятно. Небо очистилось от туч, и спокойное море под лучами скупого зимнего солнца блестит, словно зеркало. Однако капитана такая погода не устраивает.

— Нам нужен шторм,— говорит Борис Иванович.— Необходимо проверить действие установок, которые обеспечивают особо точным приборам постоянное горизонтальное положение при любой качке.— И командует: — Задраить иллюминаторы, закрепить всё по-штормовому, на верхнюю палубу выходить запрещается!

Радио передает этот приказ по всему кораблю. Я старательно разглядываю небеса. Ни одного облачка, полный штиль, никаких признаков надвигающейся бури.

— Бурю мы для себя сами устроим,— объясняет Борис Иванович.— На «Курчатове» есть специальные устройства, успокаивающие качку. А если можно успокоить качку, то можно и раскачать корабль.

«Успокоители качки» переключают на раскачивание. Палуба уходит из-под ног как-то внезапно. Судно сильно кренится на левый борт, и это при спокойном море столь противоестественно, что вызывает острое ощущение надвигающейся опасности. Стараясь удержаться, судорожно хватаюсь за стойку и облегченно вздыхаю, когда палуба возвращается в горизонтальное положение. Но привычной и удобной она остается лишь на мгновение и снова уходит из-под ног. Судно валится на правый борт.

«Успокоители качки», переключенные на раскачивание, действуют основательно. Корабль водоизмещением в 6 тысяч 870 тонн при полном штиле кидает с борта на борт, как во время настоящего шторма. Со стороны это, видимо, весьма впечатляющее зрелище: встречные суда меняют курс, чтобы подойти поближе.

— Сейчас, глядя на нас, моряки диву даются. Вот так посудину построили! — говорит Борис Иванович.— Наши коллеги серьезно беспокоятся, запрашивают по радио, что с «Курчатовым» приключилось, не нужна ли помощь.

Помощь, конечно, нужна, только не кораблю, а людям. Многие из команды еще не «оморячились» и качку переносят неважно. Спрашиваю, долго ли будут продолжаться испытания.

— До вечера,— отвечают мне.

Действительно, судно раскачивается целый день с небольшими перерывами на обед и ужин, чтобы команда могла спокойно поесть. Сразу после ужина спешу в свою каюту и ложусь, рассчитывая заснуть до начала качки. Но, увы, не успеваю. Койка снова начинает колебаться, словно маятник, стараясь поставить меня то на ноги, то на голову. Собираюсь встать, и тут корабельное радио сообщает долгожданную команду: «Прекратить раскачивание судна!» Койка перестает быть орудием пытки и превращается в удобное ложе.

Просыпаюсь на рассвете оттого, что сильно стукнулся головой о борт койки. Корабельный мир вновь стал зыбким, шатким. Качает еще сильнее, чем вчера. С трудом одеваюсь, выхожу из каюты и спрашиваю у матроса:

— В чем дело? Возобновили испытания?

— Нет,— отвечает он.— Просто начался шторм...

На палубе холодный ветер сечет лицо. Качает. Кажется, что огромные волны достигают лохматых туч.

— Успокоители качки будут действовать? — с надеждой спрашиваю у капитана.

— Обязательно. Сейчас включаю.

И вот наше судно спокойно плывет по бурному морю. Успокоители действуют отлично, крен судна в ту и другую сторону едва ли достигает пяти градусов. И все же, когда мы прибываем в Калининград, с удовольствием ступаю на твердую и надежную землю. Прощаясь, спрашиваю у капитана, доволен ли он кораблем и результатами испытаний.

— Вполне,— отвечает Борис Иванович.— «Академик Курчатов» — превосходное судно. Из Калининграда, уже с учеными на борту, мы пойдем пробным рейсом вокруг Европы в Одессу. А оттуда — на шесть месяцев в океаны.

А. ГОЛИКОВ

Фото автора.

Капитан «Академика Курчатова» Б. И. Бондарев.

В лаборатории сейсмоакустики.

ЯШИН ОГНЕУПОРНЫЙ

В 1948 году в резервном составе популярной футбольной команды мастеров «Динамо» появился молодой вратарь Лев Яшин. Только спустя пять лет мы впервые увидели его выступающим за основной состав. Было это на кубковой встрече с командой «Спартак», когда Алексей Хомич получил повреждение. Дебют Яшина нельзя было признать удачным: не успели ввести мяч в игру, как он тут же оказался в динамовских воротах. Но вскоре молодой вратарь показал смелую, надежную игру.

Прошел еще год, и Яшина включили в состав сборной команды страны. С тех пор он неизменный участник всех выступлений сборной.

В 1956 году футболисты СССР завоевали звание олимпийских чемпионов (по мнению специалистов, немалая заслуга в этом успехе принадлежала вратарю сборной Льву Яшину). В 1960 году он был в составе сборной, завоевавшей Кубок Европы. Занимал свое место Лев Яшин в воротах на чемпионатах мира — в Швеции, Чили и Англии.

За свою долгую спортивную жизнь Яшин сыграл 2 тысячи матчей, 70 раз он защищал ворота сборной СССР. Три раза советский спортсмен выступал в составе сборной Европы и один раз играл за сборную мира.

Мартын МЕРЖАНОВ

Как уж повелось: когда снег мягкой целиной покрывает землю и пустеют стылые трибуны, мы оборачиваемся назад, чтобы подвести черту, после которой футбольный сезон, со всем его многообразием, с героями и неудачниками, становится еще одной страницей футбольной летописи.

Сезон — понятие объемное. Он начался в далеком Сан-Паулу, прошагал по стадионам Южной Америки, Европы, особую прописку получил в Англии на чемпионате мира и закончился на заснеженных полях нашей страны. И вот, глядя на него сквозь многогранную призму футбольных битв, нельзя не увидеть знакомую ладную фигуру вратаря Льва Яшина. Редакция журнала «Огонек» в третий раз признала его лучшим стражем ворот.

Как-то французский журналист Робер Вернь — знаток советского футбола — сказал: «Я много лет наблюдаю за Яшиным и поражен его огнеупорной стойкостью...» Это, пожалуй, наиболее точная его характеристика: стойкость спортивного класса.

За два десятка лет, которые Яшин провел в воротах, всякое, конечно, бывало. Последняя линия обороны — самая ответственная, вратарь может рассчитывать только на себя, и поэтому у него чаще, чем у других, не выдерживают нервы. Вот почему стойкость класса у вратарей встречается не так-то часто. Этой стойкостью обладает Яшин. С блеском он выдержал трудные испытания этого сезона, вплоть до последнего матча в Милане.

Я видел лучших вратарей мира в разные годы и в разных состязаниях. В Швеции, в дни чемпионата мира, блистали англичанин Макдональд и ирландец Грэгг. Где они? В Чили отличились чех Шройф и чилиец Эскутти. Где они? Метеорами пролетели над футбольными полями югослав Шошкич и венгр Грошич. А Яшин все эти годы неизменно занимал свое место в воротах московского «Динамо» и сборной СССР.

Восемь лет назад я видел в Стокгольме игру бразильца Жильмара и игру Яшина. Недавно в Ливерпуле я увидел их снова. Мастерство бразильца поблекло, а мастерство нашего вратаря окрепло. Тут мне и пришли на память слова французского журналиста.

О матче в Ливерпуле следует рассказать подробнее, потому что это был полуфинальный матч чемпионата мира, никогда до того советская команда не взбиралась на такую высокую ступень, от которой два шага до Золотой богини. Противниками нашими были сильные футболисты ФРГ. Все это придавало встрече дополнительную нервную нагрузку, и от каждого советского футболиста требовалась исключительно большая выдержка. А тут еще, хотя англичан на трибунах было больше, чем немцев, иной раз казалось, что туристы из ФРГ оккупировали весь стадион «Эвертон». Расселись они так, что всюду видны были их флаги, отовсюду слышны были их песни, какие-то выкрики, выстрелы из ракетниц, писк кларнетов. Помню стройную фигуру Яшина на этом пестром фоне флагов, словно по чьей-то команде приходивших в движение. Подумалось: нелегкая доля выпала нашему вратарю. Но он был спокоен.

И вот начался матч. Футболисты Западной Германии с такой экспрессией бросились в атаку, что наши игроки на какое-то время опешили и попятились назад. Создалось впечатление, что немцы беспрепятственно обстреливают ворота Яшина. Уже на первых минутах быстрый Эммерих неожиданно и сильно послал мяч в верхний угол ворот, и стадион ахнул, ибо никто не сомневался, что немцы открыли счет. И вдруг, мяч-пулю в редком по красоте прыжке обезвредил советский вратарь. Это было настолько невероятно, что Эммерих развел руками и остальные на мгновение словно окаменели.

В моем блокноте записано: «Флаги не колышутся». Да, застыли и флаги, но не успел стадион притихнуть, как Яшин отбил не менее трудный мяч, на сей раз посланный Зеелером, затем третий, пущенный Халлером.

На трибунах люди стоя кричат и размахивают руками. Сквозь гул, повисший над стадионом, явственно доносится: «Я-шин... Я-шин...» А флаги не колышутся. Немцы притихли. Французский журналист Робер Вернь сидел впереди меня, и каждый раз, когда Яшин парировал удар или брал трудный мяч, он поворачивался и поднимал большой палец.

Лев Яшин не только хороший страж ворот, но и опытный организатор обороны. Он часто подсказывает решения защитникам, регулирует их перемещения по штрафной площадке. В пылу борьбы защитники иной раз теряют ориентировку, а вратарю, стоящему на последней черте обороны, как бы виднее все поле. К тому же Яшин умеет видеть поле и предугадывать возможное направление атаки. Это приходит с опытом. Правда, в ливерпульском матче в неистовом шуме едва ли партнеры слышали яшинские реплики и подсказы, но иной раз и жест вратаря или даже выражение лица говорят партнерам о многом...

Матч этот окончился, как известно, со счетом 1:2 в пользу футболистов ФРГ. Все решил полузащитник Беккенбауэр, скрытый в момент нанесения удара игроками так, что Яшин увидел летящий мяч лишь тогда, когда ничего уже сделать было невозможно. Я подробно остановился на этом матче потому, что второй мяч стал поводом для кривотолков. Яшина обвиняли в пропущенном мяче, а значит, и в поражении команды. Истина же начисто отметает «удобную» для кого-то версию и говорит, что Яшин спас нашу команду от крупного поражения. Недаром после окончания встречи немецкие футболисты подбежали к Яшину и поздравили его с блестящей игрой. А вечером в гостинице, сидя у телевизора, мы слушали дискуссию, затеянную английскими футбольными комментаторами: мог или не мог взять Яшин мяч после удара Беккенбауэра? Участники этого обсуждения, занявшего добрый час, пришли к выводу, что не мог. Так был положен конец «удобной» версии.

Да, ливерпульский матч показал нам, на что способен Яшин. По напряжению эту встречу можно сравнить с игрой в Буэнос-Айресе на

Ливерпуль. Матч на первенство мира между командами СССР и ФРГ. Яшин в броске.

стадионе «Ривер плейт» против сборной Аргентины пять лет назад. И тогда Яшин брал, казалось, невероятные мячи. Раздосадованный и капризный кумир местных болельщиков знаменитый Сантфилиппо падал в отчаянии на поле и в нервном припадке бил кулаками по траве, но, как ни старались аргентинские «звезды», гола они так и не забили до тех пор, пока Яшин после грубого на него нападения не покинул ворота.

Я уже давно заметил, что многие журналисты и у нас и за рубежом к оценке игры Яшина подходят с особой меркой. Яшин, по их мнению, должен поражать, восхищать, блистать. Хорошая, ровная игра, за которую другой вратарь заслужил бы высокую похвалу, для Яшина считается неудачной. Тяжелым дополнительным грузом ложится такое придирчивое внимание на плечи Льва Яшина. Он ведь знает, что многие зрители приходят на стадион только для того, чтобы увидеть его игру. Во французском городе Сент-Этьенне, где осенью прошлого года выступала сборная команда СССР, мэр города так и заявил: «Наши жители будут иметь счастье сегодня наблюдать за игрой Яшина». А один местный знаток футбола, очень внимательно следивший за игрой, особенно, как мне показалось, нервничал в те моменты, когда в дело вступал Яшин.

— Я не хотел бы, чтобы наша команда забила гол,— неожиданно сказал он.

— Почему?

— Вы понимаете, у меня создалась определенная иллюзия об игре Яшина, хотя я видел его только раз, и то по телевизору... Это был матч века. Помните? Так вот, я приехал сегодня из Гренобля, чтобы посмотреть, так сказать, «живого Яшина». И, как вы понимаете, я приехал не для того, чтобы увидеть его побежденным.

Но как же Льву Яшину удается так долго оставаться в первоклассной спортивной форме? Скажу сразу: тут дело не только в его трудолюбии, дисциплинированности, любви к футболу, но и в умении непрерывно совершенствовать свое мастерство, в чувстве нового. Общеизвестна, например, его игра на выходах. Он активно вмешивается в борьбу, происходящую в пределах штрафной площади. И не только тем, что умело руководит ею, но и просто как непосредственный участник, как дополнительный защитник. Не раз мы видели Яшина в игре и вне вратарской площадки. Это помогает ему перехватывать почти все мячи, идущие с флангов, выходить на передачу, адресованную форварду, организовывать контратаки, отправляя мяч ближайшему партнеру.

Нельзя сказать, что игра на выходах — изобретение Яшина. Она существовала и до него, но неизменно как личный подвиг вратаря, как смертельный номер, а Яшин показал, что при выходах из ворот вратарь просто является частью обороны, «вписывается в игровую ситуацию».

Яшин создал свою систему игры в пределах штрафной площадки. Недавно в беседе с заслуженным мастером спорта С. Сальниковым Яшин рассказал, как изменилась тактика игры вратарей:

— С приходом второго центрального защитника появилось дополнительное звено в непомерно растянутых ранее коммуникациях. Оборона стала более насыщенной, в ней почти исчезли зияющие бреши, и, наконец, она стала проявлять неуклонную тенденцию к отходу назад, ближе ко мне, чтобы зорко охранять самый опасный участок — подступы к воротам. Поэтому к длинному пасу в прорыв стал успевать защитник. При таких условиях длинная передача в этот район борьбы стала бессмыслицей и канула в небытие. Защитники, как я уже сказал, предпочитают группироваться вблизи штрафной, и вратари оказались между стойками ворот и стеной своих и чужих игроков. Оперативный простор для вратарей крайне сузился, и мы стали совершать быстрые набеги, как бы из засады, неожиданно появляясь на помощь там, где она нужна более всего...

Точнее не скажешь. Да, Яшин именно тот вратарь, который четко реагирует на каждую новинку и умеет найти на нее свой вратарский ответ. В этом секрет его спортивного долголетия.

С. ПЕТУХОВ

Костюмы, которые вы видите на наших снимках, разрабатывали не в Доме моделей. Это одежда специального применения, призванная защищать от радиоактивной пыли. Это костюмы для людей, покоряющих атом.

Часто спрашивают: опасен ли атом?

Специалисты на вопрос отвечают вопросом: а пар? Опасен ли он? А электроэнергия? Опасна ли она? Безусловно! Но человечество привыкло к ним, научилось с ними обращаться, сумело обуздать их и направить по разумному руслу — дорогой созидания. Не следует, видимо, особо выделять и атомную энергию. Она стоит в одном ряду с другими, и относиться к ней нужно так же: по-деловому, рачительно и, конечно, осторожно. Помните, как на первых порах относились к электричеству? Встречались ведь в старых журналах карикатуры на «дьявольский ток». А сейчас — резиновые перчатки, изоляция; электробоязнь теперь дело давнее. Таким же прошлым станет и некоторая изотопобоязнь, поселившаяся в несмелых к прогрессу душах.

Но если при работе с тем же горячим паром достаточно простенькой спецодежды, то людям, которые имеют дело с атомной энергией, с радиоактивными веществами, приходится одеваться посложнее. Наверное, у всех на памяти фотографии: двое у атомного котла атомохода «Ленин». Двое, словно сошедшие со страниц научно-фантастического романа.

А ведь их фантастическую одежду сшили на вполне реальной фабрике, в Кимрах, в небольшом русском городе на берегу Волги. И на костюмах стоит марка: «Кимры. Фабрика всесоюзного объединения «Изотоп». Здесь и сделаны фотографии, с которыми мы сегодня знакомим читателей.

Вот она, одежда атомного века. Пневмокостюмы «ЛГ-5». Сваренные из пластиката. Все в них продумано до мелочей. Впрочем, в таком деле нет мелочей. Совершенную герметичность обеспечивает сварка токами высокой частоты. Сам пластикат армирован капроновой сеткой и потому особо прочен. Есть клапаны-отверстия, через которые выходит избыток подаваемого специальным компрессором свежего воздуха. Шлем имеет смотровое стекло, а в нем — мембрана переговорного устройства. Каждая крупная партия костюмов тщательно проверяется в лаборатории фабрики. Не сегодня начато серийное производство модели, но конструкторы и инженеры не перестают искать, совершенствовать ее. Костюм «ЛГ-5» тоже появился не сразу. Он пришел на смену хорошему «ЛГ-4». Но ведь лучшее всегда вытесняет просто хорошее.

И очень понравились слова, сказанные инженером-технологом Н. С. Семякиной: «Уверена, что близка пора, когда, кроме чисто деловых свойств и качеств, наша спецодежда будет обладать и высокими эстетическими достоинствами».

Как и всякий другой костюм, «ЛГ-5» нужно прежде всего скроить. На фабрике есть закройное отделение, правда, весьма своеобразное. В нем стерильная чистота, все тут покрыто пластиком и другими современными материалами, легко моющимися, позволяющими поддерживать такую чистоту, что сначала показалось, будто здесь никто и не работает. После раскроя детали будущего пневмокостюма поступают в сварочный цех. Станки здесь — высокочастотные агрегаты. Вместо швейной иглы — электроды различной формы, точно повторяющие то округлость смотрового стекла, то замысловатый изгиб специальной обуви — бахил. Вот детали поступили к мастеру своего дела А. Г. Степанову, и сейчас он занят одной из обычных тут операций — сваркой.

Однако на фабрике делают не только пневмокостюмы, но и респираторы, которые называют «лепестками». Они нужны очень многим: и людям, стоящим возле атомной энергетической установки, и тем, кто входит в загрязненное радиоактивной пылью помещение, и горняку, и химику — словом, всем, кто имеет дело с радиоактивными аэрозолями и производственной пылью различного состава. «Лепесток» задерживает до 99,9 процента такой пыли. Но прежде чем легкий, почти невесомый, всего 10-граммовый респиратор попадет к потребителю, над ним приходится немало потрудиться на предприятии. Раскроенный материал попадет в респираторный цех, уставленный небольшими станками. На них и шьют лепестки. Кладут круги фильтрующей ткани, покрывают ее прочной кисеей, присоединяют пластмассовую державку. Щелк! Аккуратная строчка прочно прошила края лепестка. Готово. Целлофановый пакет с надписью «Lepestok» идет к упаковщице. Ловкими, несуетливыми движениями она быстро наполняет коробку с партией респираторов, и конвейер подает их к люку, ведущему на склад... Это экспортная партия, через день-другой она пересечет границу.

Прежде чем прозрачные забрала вставят в костюм, они пройдут проверку многих, и в том числе — начальника отдела технического контроля Т. Зеленовой, которую вы видите на снимке.

Фото Дм. Бальтерманца.

НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВКЛАДКЕ:
Вот она, одежда атомного века!

ОСНОВНАЯ ТЕМА—ТРУД

Сорок лет назад на рабфак при Московском университете поступил учиться рабкор пермской областной газеты «Звезда» Николай Асанов. За плечами двадцатилетнего парня, приехавшего в Москву по путевке «Правды», был уже восьмилетний трудовой путь. Он начался, когда мальчишка, оставшийся без отца, пошел батрачить в зажиточные крестьянские дворы. Потом он работал плотником, лесорубом и, наконец, прокатчиком на Чусовском металлургическом заводе. В 1927 году молодой писатель опубликовал свои первые стихи, через два года — очерки и рассказы. Написал для детей рассказ в стихах о том, что очень хорошо знал, с чем совсем недавно расстался,— книжка называется «Домна». И, пожалуй, с самых первых шагов в литературе определилась тема, которая стала ведущей во всем объемном и многообразном творчестве писателя.

Тема эта — труд. В романе «Ветер с моря» — самоотверженный труд рабочих и инженеров, восстанавливающих крупный порт, разрушенный войной. Напряженные творческие искания ученых — в романе «Электрический остров». Поистине героический труд геологов, ищущих алмазы в суровых природных условиях Северного Урала. Повесть о геологах «Волшебный камень» послужила затем основой для пьесы «Алмазы». 7 ноября 1947 года, в день тридцатилетия Великой Октябрьской революции, состоялась премьера этой пьесы на сцене филиала Московского Художественного театра.

В труде, в борьбе формируются характеры молодых героев Асанова. Наблюдения писателя над жизнью современной советской молодежи нашли отражение в повести «Не надо топтать цветы», опубликованной в 1961 году.

Многие произведения Николая Асанова отличаются остротой изображенных в них конфликтов, напряженностью сюжета. В этом смысле особенно характерны повести, написанные в последние годы, такие, как «Мадонна Благородная», «Взятие Громовицы», «Богиня Победы».

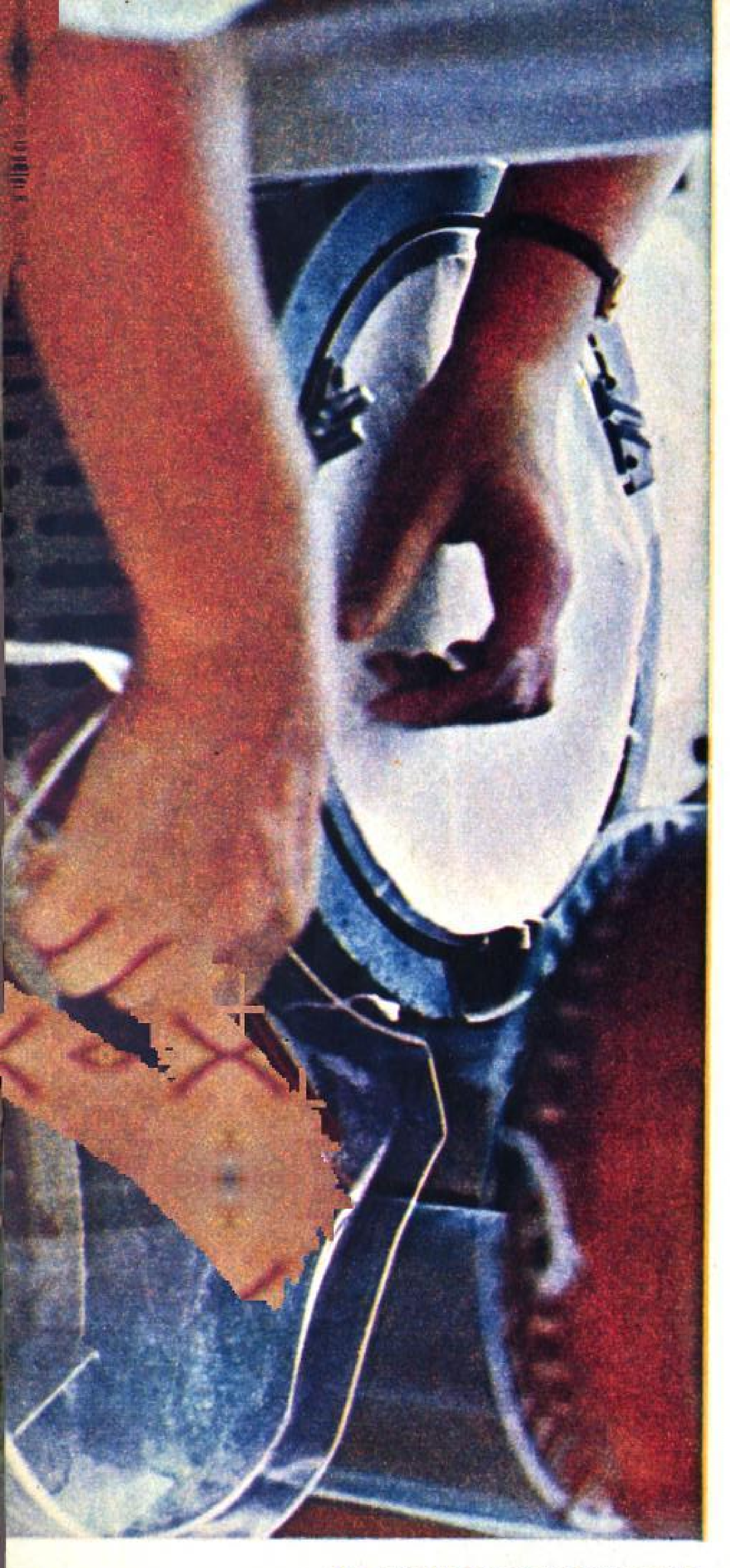
Николаю Александровичу Асанову исполнилось 60 лет. Его творчество хорошо знакомо постоянным читателям «Огонька», потому что в течение ряда лет на страницах нашего журнала публикуются новые повести и рассказы писателя.

Н. ЦВЕТКОВА

Так «шьют» лепестки-респираторы.

Работница сварочного цеха А. Тихомирова выполняет одну из сложных операций — приваривает к шлему смотровое стекло.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

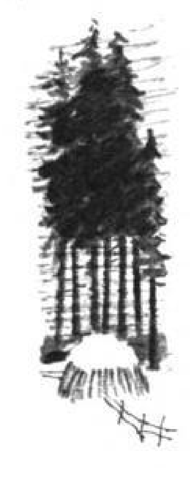
Сосновый бор зимой...

Сосновый бор зимой —
Литых стволов колонны,—
Вдоль кручи по прямой
Встающий наклоненно.

В него таинствен вход.
На нем из снега шапка.
И круглый неба свод
Он подпирает шатко.

В нем тихо и светло,
И, уронив в оконце,
В хвое свое весло
Весь день купает солнце.

Но вот свежак дохнул,
Махнул полой бурана.
И прокатился гул
Вдоль медных труб органа.

Гудят его басы,
Начавши представленье.
Идут стволы босы,
Как в светопреставленье.

Победный клич трубы,
Паденье крон и стоны.
Перед лицом судьбы
Стоит он исступленно.

Но тихнет крик совы,
Стихает рев марала.
В проемах синевы
Кружится снег устало.

Ни мелких дел, ни слов.
Но, жизнь свою осмыслив,
Растут ряды стволов,
Высокие, как мысли...

Стоят в нем в полный рост —
Вот так всегда и мне бы! —
Молчание до звезд
И музыка до неба.

Глухарь

В дыму фосфорической пыли,
При свете ущербной луны,
Едва среди ельника были
Его очертанья видны.

Но вот вдалеке, как за дверью,
Полоска зари протекла.
И угольно-черные перья
Сверкнули в изгибе крыла.

И снова погасли. Но красен
Был глаз под ресницей косой.
И весь он был дик и прекрасен
Своей первобытной красой.

Как древнее чудо, как вестник
Из тех изначальных начал,
Сидел и молчал. И ни песни,
Ни шороха даже. Молчал.

Светало. И вот с расстановкой,
Вдруг, красный прищуривши глаз,
Как будто бруском по литовке,
Легонько ударил он раз.

Потом, спохватившись и чащу
Сторожко обслушав кругом,
Он начал все чаще и чаще
Возить по литовке бруском.

С упорством большим и стараньем
Он вжикал туда и сюда.
В экстазе тряслась под гортанью
Седая его борода.

И это лихое точенье,
Молчания смыв островки,
Текло и текло, как теченье
Какой-то железной реки...

А рядом и небо и горы
Еще не проснулись от сна.
И в чаще, под шубою бора,
Стояла, как ночь, тишина.

Лишь он в торжествующем раже,
Свергая металл на металл,
Средь елей, стоящих, как стражи,
О страхе забыв, грохотал.

Как будто явившись из глуби,
Из тысячелетней глуши,
Трубили, взывая к нам, трубы
Той дикой и древней души.

Славлю

Славлю весеннее дерево
В первой зеленой обнове,
Славлю брожения первого
Терпкость вина молодого,

Славлю нежаркое, рыжее
Солнце, идущее в гору,
Молодость лета.
Но трижды я
Зрелости славлю пору —

Дерево плодоносящее,
Ветром напруженный парус,
Обручи с бочек сносящую
Хмеля кипящую ярость.

Час золотой озарения,
Час материнства и хлеба,
Щедрого благодарения
Пашне родящей и небу.

Пашня вокруг с зародами.
Гуси летят над лугом...
В час твоего плодородия
Славлю тебя, подруга.

Ты словно парус под тучею,
С ветром поющим в союзе,
Яблоня, лугом идущая
С ношею сладкого груза.

Празднично это и весело,
Радостно это и мило:
Сколько бы ноша ни весила,
Все твоей силе — под силу.

Слава ж тебе,
Не подверженной
Скупости черствой и лени,
В чувстве самоотверженной,
Щедрой в благодареньи!

Новосибирск.

НЕВЕДОМЫЙ ШОУ

Любителей театра ожидает радость встречи со спектаклем, поставленным Б. И. Равенских и Н. А. Игнатовой на сцене Драматического театра имени А. С. Пушкина по пьесе Бернарда Шоу «Шоколадный солдатик», никогда не шедшей в Москве. Ранее это произведение называлось «Война и человек».

Получилась комедия острая и смешная, комедия с большим смыслом. Используя ряд острых ситуаций, автор хотел показать фальшивую героику, огромный вред захватнических войн. Режиссура театра имени А. С. Пушкина успешно справилась с трудностями «Шоколадного солдатика», передав сатирический дух пьесы, ее обличительную суть.

Среди актеров особенно хороши в спектакле оба главных героя: швейцарец капитан Блюнчли в исполнении Ю. Горобца и майор Сергей Саранов,— его играет Ф. Мокеев. Невыдуманное, живое различие в характерах этих людей, противостоящих один другому, становится главной причиной конфликта, как и было задумано Бернардом Шоу. Но если сначала мы симпатизируем капитану Блюнчли, так неожиданно и геройски появляющемуся на балконе спальни прекрасной Райны, то после первого действия вниманием зрителей завладевает майор Саранов. При всей своей шумливости, торопливости он — человек. Он мучается, страдает, ревнует. Капитан же Блюнчли не кажется способным на большое чувство. Сыгранный Ю. Горобцом Блюнчли, прежде всего принадлежит делу, он и уважает только себе подобных.

Шоу есть Шоу: он всегда смеется. Но мысль его доходит до зрителей, пронизывая все эпизоды веселого, романтико-сатирического спектакля.

Н. АЛЕКСЕЕВА

На снимке: Финальная сцена спектакля «Шоколадный солдатик».

Фото А. Гладштейна.

ВОВКУЛАК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Первый снег... Как бы там ни было, а мир устроен прекрасно,— в этом убеждены граждане села Сосонки, начиная с тех, которые уже могут ползать на четвереньках, и кончая теми, что еще не стыдятся скатиться с горы на портфеле, на клепке от бочки, в старом корыте или просто встать среди подворья или на улице и загорланить:

— Сне-е-ег! Сне-е-ег!

Васько летел под гору на старой печной заслонке, даже ветер свистел в ушах. А за ним целое войско — розовощекое, чуть сопливое.

— Сне-е-ег!

— С дороги-и! С дороги-и!

Васько налетел на какого-то мужчину, едва не сбив его с ног. Перевернулся, виновато посмотрел исподлобья вверх и узнал чернобородое лицо Поликарпа Чугая. «Сейчас убьет»,— подумал Васько, готовясь принять мученическую смерть. А чтобы умереть по-геройски, чтобы все не подумали, что он струсил, на всякий случай крикнул страшному мужику:

— Вовкулака[1]!

Чернобородый наклонился, поднял Васька с земли, отряхнул с пальтеца снег. И все молча. Васько видел его глаза, и они не казались ему страшными. Они грустные.

Поликарп Чугай, поставив Васька на землю, молча пошел в гору, сгорбившись, будто нес на себе тяжелый груз.

— Вовкулака!— войско дружно, хоть и запоздало, подхватило боевой клич своего атамана.

— Тихо вы!— Васько приложил к губам палец. Ему вдруг сделалось жалко этого страшного бородатого мужчину, которого никто в селе не любит. Его боятся, им пугают малых детей.

На самой горе Васько догнал Поликарпа Чугая:

— Я... не буду больше, дядьку...

На Васька посмотрели грустные глаза:

— Будешь...

Чугай проходил мимо кооперации, мимо конторы, мимо людей, и никто не здоровался с ним. Нет, вот какая-то девушка подбежала к нему. Васько узнал: это Стеша.

— Тату, ты почему не позавтракал?— еле поспевая за отцом, спросила Стеша.

— А-а,— махнул рукой Поликарп.

— Где ты был?

— Навоз вывозил...

— Добрый день.— Это не ему, а дочери. А когда-то здоровались...

— Здравствуй, Стеша.— И это не с ним.

Отворачиваются люди: идет Поликарп Проклятый...

А когда-то...

Красивая жена была у Поликарпа Чугая. Привез он ее откуда-то с Кубани, когда возвращался с фронта.

— Вот, мамо, невестка вам в хату. И дочь,— сказал Поликарп старой матери, знакомя с красивой огнеглазой Мартой.

— Слава богу,— ответила мать.

Уже потом старая Чугаиха рассказала соседям, что познакомился ее сын с Мартой на Кубани, когда лежал в госпитале. Она была там медсестрой. Из госпиталя Поликарп снова попал на фронт, а как кончилась война — поехал на Кубань за Мартой, сдержал слово. Забрал ее уже с ребенком. Поликарп такой: если скажет, то не отступится...

Чугаиха не могла нахвалиться своей невесткой:

— Что уж работящая, то верите, кума, не дает мне и за холодную воду взяться. Рано встанет, поздно ляжет... А доченька, как куколка. Стешкою назвали.

[1] Оборотень, вурдалак (укр.).

Журнал «Вітчизна» опубликовал первое прозаическое произведение известного украинского драматурга Миколы Зарудного — роман «На белом свете». Это повествование о чистой любви, о большой нравственной силе крестьянской молодежи, принимающей трудовую эстафету у старой гвардии сельских коммунистов. Автору удалось наделить своих героев яркими характерами и взволновать читателя их интересными судьбами. Изображенные в романе события относятся к недалекому прошлому украинского села.

Ниже мы публикуем отрывок из романа, который полностью будет напечатан в журнале «Москва».

Поликарп смотрел на Стешу и часто припоминал, как вез их с Мартой со станции, когда приехали они с Кубани. Заболела в дороге Марта, и Поликарп одолжил в Косополье саночки (год был тяжелый — коней не достанешь), посадил на них жену с дитем да так и привез домой на удивление людям.

— Вот это любовь!— плетни даже ломились под тяжестью сосонских молодиц.— На саночках свою разлюбезную возит!

— Будет жить у него, как у бога за пазухой...

— Нашел Поликарп свое счастье!

— А она ж, бесстыдница, хотя б в селе с санок слезла! Расселась!

— Вот жены теперь пошли!

Поликарп только посмеивался.

Где-то в пятидесятом году завербовался Чугай на далекий Север на лесозаготовки, чтобы заработать денег на хату. Письма и деньги присылал Марте исправно. Так прошел год, а осенью добрые люди написали, чтобы возвращался Поликарп домой, если не хочет потерять жену. Связалась она с Ладьком Мартыненко: днюет и ночует у него; а старая Степанида уже и глаза выплакала.

Нет, не ехал, а летел домой Поликарп. Всего он мог ожидать, только не Мартиной измены. Как любил он ее! Он сгорал от своей любви.

От Косополья до Сосонки Поликарп не шел, а бежал, хотел кричать, но у него захватывало дух, и он выл, как сто голодных волков.

— Где она?!— ворвался в хату.— Где она, мамо?!

— Убежала, сыну, с Ладьком удрала, неверная, еще вчера.

— А Стеша?

— Не отдала я, сыну, ветреной...

Поликарп с воем рухнул на пол и так впился пальцами в доски, что срывались ногти.

Вечером он блуждал по улицам села. Взглянув в сумасшедшие глаза Поликарпа, от него в страхе шарахались люди, с ужасом убегали дети.

Ночью разбушевался страшный ветер, вздымал над селом облака пыли, сносил с хат стрехи. И вдруг среди этого рева прозвучал колокол.

— Пожа-а-ар!

— Горит!

— Люди-и-и!

Над Ладьковой хатой стоял высокий, растерзанный ветром столб огня. Люди бежали с ведрами, кричали, плакали. А огонь уже перекинулся на другую хату, на третью, и вскоре пылала в огне вся улица.

Поликарп в беспамятстве лежал в кустах обгорелой бузины... От самосуда его спас Нечипор Сноп. Он стоял над ним с топором в руках и кричал:

— Не дам! Прочь от него!

Семнадцать хат сгорело в Сосонке в ту страшную ночь.

Поликарпа Чугая осудили на десять лет... На суде он плакал:

— Люди, простите меня...

Люди не прощали. Не могли простить те, кому потом пришлось по два-три года ютиться с детьми в землянках. Такого преступления Сосонка еще не ведала.

На этом пожарище, как злая ирония судьбы, стояла невредимой только старая хата Поликарпа...

Через десять лет Поликарп возвратился домой. Застал дочку невестой, а мать слепой от слез и горя.

Дрожащими руками ощупывала мать голову сына, и ей казалось, что он такой, каким и был. Она не видела седины, а ее огрубевшие в работе пальцы не различали глубоких морщин, которые беспощадно посекли лицо Поликарпа.

— Иди, сынок, в каждую хату, упади на колени и проси у людей прощения... Тебе с ними жить... Иди.

И Поликарп ходил, падал на колени.

— Простите меня, и дети пусть ваши простят.

— Бог простит...

— Простите меня, и дети пусть ваши простят,— возле другой хаты.

— Уходи! Уходи! Через тебя, проклятого, ребенка похоронила!..

— Простите вы и...

Может, и простили люди, но не забыли.

Перед самой смертью старая Чугаиха позвала сына и прошептала:

— Такая моя воля, сын мой, чтобы ты искупил перед людьми свой тяжкий грех. Живи здесь, пока в каждой хате тебе не улыбнутся... Слышишь?

— Слышу, мамо...

— Повтори за мной. Жить мне здесь, пока в каждой хате...

— Жить мне здесь, пока в каждой хате...

Вот уже полгода, как возвратился в Сосонку Поликарп, но еще не слышал от людей доброго слова. Кто поздоровается при встрече, а кто и так пройдет. Проклятый. И Поликарп молчал. Ежедневно приходил он в контору и просился на самую тяжкую работу. Копал силосные ямы, целую осень и зиму корчевал пни. Один, в лесу. Дети прозвали его вовкулаком.

После смерти матери Поликарп открыл скрыню и сжег все, что осталось от Марты: платья, юбки, платки, порубил ботинки. Оставил только одну маленькую фотографию, которую Марта прислала ему на фронт.

Стеша все понимала и, затаив боль в груди, никогда ни словом не вспоминала при нем о матери.

Десять лет не видел Поликарп своей дочки. Теперь вот Стеша идет рядом с ним по первому снежку — высокая, стройная, как мать... Она очень похожа на Марту, и голос такой... Сегодня Стеше семнадцать лет... Да, сегодня.

— Ты иди, дочка, домой, а я сейчас.— И Поликарп свернул в улочку.

За эти полгода, которые он живет вместе с дочерью, Поликарп все еще не может привыкнуть к ней. Он ловит себя на мысли, что не знает, как разговаривать с ней, что сказать, когда она поздно приходит домой. Ему иногда до боли хочется обнять ее, поцеловать и рассказать, как он страдал и мучился, но боится показать свою нежность... А к ней уже сватов присылал какой-то мармулиевский тракторист... Ой, годы, годы...

В кооперации было полно людей. Расступились, молча дали Поликарпу дорогу. Он подошел к прилавку. Что ж купить Стеше?

— Сколько стоят вот те часы?— спросил он.

— Да это не для вас. Это золотые,— холодно ответил продавец.

— Мне и нужны золотые.

— Да это для женщины... Одни привезли, вот уже два года лежат.

— Покажите.

Поликарп взял крохотные часики. Они как горошинка на его ладони. Десятки голов с любопытством повернулись к Поликарпу.

— Цокают,— сказал он, приложив часики к уху.— Сколько ж за них?

— Сто тридцать.

— Ого!— только и сказал Поликарп, а люди заговорили вразнобой:

— Пусть бог милует и боронит. У нас за год столько не заработаешь.

— Шиферу можно на всю хату купить...

— Я лучше лисапет купил бы...

— Телевизор — это вещь. Лежишь на печке, а оно тебе показывает, оно показывает... Ух, едри твою качалку, техника...

Поликарп отдал часики и вышел из магазина. Если бы деньги! Двадцать рублей не хватает...

Впереди на тропинке показался Михей; он смешно покачивался на своих длинных ногах.

— Со снежком тебя, Поликарп!— еще издали первым поздоровался Михей.

— Спасибо.

Подойдя, Михей остановился. А почему б и не остановиться? Почему это он должен обходить Поликарпа? Такое случилось с человеком горе! Если б его Ганна лет тридцать назад удрала, то Михей, может быть, все село спалил бы...

— Как жизнь?— бойко спросил Михей.

— Да ничего...— со вздохом ответил Поликарп. И вдруг отважился:— Чи не одолжили бы вы мне, Михей, рублей двадцать? Стеша именинница, так хотел купить одну вещичку...

— Ты знаешь, нету. Скоро зарежу подсвинка, пудов на шесть будет, тогда разбогатею. А сейчас... Хотя обожди... У Нечипора есть... Есть у Нечипора.

— Не одолжит мне никто.

— Ты ж, слава богу, не среди волков живешь.— Михей решительно взял Поликарпа под руку, и они вдвоем направились к недалекой Нечипоровой хате. Возле ворот остановились.— Я сейчас...

Поликарп, будто ждал приговора, напряженно смотрел на дверь дома, куда зашел Михей. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге встал Юхим, сын Нечипора.

— Дядько Поликарп,— позвал он,— заходите в хату.

Впервые после возвращения в Сосонку его пригласили в чужую хату. Еще на подворье Поликарп снял шапку и только тогда переступил через порог.

Когда зашел в горницу, Мария смахнула фартуком с табуретки невидимую пыль и пригласила:

— Садитесь.

— Денег можно одолжить,— сказал Нечипор, когда Поликарп присел на краешек табуретки.— Дай-ка, Маруся. Раз такое дело... Сколько это ей?

— Семнадцать!— выпалил Юхим.

— Что-то ты чужие года считаешь,— усмехнулся отец.

— Семнадцать и есть,— подтвердил, пряча деньги, Поликарп.— Спасибо...

— Не за что.

Поликарп пришел домой, достал все свои сбережения и направился в кооперацию. Люди с удивлением переглядывались, когда он отсчитывал деньги, а затем взял часы в красненькой коробочке. Коробочка переходила из рук в руки.

— Вот это вещь...

— Мда-а...

— Одним словом, золото, едрить твою качалку...

— Дядьку, дайте коробочку под перья.— Синеглазый мальчишка дернул Поликарпа за штаны.

— На черта тебе та коробочка!— Остроносая молодица недовольно подтолкнула сына к двери.— Нашел у кого просить!

А он свое:

— Вы, мамо, не толкайтесь, а вы, дядьку, дайте коробочку для перьев.

Поликарп спрятал часики в боковой карман пиджака, а коробочку отдал мальчику. Тот схватил ее в обе руки — и в дверь.

— Спасибо, такое уж аспидское...— смущенно поблагодарила молодица.

Вечерело, а Поликарп еще не привез от скирды солому для подстилки. «Пусть уж потом пообедаю»,— подумал он и повернул на ферму, чтоб взять коней.

«...Поле белое-белое, только жалостно чернеют голые кустики. Искрится под лучами вечернего солнца снег. Хороший сегодня для Поликарпа день... Встретил Михея и в хате Нечипора побывал... Да и в лавке люди... Коробочку дал... Такой славный хлопчик... Ничего, люди, они простят,— размышлял Поликарп.— Не сегодня, так завтра...»

Подъехав к скирде, Поликарп прицепил коням мешок с кормом, а сам взялся за вилы. Взобравшись на скирду, быстро накидывал солому — большими охапками, даже древко гнулось. Жарко. По лицу уже стекали капли пота, и Поликарп, сняв свой ватный пиджак, бросил его со скирды.

Вот уже на санях высится целая копна. Поликарп прижал ее гнетом и завязал на концах крепкие узлы, чтоб не раструсить солому. Затем отряхнул от половы пиджак и опять — полем, полем, на ферму...

Разгрузив сани, Поликарп отвел коней на конюшню.

— Закурить лично не найдется?— обратился к нему конюх Савва Чемерис.

— Сколько хотите этого добра.— Поликарп достал пачку дешевеньких сигарет и стал угощать конюхов. Этому Савке он бы последнюю рубашку свою отдал: ведь его хата второй загорелась...— Берите, берите...

Еще чуть полегчало на душе у Поликарпа. А сейчас придет домой... На, дочка, носи и батьку вспоминай. Бросится Стеша ему на шею... А часики: цок, цок, цок... Где же это они?

Поликарп искал по всем карманам... Нету. Неужели потерял? Были в этом кармане. Нету. Холодный пот выступил на лбу Поликарпа. Ясно: возле скирды потерял, когда пиджак сбросил. Через огороды побежал в поле. Хотя б не стемнело совсем, хотя б найти.

Добежал. Вот здесь лежал пиджак. Встал на корточки и начал перебирать в руках каждую соломинку. Нет. Но он должен найти! Это ж для Стеши, чтобы она обрадовалась... Замуж выйдет, из отцовской хаты уйдет, а посмотрит на часики и вспомнит... Может, и за Юхима замуж выйдет. Славный хлопец... В Нечипора удался...

Руки в крови, тысячи колючек от старых бодяков впивались острыми жалами, но Поликарп не чувствовал боли. Он даже не замечал, что на дворе уже ночь. Вокруг него — кучи разворошенной соломы... Пальцы задеревенели, не сгибаются... Нету... Нету часиков, нету Стешиной радости...

Возвращался с поля. Не хотели ноги нести Поликарпа... Лучше б потерял он все, что у него есть, только бы не часики. Что же она теперь ему скажет?

Будто чужой подходил к своей хате. Окна светились. Заглянул в окно.

Стеша сидела на лежанке, а на стульчике возле нее — Юхим. На лавке красовался баян. Юхим курил. Стеша была грустная.

«Пусть посидят,— решил Поликарп.— Пойду на ферму. Может быть, там еще конюхи не порасходились». Угостит он их сигаретами, а потом придет домой, поздравит дочь да и о беде своей расскажет. «Не хотел я, дочка»,— скажет Поликарп. «Да ничего, тату, еще купим»,— скажет Стеша...

* * *

В кузнице Платон надел старую, обожженную искрами фуфайку и принялся с хлопцами за дело.

Весело в кузнице: вызванивают молотки, перекидываются шутками хлопцы. Больше всего достается Юхиму, потому что пришел на работу он позже других.

— Долго же она тебя держала, Юхим...

— Позавтракать хоть дала?

— Да хватит вам, хлопцы,— взмолился Юхим.

— И то правда: Юхим к Стешке больше не ходит, за ум взялся и меняет профессию.

— Чем же теперь будет заниматься?

— Идет в помощники к дядьке Михею: кабанов опаливать.

— А что? Каждый день свеженина и чарка...

— А Стешка говорила девчатам, что пока Юхим не научится играть еще и на трубе, замуж за него не пойдет.

— Для нее он сумеет и на цимбалах...

— Я бы и сам научился, если б знать...

— Идите вы к чертям!— не вытерпел Юхим.

В кузницу зашел Поликарп.

— Хлопцы, а вода у вас есть?

Все догадываются, что никакой воды Поликарпу не хочется, а пришел он посидеть с людьми.

— Пейте,— подал кружку Платон.

— Спасибо... Мороз сегодня.

— Да, градусов на двадцать тянет...

— А что ты, Поликарп, сейчас делаешь?— поинтересовался Мирон.

— Воду бычкам вожу. Пока продолбил тот лед на Русавке... Руки болят...

— Могли б кого другого послать.

— Нет, это моя работа... и корма и вода... Спасибо на добром слове.— Поликарп поднял над головой шапку и вышел. Шапку он наденет только за порогом кузницы.

— Мучается человек,— вздохнул Никодим Дынька, худенький человечек с детскими, доверчивыми глазами. Он помогал кузнецам по столярному делу.

— Через таких, как ты, и мучается,— ответил Мирон, сердито посмотрев на столяра.— Не люди, а...

— А какое же твое понятие, Мирон?— затрясся худеньким телом Никодим.— Он спалил мою хату, а я ему в ноги должен кланяться?

— Да он же не вашу жег,— уточнил Платон.

— С горя беды наделал людям,— добавил Юхим.

— А мои дети через его любовь кубанскую должны страдать?— Глаза Дыньки даже побелели от негодования.— Пока жив буду, и словом не обращусь к нему, каторжному... И Текля моя...

— Если б не твоя Текля, то из тебя, может, еще бы человек вышел,— ворчливо заметил Мирон.

Дынька даже подпрыгнул от этих слов.

— Ты мою Теклю не трогай, хоть и партейный!

— Почему не трогать? Твоя же Текля всех баб подбила, чтобы не разговаривали с Поликарпом.

— Ну и что?— не сдавался Дынька.— Потому что она за общество!

Текля «стала за общество» во время жатвы... Как-то Поликарп, освободившись на часок от своей работы на ферме, сам решил вывезти в поле холодной родниковой воды, потому что стояла ужасная жара, а женщины вязали пшеницу и наверняка страдали от жажды. Подвез Поликарп к вязальщицам бочку, налил из нее в ведерко студеной воды, сполоснул кружку и сказал:

— Люди добрые, водички привез свеженькой.

Женщины, усталые, разморенные духотой и зноем, медленно разгибались, бросали работу и шли к бочке. И вдруг на все поле кто-то закричал:

— Не пейте! Пусть он подавится этой водой! Пусть он ею зальется, проклятый!

Сквозь гурьбу женщин протолкалась Текля. Из-под ее платка выбились и упали на худые плечи пряди волос. Пересохшие, черные, как земля, губы потрескались, и на них запеклась кровь.

— Он, он, проклятый, сжег наши хаты и в чахотку детей вогнал! Не пейте! Я прокляну и того, кто напьется из его рук!

— Прочь с поля!

— Проклятый!

— Прочь!

— Душегуб!

Кричали все, даже те, чьи хаты и не сгорели. Женщины размахивали потрескавшимися руками, глаза их пылали гневом, ненавистью и презрением.

Поликарп упал на колени, держа в вытянутых руках ведерко с ключевой водой, и молил:

— Простите. Я не хотел... Текля, напейтесь моей воды... Ганна, Марина, Варка, напейтесь моей воды...—Он ползал перед женщинами на коленях, и из ведерка выплескивалась вода. Потом он припал к стерне и тяжко застонал...

Сейчас Поликарп возит воду бычкам. Бычки пьют...

* * *

Сквозь сон Галина услышала, как кто-то ходил по подворью. Поднялась с кровати и подошла к окну. Неужели Дмитро? Нет. Шаги тяжелые, медлительные. Кто? Что-то положил под дверью. Высокий, в коротком кожухе. Сердце вот-вот выскочит. Что нужно этому чужому человеку? Опять что-то несет... Глаза привыкли к темноте, и Галя узнала: это Поликарп Чугай. Неужели подожжет хату?.. Как она могла подумать такое? Он носит дрова... Да, да. Вот опять положил охапку. Тихо кладет, чтобы не разбудить. Спасибо вам, дядько Поликарп.

А Поликарп все носил и носил тяжелые скрюченные поленья, обмерзшие и скользкие. Еще три дня назад этот огромнейший пень, впившись узловатыми кореньями в землю, пугал Поликарпа своим мертвым, окаменелым величием. Это был, наверное, столетний клен. Когда-то он возвышался на опушке, гордый и могучий. Пень, наверное, до сих пор помнил, как хищно звенела пила, впиваясь в его тело, и как тяжело упал ствол и под ним загудела земля. Пень остался одиноким, порос от тоски зеленым мхом и начал гнить. И вот пришел человек с ломом, топором и лопатой. Пень цеплялся за землю каждым своим корнем, но наконец сдался. Он подумал, что не сможет никогда стать ни мостком, ни высокой дверью, ни широким столом. Он мог еще только сгореть. Лучше вспыхнуть огнем, обогреть своей смертью людей и развеяться в высоком небе дымом, чем струхлявсть в земле и расстелиться прахом под ногами...

Утром Галя с Васьком перенесли все дрова в сарай. Будет теперь чем топить.

— Видишь, какой дядько Поликарп!— глубокомысленно рассуждал Васько.— А говорят: вовкулака.

— Он добрый, Вася.

Прибравшись в хате, Галя взяла три рубля и пошла к Чугаям.

— Здравствуйте,— поздоровалась Галина.— А где Стешка?

— Пошла в кооперацию соли купить. Сейчас придет. Садись, Галя.— Поликарп придвинул табуретку.

— Я хотела вас, Поликарп Васильевич, поблагодарить,— смутилась Галина,— возьмите.

— За что меня благодарить?

— Да за дрова... Вот вам.— Галина положила на стол деньги.— Платон приедет, еще даст.

— Какие дрова? Ты что-то, дивчина, путаешь. Я ничего не знаю...

— Да вы же ночью привезли и носили...

— Не знаю, не знаю... И деньги эти забери, потому что здесь что-то не так. Может, кто и привез, но не я...

Так с теми деньгами и вернулась Галя домой.

...Сапоги Васька лежали в печке — сохли. Если б не эта беда, то можно было бы нацепить один конек и помчаться по улице. А так жди, пока высохнут. Но вообще-то, если ты один в хате, можно найти чем развлечься. Чтобы совесть была совершенно чиста, Васько дважды продекламировал на память: «Мне тринадцать миновало...»,— потому что завтра учительница могла спросить, а потом уж стал перебирать все варианты доступных развлечений. Можно подбрасывать к самому потолку и ловить подушки, можно нарисовать на дверях круг и целиться в него мячом, можно поставить поперек хаты лавку и, разгоняясь из сеней, прыгать через нее.

Первые свои два замысла Васько осуществил с успехом. Теперь очередь за третьим. Лавка — посредине хаты, двери в сени открыты. Васько разбежался от самой лестницы — и р-раз! Высота взята. А что, если поставить на лавку еще стульчик? Опять разбежался и, споткнувшись о порог, загремел на пол... Морщился от боли, но не плакал. Что же делать? Сапоги еще не высохли. И вдруг пришла счастливая мысль.

Васько достал из шкафа Платонову гимнастерку и синие галифе. Брюки не хотели держаться на нем, но веревочка надежно закрепила их где-то под мышками. Гимнастерка большая, но рукава можно засучить. А воротник? Это тоже просто: берется иголка, и воротник сшивается. Теперь надо подпоясаться старым отцовским брезентовым ремнем — и все. Сапоги можно надеть и мокрые.

Осмотрев себя в зеркало, Васько остался доволен. Правда, галифе висели, как на колу, и гимнастерка по колени, но вид солдатский. Затем снял с жердки-вешалки шинель, примерил ее и категорически отказался: шинель висела до пят...

Пришлось Ваську надеть свое пальтишко. Прекрасно! Ведь его не обязательно застегивать, и тогда будут видны и галифе и гимнастерка. Шапка Платона несколько великовата, но ничего. Теперь надо вырезать из картона звездочку. Васько внес из сеней коробку со своими сокровищами. Тут и винтики, и колесики от старых часов, и три петушка... А о них

он и забыл. Этого, самого крупного, надо разрисовать и где-то прибить... А что, если его подарить... дядьке Поликарпу? Денег за дрова он не взял, и Васько отнесет ему петушка.

Но радость Васька быстро прошла: не было красок. Только чуть-чуть осталось черной, а Васько не хотел дарить черного петуха. Где добыть красок? Есть выход: он пойдет и попросит у немого дядьки Ивана Лисняка, тот не откажет.

Васько вырезал и пришил на шапку звездочку, взял петушка и четким солдатским шагом вышел на улицу.

Иван Лисняк жил возле Русавки, но Васько повернул к школе. Там, на горе, наверное, много хлопцев.

Появление бравого солдата вызвало у хлопчиков большой восторг и неприкрытую зависть. Васька заставили снять пальтишко и пройтись в полной форме. Ощупали галифе, гимнастерку. Хорошо Ваську! Матери нет — сирота,— что хочешь, то и делай. Ему предлагали самые лучшие лыжи и сани — спускайся сколько пожелаешь, но он не спешил.

С таким же удивлением и восторгом приветствовали Васька в хате Лисняков. Иван Иванович вытянулся перед ним, а тетка Катря даже задохнулась от смеха:

— Посмотри, какое солдатятко пришло...

Васька раздели, сунули в обе руки по пирожку.

— Ешь, детка, ешь.

Васько положил пирожки на стол и с удивлением посмотрел на Ивана Ивановича. Только что немой Лисняк смеялся, а сейчас почему-то отвернулся к стене, да и тетка Катря вытирает глаза... Чего это они?

— Я пришел к вам попросить красок.—Васько показал тетке Катре петушка.— Пусть Иван Иванович дадут, если есть.

Иван Лисняк, увидев петушка, улыбнулся Ваську и принес из другой комнаты коробку с красками и кисточками. Все это он поставил перед Васьком и что-то показал руками.

— Бери, Вася, рисуй,— сказала Катря.

Васько благодарно качнул головой и положил петушка на лавку. Таких красок ему еще не приходилось видеть: они были в маленьких тюбиках. Васько не знал, с чего начинать, но вот к нему подсел Иван Иванович, достал из коробки овальную фанеру со следами засохшей краски, а потом в своей тетради написал: «Это называется палитра, а краски масляные. Ими надо рисовать так».

Иван Иванович из нескольких тюбиков выдавил на палитру краски, раскрасил голову петушка, а потом передал кисточки Ваську.

Петушок вышел на удивление славный. А когда Иван Иванович несколько раз еще провел своей кисточкой по крыльям и дорисовал хвост, то Васько всплеснул ладонями и прокричал на всю хату:

— Ку-ка-ре-ку-у! Ку-ку-ре-ку-у!

Тетка Катря опять почему-то стала вытирать слезы, а потом прижала к себе Васька и долго целовала в горячие щеки.

Васько поклонился Ивану Ивановичу и тетке Катре, от пирожков отказывался, но ими все равно набили полные карманы.

На прощание Лисняк написал Ваську: «Молодец. Приходи к нам, будем рисовать».

Васько ответил: «Хорошо». Ему хотелось подарить петушка тетке Катре, но, может, и дядько Поликарп тоже очень хочет иметь такого же петушка? Ничего, Лиснякам он еще сделает.

* * *

Не любил Поликарп Чугай этих длинных зимних вечеров. А если еще и работы не было, то тянулись они для него вечность. Посидела бы хоть Стешка дома, было б с кем словом перемолвиться. Но она пошла на ферму, а оттуда побежит в клуб. Разве удержишь? Вышла Стешка из-под его воли. И единственное, чего больше всего боялся Поликарп,— это чтоб не пошел людской поговор о его дочке.

Вспоминалась Поликарпу Марта. Еще не было такого дня, чтоб не подумал о ней. Разве забудешь, когда перед глазами Стешка — как две капельки похожа лицом на свою беспутную мать. Это уже одиннадцать лет минуло, как удрала она с Ладьком. И не появилась, не напомнила о себе дочке даже тогда, когда Стешка жила с бабушкой.

Поликарп зажег еще одну лампу и поставил в другой комнатке. Пусть светятся окна, чтобы людям не казалась такой хмурой Поликарпова хата. А может, зайдет кто на огонек? Открыл бы широко двери, улыбнулся бы Поликарп:

— Заходите, люди добрые, в мою хату!

Поставил бы бутылку горилки, принес бы из чулана холодца, сала; все, что есть в хате, было бы на столе...

— Как же поживаете?— спрашивали бы гости.

— Спасибо, хорошо... Прошу к столу вас. Посидим в моей хате.

Выпили бы по чарке, и пошел бы тихий разговор о том да о сем... Михей Кожухарь мог бы заспивать... А люди проходили бы мимо Поликарповой хаты и улыбались бы:

— Добрый человек Поликарп...

Неужели кто-то идет? Это не Стешкины шаги. Поликарп широко открыл дверь.

— Заходите в мою хату...

— Да я ж иду.— Маленькая фигурка вкатилась в сени.— Добрый вечер!

— О, какой гость у меня!— не прятал радости Поликарп.— Раздевайся, Васько. О, да ты уже, вижу, демобилизовался. Настоящий солдат. Садись, брат, за стол.

— Нет, я ненадолго... Я вот вам принес.— Васько подал Поликарпу петушка.

— Мне?

— Вам. Берите себе навсегда... На воротах можете прибить или над дверями. Не думайте, что это я вам за дрова, это я так...

Васько стоял перед Поликарпом и еще раз убеждался, что эти взрослые — какие-то странные люди: увидят его петушка и, вместо

того, чтобы радоваться, стоят грустные и почему-то прячут глаза. Вот и дядько Поликарп держит за голову петушка, а по щеке катится слеза.

Чугай сначала прибил петушка в хате над дверью, но передумал и повесил на нитке под потолком. Васько хотел идти домой, но Поликарп Васильевич не отпустил. Он усадил Васька за стол, поставил бутылку водки и графинчик с наливкой, принес из чулана две миски холодца, капусту, нарезал сала, достал из печи миску с блинами, из погреба принес квашеных и свежих яблок. Васько подумал, что сейчас сюда придет много людей, но дядько Поликарп достал всего две вилки и две чарки... Что же это за праздник у дядьки Поликарпа?

Поликарп налил Ваську наливки, а себе водки, потом поднялся из-за стола и сказал, будто в хате был не только один малый Васько в гимнастерке брата:

— Спасибо, что зашли («Почему это он говорит мне «вы»?— подумал Васько), что не обходите мою хату... Выпьем за добро, чтоб вам счастливилось в жизни...

Поликарп чокнулся с Васьком. За то, чтоб счастливилось в жизни, Васько, конечно, выпьет. Главное, чтобы не хватать двоек и не рвать штанов.

Чугай почти ничего не ел, а все угощал Васька. Чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить хозяина за такое внимание, Васько достал из кармана пальто два пирожка и подал Поликарпу.

Чугай больше не давал Ваську наливки, хотя тот был выпить не прочь, а себе налил еще раза три и повел разговор:

— Снежок выпал, для озимых хорошо... Может, в этом году уродит...

— Какая еще весна будет,— вспомнил Васько слова покойной мамы.

— Да-а, без дождя земля черствеет... А я, Василь, думаю, может, весной хату новую заложу...

— Можно, если гроши водятся.— Васько повторил когда-то услышанные слова.

— Грошей нет, но уж как-нибудь соберусь за год-два... Правда, с кирпичом трудновато...

— Трудновато,— согласился Васько.— Но люди где-то достают, куда-то ездят...

— Некогда мне ездить да искать, все работа да работа...

— Разве ее переделаешь?—подсказала Ваську мама.

— Да известно... Хотя б хозяйка была в хате... А то все на Стешкины руки... Плохо, Василь, без хозяйки...

— Плохо, дядька Поликарп...

— А годы проходят...

— Проходят, дядька Поликарп...

Чугай, подперев ладонью щеку, тихо начал песню:

Цвіте терен, цвіте терен,
А цвіт облітае...
Хто в любові не знаеться,
Той горя не знае...

Васько знает эту песню. Когда-то ее пели отец с матерью... И Галина пела. Он тоже кладет щеку на руку и звонким голоском заводит:

А я, молода дівчина,
Та й горя зазнала...

и подхватывает Чугай:

Вечероньки не доїла,
Нічки не доспала...

Они пели все громче и громче... Покачивался петушок под потолком...

Чугай провожал Васька, как дорогого гостя, к самым воротам.

— Заходи, Василь.

— Да и вы не обходите нас... А если начнете строить хату, так я вам, дядька Поликарп, помогу...

— Спасибо...

— Я вам такого петушка на хату вырежу!

Авторизованный перевод с украинского И. СТАДНЮКА.

Виктор МАЕВСКИЙ

ОБ ОДНО

Так выглядит улица, ведущая к советскому посольству в Пекине. Стены домов заклеены антисоветскими лозунгами.

В рупор выкрикивают цитаты из произведений Мао Цзэ-дуна, и нестройный хор голосов повторяет их, как молитвы.

Хунвэйбины. Над ними, на стене, лозунг «Быть хорошими солдатами председателя Мао». И подпись: Линь Бяо.

Полотнищами иероглифов заклеены стены учреждений иной раз до третьего этажа.

Здесь, у здания Шанхайской промышленной выставки, хунвэйбины снесли скульптуру, изображавшую советского и китайского рабочих.

В нашей печати уже сообщалось о том, что делегация Общества советско-китайской дружбы во главе с обозревателем «Правды» В. В. Маевским, приглашенная в Китайскую Народную Республику в связи с празднованием 49-й годовщины Октября, вынуждена была прервать визит и возвратиться на Родину. Это было вызвано тем, что определенные элементы в Китае, явно не заинтересованные в укреплении дружбы между народами СССР и КНР, создали вокруг делегации нетерпимую обстановку, пошли на грубые антисоветские провокации.

И ДНЕ В ПЕКИНЕ

Мы приехали в Китай на двадцать дней, но пробыли там только пятнадцать. О каждом из этих дней можно было бы многое написать. Однако я хочу здесь рассказать лишь об одном дне.

Этот день навсегда оставит горькие воспоминания в сердце каждого из членов нашей делегации. Мы никогда и не думали встретить его в такой обстановке.

Было 7 ноября 1966 года, 49-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, день, священный для каждого коммуниста, для каждого труженика на земле.

Рано утром позвонили корреспонденты, сообщили: с половины девятого сотни хунвэйбинов блокируют советское посольство. Перед красным знаменем страны Советов, перед портретом В. И. Ленина, перед флагами союзных республик распоясавшиеся молодчики скандировали антисоветские лозунги, стучали кулаками по проходящим машинам, наклеивали новые клеветнические плакаты.

С тех пор, как началась «культурная революция», провокационные вылазки против посольства СССР повторяются почти каждый день. Даже малыши на улице, ведущей к посольству, гоняясь друг за другом, кричат: «Долой ревизионистов!» И смех и грех!..

На стенах домов по улице, ведущей к советскому посольству, уже давно нет, что называется, «живого места»: все заклеено антисоветскими лозунгами. Ветер треплет лохмотья «культурной революции». Огромными иероглифами, словно черными жуками, заклеена дорога у посольских ворот, надписи выведены на тротуаре, на фундаментах фанз — всюду.

В это утро шумиха у посольства продолжалась два часа. Ровно в 10 часов 30 минут по команде военных демонстрация прекратилась, ее участники рассеялись.

Тем временем нам принесли номер «Жэньминь жибао». В газете печаталась краткая официальная поздравительная телеграмма по случаю годовщины Октября, где-то на пятой странице — несколько строк о кинопросмотре, состоявшемся по этому случаю накануне. Зато не было недостатка в статьях и материалах, пронизанных грубой антисоветской клеветой. Особенно отличались этим речи китайских студентов, возвратившихся из Москвы. Кажется, они побили все рекорды антисоветской стряпни.

Пришли работники Общества китайско-советской дружбы, сопровождавшие нас. Не претендуя ни на что большее, мы все-таки могли ожидать, что советскую делегацию хотя бы в двух словах поздравят с праздником. Увы, наши хозяева не вспомнили о нем.

Мы отправились в Пекинский университет.

Хотя было раннее утро, город уже заполнили приезжие и местные хунвэйбины. С красными книжечками цитат из произведений Мао Цзэ-дуна они тысячами бродили по улицам и площадям, зубрили цитаты в одиночку и хором, пели цитаты, песни «Алеет Восток», «В море не обойтись без кормчего».

Вот кто-то читает в рупор цитату — и нестройный хор голосов повторяет ее, как молитву. Вот группы хунвэйбинов стоят или сидят перед «дацзыбао», читают, что-то переписывают. Полотнищами иероглифов заклеены стены учреждений — иной раз до третьего этажа, заборы, исторические памятники. Хунвэйбины заполнили площадь у дворцов Гугун. Над ними лозунг: «Быть хорошими солдатами председателя Мао». И подпись — Линь Бяо.

В университете тоже полно хунвэйбинов. Здесь начиналась «культурная революция». Администрация, партийная и комсомольская организации разгромлены, университетом заправляет «комитет», в который входят хунвэйбины — аспиранты и студенты. Нам долго рассказывают о прегрешениях ректора университета, которые, в частности, заключались в том, что он требовал от студентов изучать науки, а не только зубрить известные цитаты. Говорили о задачах «культурной революции». Они сводятся к одному: «овладеть идеями Мао Цзэ-дуна», «защитить Мао», «разбить собачьи головы тех, кто выступает против Мао».

Мы спросили, как относятся наши собеседники к культурному наследству Китая и других стран. Нам поведали, что к Бетховену «относятся критически», «Аппассионату» не слышали, что говорил В. И. Ленин об этом замечательном произведении, не знают. Чернышевского и Добролюбова считают «буржуазными критиками», о том, что Энгельс называл их «двумя социалистическими Лессингами», не слыхали. Кто такой Лессинг, аспирантам-философам неизвестно...

Итак, мы ощутили культурную сторону «культурной революции». Возник, естественно, вопрос и о том, почему «революция», которую именуют не только «культурной», но и «пролетарской», совершается в общем-то без участия пролетариата. Ведь на заводах, фабриках, в народных коммунах пока что нет хунвэйбинов. Нам разъяснили, что рабочие и крестьяне должны работать → это и есть их вклад в «культурную революцию». Все остальное сделает «ударная сила» — хунвэйбины из учащейся (точнее, неучащейся теперь) молодежи. Это был странный «марксизм».

Наша беседа подходила к концу, когда кто-то из хозяев обрушился с нападками на «советских ревизионистов». Мы напомнили, что не слышали от наших собеседников ни слова об Октябре, о дружбе народов наших стран, но уже слышим антисоветские выпады. В ответ раздались новые клеветнические выкрики и заявления. Стало очевидным, что здесь была запланирована очередная провокация против советской делегации, и нам не оставалось ничего другого, как покинуть помещение. Вслед нам неслись злобные антисоветские выкрики.

Мы сели в машины, но они не двигались с места. Вокруг уже бушевала толпа хунвэйбинов, скандируя антисоветские лозунги. Тогда мы двинулись пешком к университетским воротам. Путь нам преградила стена злобствующих молодчиков.

Делегаты запели «Интернационал». В ответ по чьей-то команде из задних рядов толпа стала петь «Алеет Восток». Мы могли убедиться в том, что великому пролетарскому гимну определенные элементы в Китае противопоставляют ныне эту песню, пронизанную преклонением перед Мао Цзэ-дуном. А «Интернационал» звучит только «на экспорт», по радио на зарубежные страны.

Представители Общества китайско-советской дружбы поспешили отправить нас из университета. Вместо того, чтобы извиниться за провокацию, учиненную в такой день, они пытались оправдать участников антисоветской вылазки. Было ясно, что те, кто изо дня в день раздувает антисоветскую пропаганду в Китае, хотели извлечь пользу и из провокации в университете. Вряд ли им это удалось.

Мы уехали в наше посольство.

Одна за другой приезжали сюда машины с огромными корзинами цветов — это друзья поздравляли нашу страну, наш народ с Великим Октябрем. Вечером сотни представителей многих стран собрались на традиционный прием по случаю праздника. С китайской стороны присутствовали Чэнь И, Го Мо-жо и другие.

Вскоре после того, как китайские гости покинули посольство, перед его воротами вновь появились «демонстранты» с барабанами и гонгами. К полуночи подъехала машина с громкоговорителем, снова на всю улицу разносились цитаты и антисоветская брань. Возвращаясь в гостиницу, мы должны были выехать из посольства через другие ворота.

Много всего было в последующие дни, когда началось наше путешествие по стране, но мы уже ничему не удивлялись. Нами владело лишь чувство глубокой горечи. Мы вновь испытали его с особой остротой, когда побывали на Шанхайской промышленной выставке. Здание, в котором она размещается, строилось когда-то с советской помощью. У входа стояла скульптурная группа, созданная Л. Кербелем,— советский и китайский рабочие, лозунги говорили о дружбе народов наших стран. Хунвэйбины снесли скульптуру — символ этой дружбы. Они снесли и памятник А. С. Пушкину в Шанхае. Мы видели разрушенные древнекитайские памятники, картины, замазанные хунвэйбинами...

Мы вынуждены были покинуть Китайскую Народную Республику в силу того, что некоторые деятели Общества китайско-советской дружбы, включившись в антисоветскую кампанию, преднамеренно создали вокруг делегации нетерпимую обстановку. Но, покидая Китай, наша делегация уносила с собой не только чувство горечи. Наши сердца были полны симпатии к китайским труженикам, с которыми мы встречались, ко всем тем, кто, несмотря на трудную обстановку, старался помочь нам, кто выражал свое доброе отношение к Советской стране. И это укрепило нашу веру в то, что противники советско-китайской дружбы в конечном счете потерпят провал.

НЕБО НА ЛАДОНИ

Ю. СБИТНЕВ

КАМЕННЫЙ КОРИДОР

«В дальнюю дорогу выходи в четверг».

Народное памирское поверье.

Как-то так получилось, что наше путешествие на Памир началось в четверг.

5 часов утра. Над аэропортом Душанбе висит широкая чистая луна. Рассвет только-только еще наметился. Чуть поблекли звезды, едва проступили на горизонте ломкие линии гор, обозначились силуэты «ИЛов», «ЯКов» и «АНов», дремлющих на стоянках. Наш «ИЛ-14» — первая ласточка, первый запевала нарождающейся трудовой песни дня.

Несколько минут мы еще летим в плотной сутеми утра и вдруг, преодолев невидимый барьер, зависаем в пустоте солнечных лучей, хлынувших из-за гор. Упруго гудят моторы. Самолет взбирается на Памир.

Каменный коридор. Справа и слева лиловые скалы в белых снежных шапках, в рыхлых шубах тумана. Из кабины выходит механик.

— Товарищи, кому нужен кислород?

Это уже Памир. Самолет плавно покачивается, приподнимая то одно, то другое крыло,— пропускает под плоскостями острые каменные гольцы. По сложности пилотажа в мире есть еще только одна такая трасса — где-то в Кордильерах.

Наш «ИЛ-14» совершает сегодня первый рейс на Крышу мира. Следом за ним уйдут еще 9 самолетов.

Проходим Рушанское окно — узкий каменный каньон, и машина буквально соскальзывает в неширокую долину с квадратиком посадочной площадки. Хорог — столица Горно-Бадахшанской автономной области.

«...ДО СТА ЛЕТ ЖИТЬ БУДЕШЬ»

Гудит угрюмый Гунт,
Гранит громады гор,
Плывет ущельем гул
От Она до сих пор...

Гунт угрюмый, своевольный, в белых сединах бешеных волн. Словно тяжелым мечом, расколол он скалы, раздвинул горы, вырвался широким потоком к пограничному Пянджу — истоку великой Аму-Дарьи. Неукротим Гунт. И все-таки люди заставили его вращать турбины, дать свет городу.

Город над Гунтом Хорог едва ли не самый молодой из всех столиц мира.

Из Хорога начинается наше путешествие по заоблачным дорогам Памира. Дорога эта то взмывает в небо, то, припадая к стремнине реки, спешит на восток. Из-под колес «газика» брызжут камни. Руки шофера напрочно впаяны в баранку руля. Езда на памирской дороге напоминает соревнования по слалому. Только длится это соревнование не минуты и не часы — дни, недели, месяцы, для шоферов — всю жизнь.

Останавливаемся на дне ущелья. Откуда-то сверху падает кинжально-голубой родник. Вода пахнет небом, высотой. Вершин гор не видно, и если долго-долго, закинув голову, смотреть в небо, увидишь белые большие звезды. Они прозрачны и чуть шевелятся.

И снова дорога. Навстречу спешат рейсовые автобусы, пронырливые «газики», грузовые машины. Пропускаем их, прижимаясь к краю пропасти.

Долина реки Гарм-Чашмы — узкий каменный каньон в зелени деревьев и кустарников. Круглые шары соцветий татарника нависли над бегучей чистотой холодной голубой воды. Нежданно-негаданно стенки скал расступаются, и на горизонте возникает громадная белая палатка в синих складках ледников — пик Маяковского.

...В зеленой чаще трав и садов легкие деревянные домики. Тут, на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря, работает самая высокогорная лечебница в мире — Гарм-Чашма. Я вспоминаю разговор стариков памирцев: «Пройди дорогой от Ишкашима до Зонга — встретишь сто родников, попьешь из каждого — до ста лет жить будешь».

Горячие целебные — свыше 75 градусов — сероводородные углекислые воды источника не уступают всемирно известным пятигорским. Каждое лето сюда приезжают на лечение трудящиеся Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Подле голубых бассейнов — несколько мотоциклов с нездешними номерами — туристы из Прибалтики.

В километре от источника, что вырывается из недр земли несколькими белыми парящими фонтанами, другой — нарзановый. Молодой врач, аспирант кафедры кожных болезней Таджикского медицинского института Елена Таджидиновна Исаева рассказывает:

— Гарм-Чашма — будущий высокогорный курорт. В скором времени здесь вырастут корпуса новой здравницы. Солнце, прозрачный, чистейший воздух, целебные воды — неисчерпаемый кладезь здоровья. А где вы еще увидите такую красоту?!

Всего за сорок минут автобусы доставляют сюда из Хорога отдыхающих. И как знать, может быть, в скором будущем скромная лечебница Памира затмит славу всемирно известных кавказских курортов.

Кстати, уже сейчас колхозники Ишкашимского района пользуются своими колхозными водолечебницами. Есть тут горячие нарзановые источники и воды типа боржоми.

К сожалению, уже несколько лет тянутся межведомственные переговоры об использовании богатейших целебных источников Ишкашима. Решается вопрос: выгодно или невыгодно вывозить памирский нарзан? И мнение-то, в общем, одно — надо использовать дары природы. Но вот кому — так и не договорятся...

ПОКОРЕНИЕ НЕПОКОРЕННЫХ

Стекает сталь воды
С клинков холодных скал,
От пыли стал седым,
Как древний аксакал,
Я пленник твой и сын...

В Мургабе идет дождь вперемежку с крохотными иголочками снега. Высота около четырех тысяч метров. Восточный Памир — высокогорная пустыня, ландшафт которой, как утверждали многие путешественники, похож на лунный. Громадные развалы камня, голубые кратеры озер в белых заберегах вечных снегов, лишайники — крохотные, словно вырезанные из жести, венчики стелющихся цветов, и вокруг ни единого деревца, ни кустика. На громадной плоской долине Аличур отары высокогорных овец, стада медленных яков. Воздух тут разреженный, чувствуется острый недостаток кислорода. Нет-нет да и потянет вздохнуть глубоко, во все легкие.

Восточный Памир — плоская ладонь земли, на которой лежит небо. Это край чабанов, родившихся рядом со звездами. «Внизу плохо, внизу мы болеем»,— говорят здешние чабаны.

Мы сидим в номере мургабской гостиницы. Разговариваем с оператором Московской студии научно-популярных фильмов Андреем Вагиным. Уже ночь. Высыпали звезды, зажглись электролампочки в окнах домов. Но никак не поймешь в белесом хаосе редких облаков, где звезды, а где светящиеся окна.

Еще в Хороге мы слышали о группе спортсменов, собирающихся проплыть на плотах из Мургаба в Рушан по диким памирским рекам — Мургабу и Бартангу.

— Нельзя, не смогут пройти. Нам и то страшно,— утверждали местные знатоки Памира.

Неправда, можно пройти! Вот уже десять лет в нашей стране существует необычный вид спорта — сплав по рекам на специальных плотах. Покорены считавшиеся раньше непроходимыми реки Восточного Саяна, Урала, померились силой спортсмены и с бешеным Нарыном, и вот теперь они на Памире. План штурма — иначе и не скажешь — таков: пройти реку Мургаб, ее белые, почти вертикальные сливы, пороги, водопады, скальные прижимы, выйти в Сарезское озеро и под парусом пересечь его до Усойского завала. В 1911 году там произошло землетрясение, обрушившее горы в реку Мургаб. Так образовалась естественная плотина — Усойский завал, так образовалось Сарезское озеро. Дальше спортсмены обнесут плоты посуху. Это значит, по горным тропам, по крутым лестницам, сплетенным из тала, и снова по реке, которая при впадении Кудары будет уже называться Бартангом. Андрей Вагин идет вместе со спортсменами как рядовой член команды. Он должен снять цветной полнометражный научно-документальный фильм. Вагин рассказывает нам о своих планах, о песнях, нарядах и обычаях бартангцев. У них свой язык, свой уклад. Это смелые охотники, бесстрашные проводники и знатоки звериных троп.

Через несколько дней из Ангарска приедут в Мургаб еще два участника сплава (кстати, все в группе, кроме кинооператора, мастера спорта). И тогда в путь-дорогу! А пока сооружается плот для сплава по дичайшим рекам мира. Строители учитывают все то новое, чего достигла современная наука: участники экспедиции — молодые ученые из разных институтов страны. Они решили провести свой отпуск на Памире...

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ!

Еще в Душанбе нам удалось посмотреть съемочный материал дипломной работы студента ВГИКа Давлята Худоназарова. Давлят — первый кинооператор-памирец. Он родился в горном кишлаке.

Сюжет документальной кинокартины прост: рассказ об одном дне памирского горного кишлака. День этот полон заботами и радостями обыкновенного человека. Колхозник пашет трудную памирскую землю, чабан гонит в горы отары овец. На маленькой мельнице мелют зерно. Строят новый дом. Шьют одежду. Вяжут джурабы — необыкновенно красивые шерстяные носки. Привозят в магазин товары. А вечером празднуют рождение ребенка — нового человека встречают на Земле (таков древний обычай) песнями и удивительными по своей красоте и выразительности танцами.

Киноматериал подкупает своей естественностью, любовью к Родине, к извечным заботам человека.

Но когда просматриваешь кинокадры, прислушиваешься к рассказу памирца-кинооператора, вспоминаешь беседы с горцами-землепашцами, невольно задумываешься: сколько здесь пока еще не решенных проблем!

Мы проехали по отличной автотрассе — Хорог — Ишкашим — Мургаб. По шоссе, вырубленному в неприступных теснинах гор, пробегают «Волги», «Москвичи», идут рейсовые автобусы. Электрический свет горит в каждом из встречающихся на дороге кишлаков. Колхозы намерены строить новые кинотеатры, библиотеки, гостиницы, больницы. Люди любят свой край, свою землю и гордятся, когда собирают тут богатый урожай.

Тяжела памирская земля. Не в каждом месте выгодно сеять хлеб, выращивать овощи. И колхозники говорят ныне, что как нельзя кстати началась специализация отдельных сельских хозяйств и сельскохозяйственных районов.

Сейчас, когда пишутся эти строки, готовится вопрос об экономическом развитии Горно-Бадахшанской области. Несколько месяцев специальная комиссия внимательно изучала экономические особенности каждого из районов Памира. Когда в обкоме партии мы спросили о перспективах этого края, нам ответили:

— Дальнейшее развитие Горно-Бадахшанской автономной области зависит от того, насколько внимательно подойдем мы к каждому району в отдельности.

Иначе нельзя!

Загадка, проблема, открытие, факт

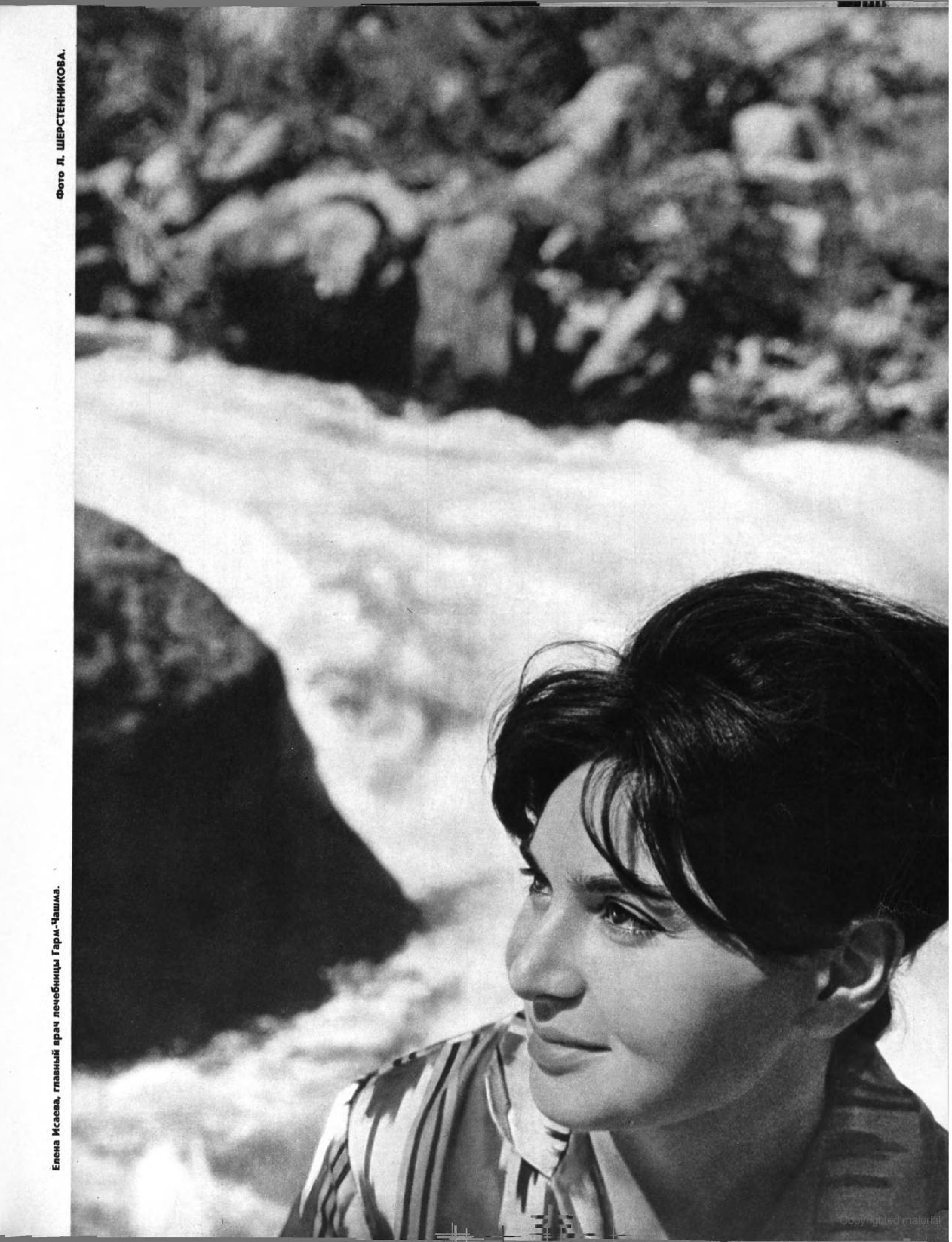
ЗАПРОГРАММИРОВАННЫЙ ТОРТ

— Этот торт вам нравится? — Продавщица снимает крышку и ловко поворачивает торт, показывая его рисунок. Вы еще не можете оценить его свежесть и вкус, но он красив — это ясно.

Кондитер ценится не только как тонкий знаток своего дела, хорошо усвоивший рецептуру и умеющий готовить вкусные изделия, но и как художник, придающий им привлекательный вид. Подлинных художников мало, а красиво оформленными должны быть все торты и пирожные. Как быть?

Под прозаическим названием «Автомат для отделки тортов» группа изобретателей Всесоюзного заочного института пищевой промышленности предложила машину, с помощью которой будет воспроизводиться со всеми нюансами рисунок, нанесенный искусной рукой художника-кондитера.

По замыслу авторов, запись программы должна производиться на специальных лентах синхронизирующими следящими системами во время нанесения рисунка. Применение автомата позволит не только получать торты, украшенные с большим художественным мастерством и вкусом, но и повысит производительность труда кондитеров, снизит себестоимость сладкой продукции. Каждое специализированное предприятие сможет завести картотеку с записями программ, запечатлевших работу лучших художников-кондитеров, и широко пользоваться их рисунками.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Елена Исаева, главный врач лечебницы Гарм-Чашма.

Пограничники.

СЕКРЕТ МОЛОКА АНТИЛОПЫ

Кто бывал в Аскании-Нова, не мог не заметить этих антилоп с длинными рогами. Это канны. В заповеднике канны живут довольно давно. Они привыкли к неволе, стадо их растет. А несколько лет назад сотрудники зоопарка во главе с доктором биологических наук Владимиром Даниловичем Треусом впервые в мировой практике начали доить канн.

Молоко канны по своему химическому составу оказалось гораздо богаче коровьего. Оно втрое жирнее (8—12 процентов жира), содержит вдвое больше белков. Отличает его и способность долго сохранять свежесть, даже летом, на открытом воздухе.

Эти особенности и натолкнули ученых-асканийцев на мысль о целебных свойствах молока. Испытать его на себе первым решил лаборант Павел Гурьев, страдавший активной формой туберкулеза. Молоко антилопы оказалось поистине целебным. Процесс начал затухать. Гурьев выздоровел.

Вторым энтузиастом стал Федор Лукич Познахирин — научный сотрудник института животноводства. Он тоже болел туберкулезом. И опять молоко канны излечило его.

Удивительным лекарством заинтересовался хирург местной больницы Борис Измайлович Кенджиев. Здесь, однако, требовалась осторожность: прежде чем рекомендовать больным, надо твердо убедиться в его положительном действии.

Борис Измайлович начал с эксперимента на животных. Опыты показали: у собак, которых кормили молоком канн, язва желудка быстро и надежно рубцуется.

И вот в начале 1964 года в асканийскую больницу поступили две сестры — колхозницы Новотроицкого района Екатерина Никифоровна Михалыка и Анна Никифоровна Пащенко. Обе побывали до этого на клиническом обследовании в Крымском мединституте. Рентген и анализы показали: тяжелая, запущенная форма язвы желудка.

— Что ж,— улыбнулся Борис Измайлович,— придется подлечить вас молочком...

Сестры приняли это за шутку. Каково же было их удивление, когда на следующий день перед завтраком медсестра принесла им по полстакана молока. Удивленно переглянувшись, Екатерина и Анна выпили. Самое настоящее молоко! Только очень густое и ароматное. Как сливки.

В конце месяца Кенджиев послал сестер на рентген, и всевидящий аппарат не обнаружил язвы ни у Анны, ни у Екатерины!

Вслед за сестрами новое средство стали принимать десятки других больных.

Слава о молоке канны быстро разнеслась за пределы Херсонщины. Им заинтересовалось Министерство здравоохранения УССР. Ученый совет министерства одобрил начинание асканийцев и предложил Крымскому и Одесскому медицинским институтам провести обстоятельные клинические исследования нового лекарства.

В Симферополе молоком канны занялись сразу несколько кафедр. Кафедра гигиены провела тщательный лабораторный анализ молока, кафедры хирургии и терапии проверили его действие на десятках больных. Результаты оказались такими же, как и в Аскании-Нова.

Но в чем же все-таки секрет молока канны? Заведующий кафедрой гигиены Крымского мединститута Валерий Сергеевич Овсянников, которого я спросил об этом, сказал:

— Тщательные лабораторные исследования показали, что в молоке имеется огромное количество особых микроорганизмов. Эти-то микроорганизмы, по-видимому, и уничтожают своих болезнетворных сородичей.

Так это или нет, покажет будущее. Пока же ясно одно: необходимо дальнейшее тщательное и длительное наблюдение и изучение этого интересного явления природы.

Сергей КАЧИКОВ,
корреспондент украинской республиканской «Рабочей газеты»

Аскания-Нова — Симферополь.

Охтинцы обещают

«Интересно знать, выпускают ли у нас клейкую ленту типа скатча. Если нет, то почему бы не наладить ее производство?»
Профессор, доктор технических наук Ю. И. Йориш.

На Охтинском химическом комбинате, куда я приехал, чтобы ознакомить сотрудников с письмом профессора Ю. И. Йориша, меня повели в технический отдел. Там на столе я и увидел первые опытные кружочки лент разных цветов: красные, желтые, белые, черные, прозрачные, бесцветные...

— Это и есть та самая полиэтиленовая пленка с липким слоем, за которую так энергично и справедливо ратует профессор,— сказал старший инженер А. И. Улитин.

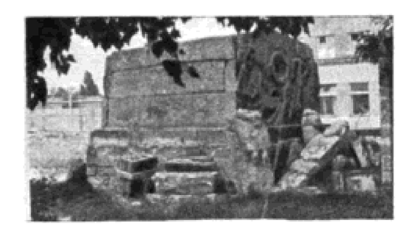
Чтобы убедиться в свойствах ленты, мы разрываем лист писчей бумаги и тут же склеиваем узенькой лентой. Проходит несколько секунд, и лента настолько приклеивается, присасывается к листу, что с трудом удается ее оторвать вместе со слоем бумаги. Проделываем еще один эксперимент. Выворачиваем наизнанку рукав полиэтиленового дождевика, разъединяем шов, берем соответствующего цвета кусочек пленки и накладываем вдоль разорванного шва. И тут же пробуем на разрыв. Нет, теперь, пожалуй, шов не расклеится до полного износа дождевика.

Полиэтиленовая лента с липким слоем может быть применена для склеивания различных пленок, бумаги, приклеивания этикеток к стеклянной и полиэтиленовой таре, для изоляции, упаковки, мелкого ремонта изделий из полиэтилена и поливинилхлоридной пленки, ремонта книг, чертежей. Ленты будут выпускаться разной ширины и толщины.

Осваивают этот вид новой химической продукции не только в Ленинграде, на Охтинском химическом комбинате, но и на химическом заводе в Новосибирске.

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

КАМЕНЬ РАСКРЫВАЕТ ИСТОРИЮ

В далекие времена территорию Северного Кавказа и Причерноморья занимали воинственные племена аланов, предки современных осетин.

У впадения реки Кяфар в Большой Зеленчук на Северном Кавказе когда-то располагалось городище, окруженное валом и стеной. Это был укрепленный город, пока еще полностью не раскопанный. Но и сейчас можно видеть развалины храмов, на хребте сохранились каменные погребения. Среди них выделяется каменная гробница, названная местными жителями «богатырской хатой».

Высота мавзолея — 160 сантиметров, вес — приблизительно 16 тонн. На стенах этого сооружения, высеченного из песчаника, изображены 24 разнохарактерные сцены. В них чувствуется большое влияние кавказских традиций.

Недавно по инициативе краеведа, этнографа и археолога Леонида Никаноровича Глушкова громадный каменный мавзолей был перевезен в Ставрополь и установлен во дворе краеведческого музея.

Что дала расшифровка сцен, высеченных на гробнице?

Рассказывает Леонид Никанорович Глушков:

— Посмотрите на мавзолей: одни фигуры изображены в христианской молитвенной позе, другие — в магической, колдовской. Древние языческие верования в X веке столкнулись здесь с христианством. На памятнике высечены кресты и рядом — мифические чудовища. Это руймоны, по древней осетинской легенде, существа, рождаемые самкой оленя. Когда руймон вырастает, он уничтожает все живое, люди гибнут от его рева. Согласно легенде, мифический осетинский святой захватывает чудовище цепью и несет его на небо, варит его и съедает, отчего будто бы души умерших, находящихся в раю, становятся молодыми.

По-видимому, в склепе захоронен военачальник или вождь. Вполне вероятно, что здесь был погребен не один человек, а целая семья.

Интересно, что горельефы склепа подтверждают свидетельство древнегреческого историка Геродота о том, что у сарматов, родственных аланам, маги-колдуны гадали на пяти палочках. В одной из сцен человек стоит в магической позе именно с пятью палочками.

— Находка археологов,— заключает Л. Н. Глушков,— рассказывает нам о быте, верованиях и культуре древнего народа.

М. ЦЕБОЕВ.
Фото автора.
г. Ставрополь.

Загадка, проблема, открытие, факт

ЦВЕТНОЙ АСФАЛЬТ

Серый океан асфальта с почти стертыми белыми или желтыми полосами, обозначающими островки безопасности, пешеходные дорожки, места остановок транспорта... Знакомая и надоевшая городским жителям картина. А нельзя ли получить цветной асфальт? Недавно доктор технических наук Херберт Кляйн из Института городского и дорожного строительства при Дрезденском техническом университете (ГДР) разработал технологию изготовления белого литого асфальта. В его состав входит особое связующее вещество, не желтеющее от действия света и воздуха. В состав такого асфальта можно добавлять различные красители. Недалеко время, когда «цветные» улицы и площади придут на помощь службе безопасности движения и одновременно существенно изменят эстетику города.

ОГОСТА

Болгарских селекционеров можно поздравить с очередным успехом: они вывели еще три новых сорта томатов. Один из них оказался более стойким в механической обработке, чем его предшественник «мадара», к тому же новый сорт более скороспелый, его плоды крупнее, цвет их ярче и сочнее. Имя нового томата — «огоста».

СВЕТОВОЙ НАСОС

Недавно лазер приобрел еще одну профессию. Оказалось, что он может служить... насосом. Это успешно обосновали ученые Института радиофизики и электроники Академии наук Украинской ССР кандидаты физико-математических наук А. Я. Усиков, В. М. Конторович, Э. А. Канер и П. В. Блиох.

Итак, берем два сосуда. В одном — смесь газов, которые нужно разделить, другой предназначен для чистого продукта. Сосуды отделены друг от друга перегородкой с отверстием. Луч лазера, сфокусированный на отверстии, создает перепад давления и увлекает вместе с собой во второй сосуд только те газы или пары, которые поглощают свет, излучаемый лазером.

КИОСК-АВТОМАТ

На станциях метро, в длинных туннелях — переходах через улицы — стоят автоматы. Их много. И на каждом только одно название: «Правда», «Известия», «Советская Россия»... Человеку, покупающему несколько газет, нужно переходить от одного автомата к другому. Но не только этим они неудобны. Их нельзя устанавливать на улицах, так как газеты в ненастную погоду могут намокнуть. Чтобы воспользоваться автоматом, надо обязательно иметь определенную монету.

Автомат, предложенный пенсионером Сергеем Михайловичем Сретенским из Запорожской области, можно будет установить и на тихой сельской улице, и у небольшого станционного вокзала, и в почтовом отделении, и в тех же вестибюлях метро. По существу, это целый киоск, где можно продавать несколько газет и журналов, почтовую бумагу и другие товары. Монетный механизм автомата устроен так, что стоимость покупки можно оплачивать монетами в различной комбинации, а несколько секций, имеющих свои выдающие каретки, позволяют продавать различные газеты и журналы.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Тень челове

ИЗ КНИГИ СТИХОВ О ХИРОСИМЕ

Диалог с камнем

Я просыпаюсь ночью, ощущая, как сердце барахлит на каждом такте, захлебываясь, как насосы в шахте, и произвольно изменяя ритм.

— Что надо вам? — Я вглядываюсь в тени, с трудом преодолев сердцебиенье.— Что надо вам? — Я повторяю снова. Тогда в ответ мне камень говорит:

— Я камень, что покоился веками в земле испепеленной Хиросимы, что был однажды вытащен из пекла, освобожден от копоти и пепла и об иной не помышлял судьбе,

Что в час прощанья на пустом перроне в сиянии огней потусторонних поэтом Фукагавой Мунэтоси, как сувенир, подарен был тебе.

— Что ж от меня тебе, булыжник, надо? Ведь даже судьи, вынося решенья, учитывают давность преступленья. Зачем же ты тревожишь нас опять?

Угомонись, посланец ада, полно. Уже повсюду наступила полночь, а в полночь даже камням надо спать.

Ночного ливня слышен сонный ропот. Спит город, как большой усталый робот. Уже отговорило и уснуло изображенье на телеэкране, и Волга спит в водопроводном кране, и прочен сон междуэтажных плит.

Спят электронносчетные машины, во сне твердя таблицу умноженья. Троллейбус поднял хобот без движенья, туннели до рассвета опустели. А камень все твердит: — Вставай с постели. Ты позабыл, как это все горит?

— Какого черта ты других тревожишь, лишь потому, что сам уснуть не можешь?! Я спать хочу, как все на свете люди. Я, наконец, уж далеко не молод. А камень о своем: — Оставь кровать!

Забудь о синтетических чернилах, покуда есть хоть капля крови в жилах. Отбрось, пока не поздно, одеяло. Бумаги нет, пиши на чем попало. Зажги огонь, я стану диктовать.

Я подтверждаю это, как свидетель: я видел, как горят в колясках дети, как в полумраке светятся каменья, доведены до белого каленья, как бесконечно длится этот бред,

Как пламя стены взорванные гложет, как то горит, что и гореть не может, как люди, ошалев от потрясенья, бегут к реке в надежде на спасенье, но все равно и там спасенья нет.

Мне кажется, что и сегодня тоже лоскутьями с живых сползает кожа и мечется огонь в проемах окон, стальные балки скручивая в жгут.

И падают мосты, поджав колени, и от прохожих остаются тени, и толпы ждут последней переправы, и воды раскаленной Отагавы, как воды Стикса, медленно текут.

Болеет город, пораженный ядом, как костный мозг, охваченный распадом, как поле с незаросшею воронкой, как зуб под расшатавшейся коронкой, как старый дом, вот-вот готовый рухнуть, надежды под собою погребя.

Недаром тот американский летчик, еще задолго до посадки спятив, в обитой глухо-наглухо палате не может до сих пор прийти в себя.

Ловя толчки подземных испытаний, сейсмографы считают все удары. Огромным ухом слушают радары ночное бормотанье вселенной. Планета спит, но плохо спится ей.

И, возникая из рассветной дымки, как будто на аэрофотоснимке, проходят под крылом мосты и зданья, и ищет цели для бомбометанья все тот же самолет «Энола Гей».

Ты, лично посетивший этот город, где спазмы перехватывают горло, где раз в году бывает миг молчанья, где похороны чаще, чем венчанья, где горе метит каждую семью;

Ты, слушавший рассказы очевидцев, посмевший называть себя поэтом, дай слово людям рассказать об этом.— И камню отвечаю я: — Даю!

Ну что ж, большой беды осколок малый, ты победил, твоя взяла, пожалуй. Я от заданья твоего не спрячусь и эту тяжесть на себя приму.

Я попытаюсь рассказать хоть малость, хотя бы часть того, что мне досталось, о чем не то что говорить стихами, но даже думать страшно одному.

Я стану здесь над каждою строкою работать с осторожностью такою, как люди, разряжающие мину, отрытую еще наполовину, грозящую сразить их наповал.

И если будет трудной эта книга, как пласт, который не берет мотыга, как астмы напряженное дыханье, как в городе минутное молчанье, то потому, что все ее страницы мне камень Хиросимы диктовал!

Баллада о вьюнке

Когда, судьбу безвестную деля,
Шли беженцы по вымершим дорогам,
Решив, что хиросимская земля
Покинута и позабыта богом;

Когда в испуге повторял народ,
Еще не все успев учесть потери,
Что ни одно растенье не взойдет
Здесь семь десятков лет по крайней мере;

Что одинокий пахарь ни на миг
Не оживит пустынные угодья;
Что женщины, познав мужей своих,
Обречены здесь будут на бесплодье;

Что этот гиблый берег навсегда
Отметил Каин вечною печатью;
Что даже ворон не совьет гнезда
На этом месте, преданном проклятью;

Что, жизнь саму не ставя ни во что,
Однажды хлынет дождь и все затопит,—
В те дни японский доктор Сигетó
Решил поставить свой опасный опыт:

На перекрестке улиц и дорог,
Дождями и слезами оросимый,
Он осторожно посадил вьюнок
В отравленную почву Хиросимы.

К нему спешили все издалека,
Забыв свои года, чины и званья,
Как будто бы от этого цветка
Могло зависеть их существованье.

Над ним горела день и ночь свеча,
Не погасая даже на мгновенье.
Священник синтоистский, бормоча,
Ему шептал свои благословенья.

Пробьется ли росток его в пыли,
Войдет ли в силу завязь молодая?
И над клочком поруганной земли
Стояли люди, чуда ожидая.

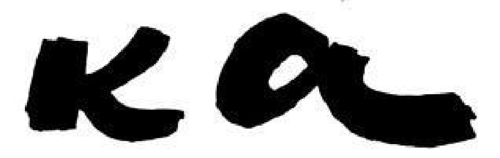
Ему давали, как ребенку, пить,
Следя за тем, как он на ножки встанет.
И был страшней, чем «Быть или не быть?»,
Для них вопрос «Взойдет или завянет?».

Его от ветра прятали в тепле,
Волнуясь, если небосвод нахмурен.
Ни за одним растеньем на земле
Так не следил ни Бéрбанк, ни Мичурин.

Паломники к нему, как в Мекку, шли,
Толпясь над ним тревожно и несмело.
И вдруг однажды где-то там, в пыли,
Проклюнулось, пошло, зазеленело.

Ири Маруки, Тосико Акамацу. Деталь панно «Хиросима».

И вот, до боли слаб и одинок,
Трагический, как девочка седая,
Восстал из пепла атомный вьюнок,
Себя над смертью как бы утверждая.

Хироманты

Снег ли выпадет в эту зиму,
Заштормит ли весной опять —
Хироманты из Хиросимы
Все сумеют вам предсказать.

Сколько лет вашей старой тете,
Повезет ли вам в казино,
На каком вы году помрете,
Им известно давным-давно.

Где разжиться вам лишней сотней,
Как словчить, чтобы в щель пролезть,—
Вам оракул из подвòротни
Скажет в точности все, как есть.

Возле храмов теснятся тени,
Преграждая прохожим путь,
Предлагая вам на мгновенье
В день ваш завтрашний заглянуть.

Тот о чем-то своем долдонит,
Этот рвет у вас медяки.
И с надеждой свои ладони
Открывают им старики.

Чем их сможете обнадежить,
Чем утешить их хоть на миг,
Если линии вместе с кожей
Стерло пламя с ладоней их?

Что гадать на кофейной гуще,
Чьих-то судеб теряя нить?
Не решился б я о грядущем
В этом городе говорить!

Мы под этим дождем продрогли,
Потерявшись во тьме ночной.
И чернеет, как иероглиф,
Остов зданья передо мной.

Здесь дымы́ в небесах громадны,
Здесь нельзя до утра уснуть...
Предложите мне, хироманты,
Предскажите хоть что-нибудь.

Концерт Леонида Когана

Застигнуты ливнем затемно,
Мы мокрой бредем дорогою.
Сегодня в больнице атомной
Концерт Леонида Когана.

Хотя бы на время малое
Забыв обо всем безумии,
Больные в повязках марлевых
Застыли в дверях, как мумии.

Открылась в дыму и копоти
Им прожитых лет бессмыслица.
Они еще с нами в комнате,
Но в списках погибших числятся.

Послушный руке хозяина,
Судьбою их озабоченный,
Гварнери кричит отчаянно,
Как раненый у обочины.

Сверкает поверхность лаковая,
Смычок, растерявшись, мечется,
Как будто бы вслух оплакивая
Погибшее человечество.

В бинты или в гипс заковано
Здесь горе самой Японии.
Но нам не найти Бетховена
Для атомной той симфонии.

Почти в гробовом безмолвии
По нервам, вконец издерганным,
Летит, высекая молнии,
Смычок Леонида Когана.

И люди, поверив в лучшее,
Как верят в свободу узники,
В молчании стоя слушают
Последнюю в жизни музыку.

Возвращение

Четыре парня с сигаретами,
прилипшими к нижней губе,
с воспаленными веками глаз бессонных,
Заглушив свои двигатели, выпрыгнули на траву
в тяжелых промасленных комбинезонах.
Они шли, улыбаясь сами себе,
по дороге, которая почему-то
казалась им шаткой,
Довольные отпуском на семь дней,
своим здоровьем и благополучной
посадкой.
Они с интересом следили за тем,
как летний зной растекается по низинам.
Они жадно вдыхали воздух земли,
пахнущий полевыми цветами,
травой и бензином.
Вокруг них теснились бензозаправщики,
грузовики
и горбатые тени машин, готовые
к взлету.
Они шли, чуть раскачиваясь, не спеша,
как люди, закончившие свою работу.
Еще не растаял в небе над головой
белый дымок выхлопного газа.
Их командир всю дорогу молчал,
а штурман насвистывал мелодию
нью-орлеанского джаза.
Они шли, с удовольствием чувствуя в этот час,
как пригрелось солнце на щеках их
небритых,
Когда уже в сводке кто-то писал:
двести тысяч раненых и убитых...

* * *

Сюда нас судьба путевая забросила
И даже прощенья у нас не просила.
Японцы ее называют: ХИРÓСИМА,
У нас ее принято звать: ХИРОСИ́МА.

Мы здесь ничего поначалу не встретили.
Давно в этом нёбе померкла зарница.
Один за другим выбывают свидетели,—
За давностью многое может забыться.

Здесь дым по стропилам не мечется в панике,
Не рвется огонь, как волна из отсека.
И даже с годами на рыжем песчанике
Бледнее становится Тень Человека.

Что ж давних костров расшевеливать тление,
Из каждой развалины делая фетиш!
Пройди этот город в любом направлении —
И даже следов никаких не заметишь.

Лишь эти домишки под ветхими кровлями,
Да эти до плеч опаленные руки,
Да белые губы, да лица бескровные,
Как будто бы маски театра «Кабуки»...

Серьезный сын

Марк ВИЛЕНСКИЙ

Одному москвичу, отдыхавшему в Сочи, не хватило для полного блаженства тридцати рублей. Так иногда бывает с отдыхающими на юге. Он не захотел беспокоить жену и дал телеграмму матери.

Его старушка жила в поселке городского типа. И на следующий же день москвич получил телеграфный перевод. Девушка на почте отсчитала нашему москвичу три десятки, четыре, пять, шесть...

— Что вы делаете?— сказал честный отдыхающий.— Если вы будете такой доброй, вас уволят с работы.

— Не мешайте,— буркнула девушка и отсчитала ему тридцать десяток.

Тогда москвич заглянул в перевод внимательней и увидел, что мать выслала ему триста вместо тридцати рублей.

По пути в столицу москвич завернул в поселок городского типа, в домик, где прошло его детство.

Мамино жилье не сверкало обновками. Преобладали старые щемяще-трогательные вещи, которые потемнели и почему-то съежились, как бы усохли. На высокую мамину кровать он когда-то взбирался с маленькой подножки — так мать называла скамеечку, которую любила ставить под ноги,— а теперь кровать показалась ему не выше троллейбусного кресла.

— Мать, зачем ты мне прислала триста рублей?— спросил сын.

— Ты ведь сам просил, Витюшенька,— сказала старуха и показала телеграмму. И действительно, там стояло «триста». То ли телеграфистка ошиблась, то ли Витюшенька по задумчивости дал промашку.

— Но откуда ты взяла такие деньги?— спросил Витюшенька.— Не знал, что у меня мать — миллионерша.

— А я побежала к Надежде Кузьминичне и к Ольге Александровне и заняла у них.

— Неужели ты не поняла, что это ошибка?

— Раз ты просишь, сынок, значит, тебе нужно.

Сын тут же отдал матери двести семьдесят, а вскоре из Москвы прислал и остальные тридцать.

Прошло полгода, и вдруг Витюшенька получил телеграмму: «Вышли триста рублей. Мама». Сын немедленно отправился на центральный почтамт, вызвал по телефону почту поселка городского типа, где жила мать, попросил сходить за старухой, благо жила она там поблизости, и закричал в трубку:

— Мать, ты что там, с ума сошла? Зачем тебе триста рублей?

— Пожар у меня был, Витюшенька,— заплакала мать.— Полдома сгорело. Одежду, постель вынесли, а стол и стулья пропали. И скамеечка-подножка тоже сгорела.

— Ладно, мать, не переживай,— сказал Витющенька.— Все будет хорошо. Иди в госстрах. По обязательной страховке ты получишь новыми деньгами рублей четыреста, не меньше. Далее. Слушай меня внимательно. Поезжай в район. Райсовет выдаст тебе как матери-одиночке еще рублей пятьдесят на стройматериалы. А пока что бери свою постель и переселяйся к Надежде Кузьминичне. Обеим веселей будет.

— Витюшенька, да у Надежды-то Кузьминичны без меня полон дом... Неудобно.

— Как станет неудобно, так к Ольге Александровне переезжай. А там обратно. Покуда не отстроишься.

Он был очень доволен тем, что толково и хорошо помог старухе в беде. Он представил себе, как она идет сейчас с почты домой, счастливая тем, что у нее есть в столице такой умный, серьезный сын обстоятельно знающий законы.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН Роман Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Они спустились в холл. Вместо того чтобы направиться к парадному входу, они пошли по коридору, спустились еще по нескольким ступенькам, и Мегрэ заметил выходившую прямо в гараж небольшую дверь, которая оказалась незапертой. Ворота, выходящие на безлюдную площадь, тоже были открыты.

— Вот его машина.

Кастэн походил на провинившегося школяра, который мнется, теряясь в догадках: какое наказание он получит за совершенную проделку?

— Куда мы направимся? — спросил он наконец.

— Где твоя машина?

— Напротив вашего отеля.

Это было совсем рядом. Когда они уже усаживались в машину, ночной дежурный выскочил из дверей отеля.

— Господин Мегрэ! Господин Мегрэ! Вас только что спрашивали по телефону.

— Кто?

— Не знаю.

— Женщина?

— Нет, мужской голос. Вас просят сейчас же заехать к старой даме. Вы как будто должны понять, в чем дело.

Через несколько минут они были у «Гнездышка». Но перед калиткой уже стояла какая-то машина.

— Машина доктора,— сказал Кастэн.

Даже возле самого дома не слышно было голосов. Все окна были освещены, верхний этаж тоже. Дверь им открыл невозмутимый Тео Бессон. Комиссар с удивлением посмотрел на него.

— Кто здесь ранен?

Ноздри Мегрэ раздулись. В гостиной пахло пороховыми газами. На круглом столике, где были еще разбросаны карты, лежал большой револьвер армейского образца.

Он быстро прошел в комнату для приезжих, услышав там какое-то движение. В дверях чуть было не опрокинул Валентину, державшую в руках окровавленные простыни. Она посмотрела на него блуждающим взглядом.

На кровати, которую занимала Арлетта, лежал мужчина, обнаженный по пояс. Спина склонившегося доктора Жолли скрывала его лицо, но Мегрэ уже узнал брюки из грубой синей ткани.

— Мертв? — спросил он.

Доктор вздрогнул, обернулся и с видимым облегчением распрямился.

— Я сделал все, что мог,— прошептал он.

На ночном столике лежал шприц. Раскрытая сумка доктора валялась на полу. Повсюду виднелась кровь. Мегрэ отметил, что следы ее вели в гостиную и дальше, в сад.

— Как только Валентина мне позвонила, я сразу же приехал, но было уже поздно. Надо же было — пуля угодила прямо в аорту! Даже переливание крови, если бы его сделать вовремя, оказалось бы бесполезным.

— Это вы звонили мне в отель?

— Да, она просила меня сообщить вам.

Валентина стояла перед ними в проеме двери, руки и платье были у нее испачканы кровью.

— Какой ужас! — сказала она.— Когда вы были у меня вечером, мне и в голову не приходило, что такое может случиться. И все потому, что я и на этот раз забыла повернуть второй выключатель и зажечь свет в саду...

Мегрэ не обернулся к ней. Тяжело вздохнув, он еще раз посмотрел на лицо Анри Трошю, погибшего вслед за сестрой. В эту минуту он думал уже о том, что́ он скажет его родным.

— Я вам сейчас все объясню,— снова заговорила Валентина.

— Я все знаю.

— Вы не можете этого знать. Я уже поднялась к себе... Я уже лежала в постели...

Он впервые видел ее небрежно одетой. В волосах у нее были бигуди, из-под наспех одетого платья выглядывала ночная рубашка.

— Мне казалось, что я наконец заснула. Вдруг кот вспрыгнул ко мне на кровать. Он разбудил меня. Я прислушалась. Из сада доносился шум, такой же, как производили вы, когда пришли вечером.

— Где был револьвер?

— В ночном столике. Это револьвер моего мужа. Он приучил меня всегда иметь при себе оружие. Кажется, я говорила вам об этом.

— Нет. Но это неважно.

— Сначала я выглянула в окно, но было слишком темно. Я накинула платье и спустилась.

— Не зажигая свет?

— Да. Я ничего не видела, но слышала, как кто-то пытается открыть дверь. Я спросила: «Кто там?» Мне не ответили.

— И вы тотчас же выстрелили?

— Я не помню. Должно быть, я переспросила несколько раз. Но там продолжали возить-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—50.

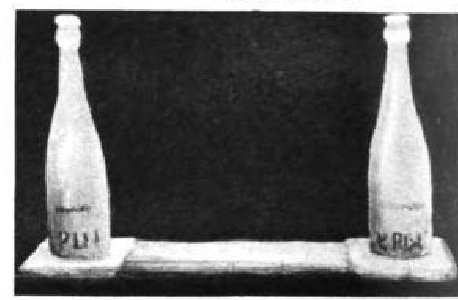
● ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ ● ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ ● ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ВЕТЕРАН

Чего только не увидишь в современном кемпинге! То туриста, ведущего на поводке обезьянку, то такой вот допотопный автомобиль... Этот черный угловатый «роллс-ройс» выпуска 1916 года в прошлое лето кружил по дорогам Кавказа, а ныне попал в Прибалтику. Владелец его утверждает, что машина вынослива, на ней можно возить даже бревна, но, к сожалению, слишком прожорлива...

К. ГАЛКИНА

БУТЫЛКИ НА МОГИЛЕ

На могиле американца Джеймса Гибсона из города Йорка по желанию покойного был установлен надгробный памятник из белого мрамора в виде двух огромных бутылок. Но после протеста местных прихожан этот памятник, привлекавший толпы туристов, убрали.

● ЗАБАВНЫЕ МЕЛО

СИРОТА С МАНИКЮРОМ

Небывалый случай произошел в Братиславском зоопарке. Родители маленькой обезьянки Рефти отказались от ее воспитания и не стали подпускать к себе. Малышку приютила продавщица сувениров. Теперь обезьянка вполне довольна своей судьбой. На ее ногтях даже появился маникюр.

ВИННЫЙ ГОРОД

Погреб югославского винного комбината «Чока» представляет собой большой подземный город. В нем семь улиц, вдоль которых размещено две тысячи бочек, вмещающих 250 вагонов вина. Этот погреб — аттракцион для туристов.

СПУТНИК НА ГОЛОВЕ

Одна из мюнхенских модниц явилась на бал в шляпке, которая напоминает по форме космический корабль.

ЗНАКОМСТВО НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Любознательная собака решила поближе познакомиться с маленьким галчонком. Но птенец оказался настолько сердитым, что собаке пришлось отказаться от своей затеи.

КОШКИ С КОЛОКОЛЬЧИКАМИ

Недавно в американском штате Флорида вышел закон, обязывающий всех хозяев надеть на своих кошек ошейники со звоночками. Это новшество вызвано заботой о пернатых. Теперь птицы будут заранее оповещаться о приближении своего злейшего врага.

СЧАСТЛИВЫЕ ТУФЛИ

В семье Фич из Вустера (США) хранятся туфли, которые сшил еще в 1417 году известный в те времена башмачник Джон Хоз, живший в Англии. Существует поверье, что эти туфли приносят счастье в брачной жизни. В семье Фич все невесты венчались в этих древних башмаках. Скоро самая младшая дочь наденет их в день свадьбы.

РОГА ПРОДЛИЛИ ЖИЗНЬ

Югославский крестьянин Любо Игнятович купил на базаре барана с двумя парами рогов. Появление необычного животного вызвало в селе сенсацию, и хозяину пришлось отказаться от намерения пустить барана на мясо.

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ

Один ученый, живущий в Швейцарии, уехал в отпуск, забыв закрыть форточку в своей лаборатории. Каково же было его удивление, когда, вернувшись, он увидел на склянках с химикалиями гнездо, которое соорудили вороны.

ся с замком. Я выстрелила сквозь стекло. Услышала, как человек упал. Но я еще какое-то время не двигалась, не решаясь выйти.

— Вы не знали, кто это был?

— Понятия не имела. Тут я спохватилась, что нужно зажечь свет снаружи. Сквозь разбитое стекло я увидела тело, а рядом — большой сверток. Сначала я подумала, что это бродяга. Наконец я вышла через кухонную дверь и, только подойдя ближе, узнала Анри.

— Он был еще жив?

— Не знаю. Я побежала к мадемуазель Сёрэ, все еще с револьвером в руке. Я крикнула, чтобы она поднялась, что мне надо срочно позвонить по телефону, и она наконец открыла мне. Я позвонила доктору Жолли и попросила его предупредить вас или же захватить вас по дороге.

— А Тео?

— Я встретила его у моей двери, когда возвращалась.

— Вернулись вы одни?

— Нет. Я дождалась на дороге доктора.

Доктор прикрыл краем простыни лицо убитого и, держа перед собой окровавленные руки, направился в ванную комнату.

У тела остались Мегрэ и Валентина. Они были одни в тесной комнате, где трудно было повернуться. Комиссар по-прежнему держал трубку в зубах.

— Что вам сказал Тео?

— Я уже не помню. Он ничего не сказал.

— Вы не были удивлены, увидев его здесь?

— Возможно. Я не знаю. Не забывайте, что я только что убила человека. Как вы думаете, почему Анри пытался залезть ко мне?

Не отвечая, он прошел в салон. Кастэн и Тео молча стояли там друг против друга. Инспектор, видимо, нервничал, на комиссара он посмотрел отчаянным взглядом.

— Это все из-за меня получилось, да?

— Я не уверен.

У Тео Бессона был скучающий вид человека, попавшего в двусмысленное положение.

— Вы, я полагаю, случайно оказались поблизости? — спросил Мегрэ.

Тео не ответил, он, казалось, извинял Мегрэ за столь грубо поставленный вопрос.

— Ну-ка, подойди сюда! — обратился Мегрэ к инспектору.

Он вывел Кастэна во двор. Они увидели кровь на мостовой и мешок рыбака, который все еще валялся там, где упал.

— Поезжай быстро в отель, где остановился Тео. Мне нужно знать, звонил ли кто ему вечером. Если тебе не смогут ответить, обойди бары, в которые заходил Анри.

— Они закрыты.

— Звони! Пусть откроют!

— А что мне спросить?

— Звонил ли Анри оттуда кому-либо.

Кастэн ничего не понимал, но ему хотелось бы по мере сил исправить свою оплошность. Он бросился к «симке», и шум ее мотора вскоре стих вдали.

Доктор Жолли и Валентина спустились из ванной. Руки доктора были чисты и пахли мылом.

— Я тщетно уговариваю ее лечь,— заговорил он,— или позволить сделать укол. Она держится только на нервах. Ей кажется, что она в силах все это вынести. Но через полчаса после того, как я уеду, она свалится. Просто ума не приложу, как она могла это сделать.

— Я убила этого бедного парня,— пробормотала Валентина и поочередно поглядела на Мегрэ и на Тео, неподвижно и безмолвно стоявших в углу.

— Не можете ли вы повлиять на нее? — повернулся доктор к Мегрэ.— Она проспит крепко несколько часов, и к утру все будет в порядке.

— Не уверен, что это необходимо.

Жолли насупился, но возражать не стал и принялся искать свою шляпу.

— Вероятно, мне нужно позвонить в Гавр, как и в прошлое воскресенье, чтобы приехали за телом. Ведь потребуется вскрытие?

— Конечно.

— Что-нибудь нужно передать от вашего имени?

— Нет, спасибо.

Доктор поклонился старой даме; казалось, он вот-вот поцелует ей руку.

— Вы напрасно отказываетесь. На всякий случай я оставил в вашей комнате несколько таблеток. Принимать их надо через каждые два часа.

Он кивнул Тео и подошел к Мегрэ, не зная, что сказать.

— Разумеется, я в полном вашем распоряжении, господин комиссар. Дайте мне знать, как только я вам понадоблюсь.

Он ушел. Воцарилось молчание. Когда стих шум мотора его машины, Валентина, словно очнувшись, открыла буфет и достала графин с кальвадосом. Она хотела было поставить его

на стол, но Мегрэ вдруг грубо вырвал у нее из рук графин и грохнул об пол.

— А ну-ка сядьте оба! — приказал он прерывающимся от гнева голосом.

Они повиновались машинально, видимо, не понимая, что происходит. Мегрэ оставался стоять, заложив руки за спину, затем принялся расхаживать из угла в угол, как привык это делать у себя в кабинете на набережной Орфевр.

Машина Кастэна уже возвращалась. А вот сирена стала посылать свои зловещие призывы в ночную темноту, оповещая о тумане.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕО

Слышно было, как Кастэн выключил мотор, вышел из машины, постоял какое-то время на дороге, прежде чем открыть калитку. Мегрэ все не произносил ни слова. Тео, сидевший в кресле, которое несколько часов назад занимал комиссар, пытался, несмотря ни на что, походить на герцога Виндзорского. Валентина смотрела то на одного, то на другого, взгляд ее метался, как у пойманного звереныша.

Кастэн прошел через сад, вошел в дом. Его поразило молчание, разбитый графин, он не знал, что делать, куда девать себя. Не побывав ни разу в сыскной полиции на набережной Орфевр, он не мог видеть Мегрэ в такой ситуации.

— Итак, сынок?

— Я дозвонился к хозяину отеля; он уже спал, но все же поговорил со мной. Оказывается, он сам ответил с коммутатора, когда вызывали Тео, и перевел разговор, но не к нему в комнату — в комнатах нет телефонов,— а на аппарат в коридоре. Это было примерно в половине одиннадцатого. Тот, кто звонил, был пьян.

— У тебя есть бумага и карандаш?

— У меня есть записная книжка.

— Садись сюда, за этот стол. Устройся поудобнее, это займет, наверное, немало времени. Записывай их ответы.

Мегрэ снова принялся расхаживать, старая дама по-прежнему следила за ним глазами, а Тео рассматривал носки своих ботинок.

Перед ним комиссар и остановился наконец и сказал уже не гневно, а с презрением в голосе:

— Вы ожидали, что Анри приедет вечером в Этрета?

— Нет.

— Если бы он не позвонил вам, вы все равно наведались бы в «Гнездышко»?

— Не знаю. Возможно.

— Где вы находились, когда произошло убийство? На дороге? В саду?

— В саду. У калитки.

Валентина подскочила на стуле. Она поняла, что, направляясь к престарелой мадемуазель Сёрэ позвонить доктору, прошла мимо своего пасынка.

— Вы были вполне довольны собой?

— Это — мое дело.

— Вы знали, что у нее есть револьвер?

— Я знал, что у нее остался револьвер моего отца. Послушайте, господин комиссар, ответьте мне, что означает...

— Ну, нет! Вопросы здесь задаю я.

— А если я откажусь отвечать?

— Это абсолютно ничего не изменит. Разве что вынудит меня влепить вам по физиономии, уже целых четверть часа у меня руки чешутся.

Несмотря на трагичность обстановки, несмотря на то, что в соседней комнате еще лежал мертвец, Валентина не смогла сдержать довольную, почти радостную улыбку.

— Когда вам стало известно?

— О чем вы говорите?

— Послушайте, Бессон. Советую вам не валять дурака. Когда вам стало известно, что драгоценности вашей мачехи никогда не продавались, что они подлинные, а не подделка, как это пытались всем внушить!

Валентина вздрогнула и оторопело уставилась на Мегрэ, в ее взгляде промелькнуло что-то вроде невольного восхищения; она заерзала в кресле, словно желая что-то сказать, но комиссар не обратил на нее никакого внимания.

— Я всегда это подозревал,— сказал Тео.

— Почему?

— Потому что я хорошо знал ее и своего отца.

— Вы хотите сказать, что она опасалась нищеты, и что она не из тех женщин, которые заранее не принимают мер предосторожности.

— Да. А мой отец исполнял все ее прихоти.

— Их брак предусматривал совместное владение имуществом?

— Да.

— В какую сумму вы оцениваете стоимость драгоценностей?

— Примерно в несколько миллионов по нынешнему курсу. Но, помимо известных мне драгоценностей, должны быть еще и такие, о которых мы не знали. Отцу было неловко перед нами, что он так много тратил на нее.

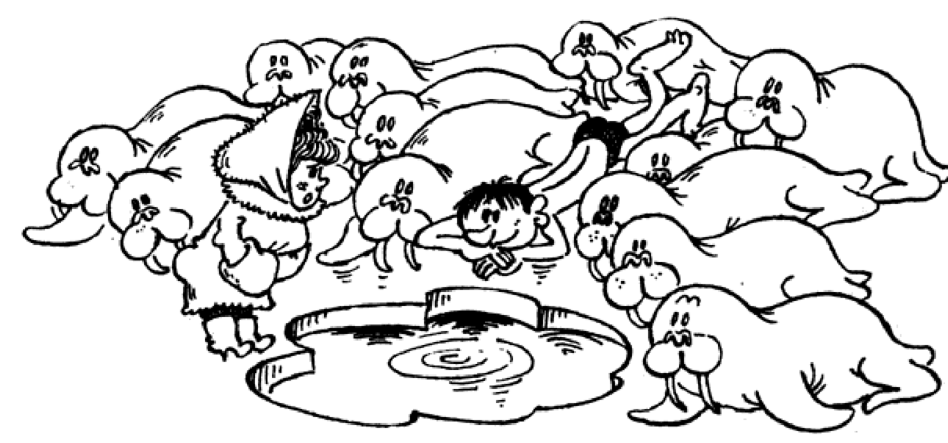
— После его смерти, когда вам сообщили, что драгоценности давно проданы, вы делились своими сомнениями с братом или с Арлеттой?

— Нет.

— Почему?

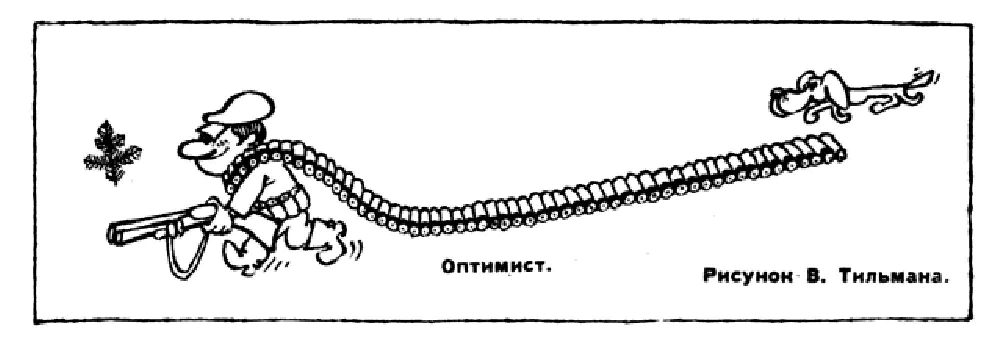
— Я не был уверен.

— А не потому ли, что вы надеялись поладить с Валентиной?

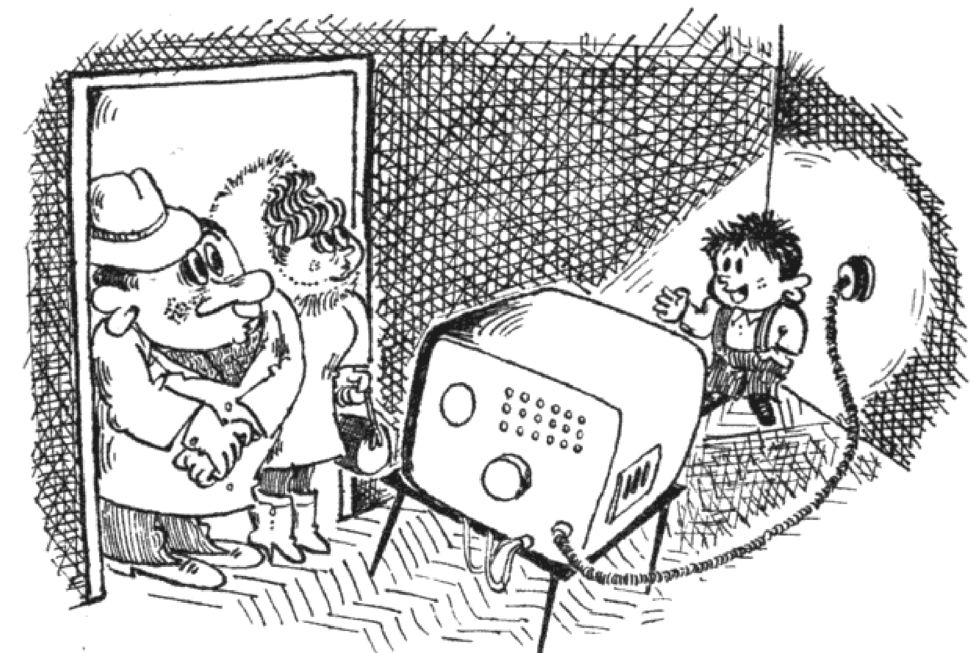

— Так ты, Коля, окончательно решил сделаться моржом?

Рисунок В. Тильмана.

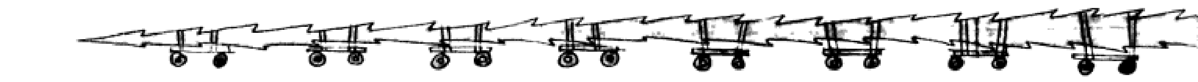

Оптимист. Рисунок В. Тильмана.

— Вы же сами сказали, чтобы я весь вечер стоял в углу.

Рисунок В. Тильмана.

Она ни звука не пропускала мимо ушей, следила за каждым жестом Мегрэ, за выражением лица Тео. Она отмечала для себя все значительно лучше Кастэна, выступавшего в роли стенографа-любителя.

— Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Который недостоин вас — вы это хотите сказать? Вы говорили на эту тему с вашей мачехой?

— Нет.

— Не потому ли, что считали ее хитрее вас и выжидали случая, чтобы получить доказательства? Как вам удалось их раздобыть? Когда?

— Я осведомился у друзей в ювелирном мире о некоторых драгоценностях, продажа которых не могла пройти незамеченной. Таким образом, узнал, что они не поступали в продажу, во всяком случае, во Франции, а возможно, и в Европе.

— И вы терпеливо ждали пять лет?

— У меня было еще немного денег. Я удачно провел несколько коммерческих операций.

— А на этот год, когда ваши запасы подошли к концу, вы приехали провести каникулы в Этрета? И уж, конечно, не случайно познакомились с Розой и принялись потакать ее причудам?

Молчание. Валентина по-птичьи вытянула шею, и тут Мегрэ впервые увидел эту шею старухи, обычно прикрытую широкой черной бархатной лентой, украшенной жемчугом.

— А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Знала ли Роза что-нибудь до встречи с вами, или же она по вашему наущению стала обшаривать дом?

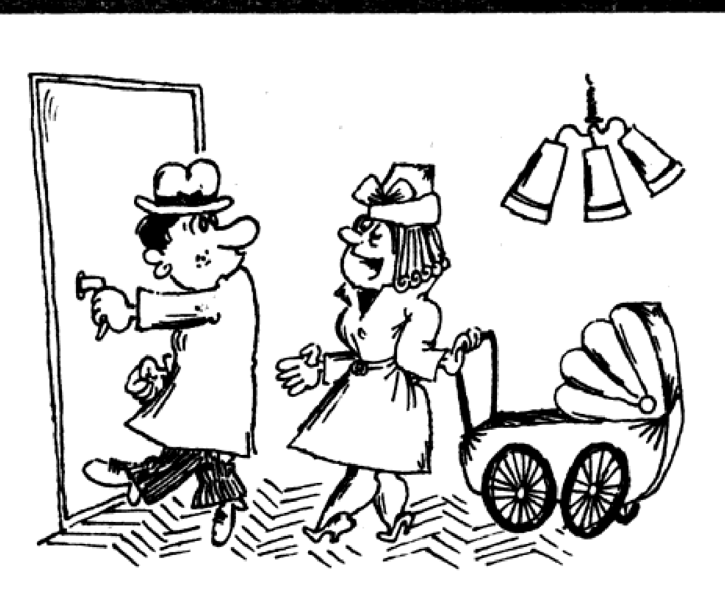
— Она шарила до знакомства со мной.

— Зачем?

— Из любопытства. А также потому, что ненавидела мою мачеху.

— У нее были причины ненавидеть ее?

— Она считала ее грубой и высокомерной.

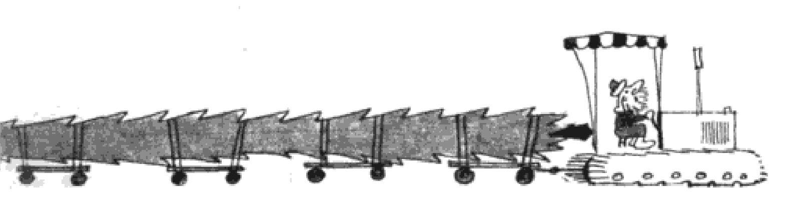

— А коляску зачем в гости?
— А на чем я тебя домой доставлю?
Рисунок В. Тильмана.
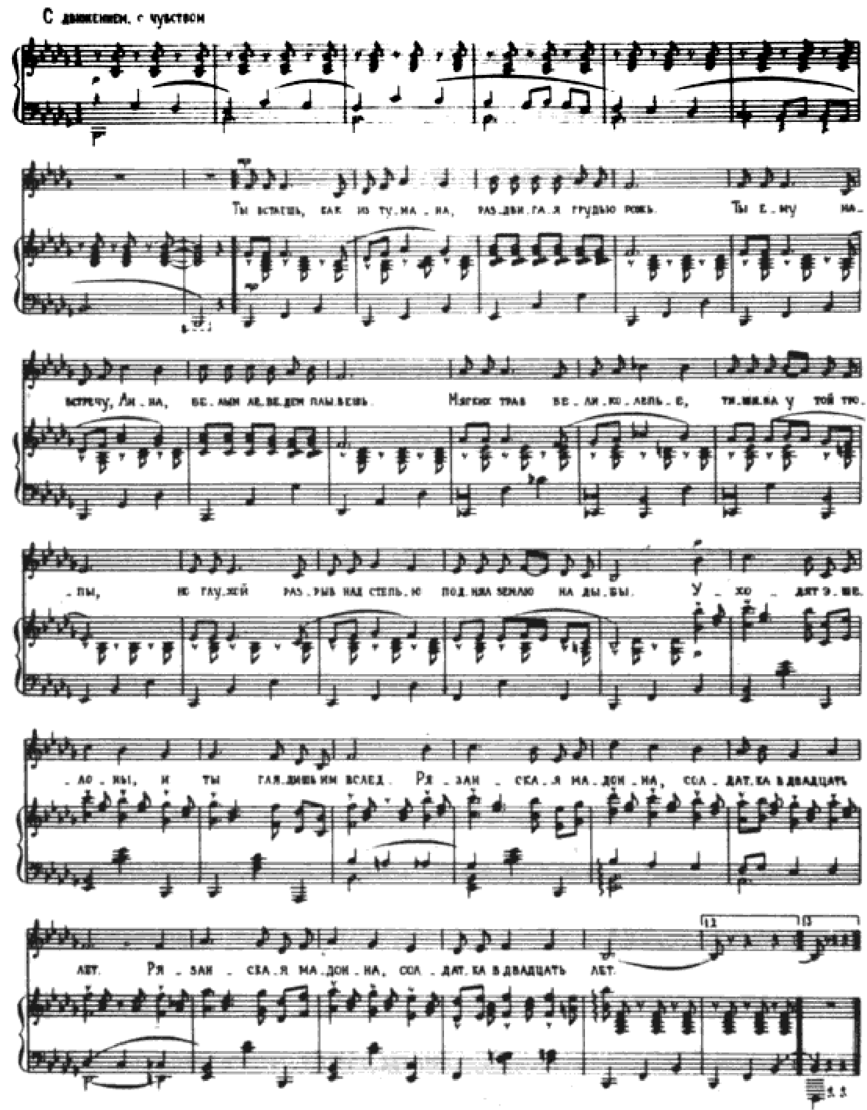

— Ты, я вижу, тоже замуж вышла...
Рисунок В. Воеводина.

Для Останкинской телебашни.
Рисунок В. Воеводина.

РЯЗАНСКИЕ МАДОННЫ

Музыка Александра ДОЛУХАНЯНА.

Слова Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО.

Ты встаешь, как из тумана,
Раздвигая грудью рожь,
Ты ему навстречу, Анна,
Белым лебедем плывешь.
Мягких трав великолепье,
Тишина у той тропы.
Но глухой разрыв над степью
Поднял землю на дыбы.

ПРИПЕВ:

Уходят эшелоны,
И ты глядишь им вслед,
Рязанская мадонна,
Солдатка в двадцать лет.

И уже в дожди косые,
Под прощальный перестук,
Встали женщины России
Горькой памятью разлук.
На продымленных перронах
Да с грудными на руках
Наши матери и жены
В русских вязаных платках.

ПРИПЕВ:

И матери и жены,
Дороги без конца.
Рязанские мадонны —
Прекрасные сердца!

Не изменят, лгать не станут
И у смерти на краю.
Встань меж ними равной, Анна,—
Твой солдат погиб в бою.
И какой на свете мерой
Нам измерить эту боль —
Пожилой солдатки веру
В невозвратную любовь?!

ПРИПЕВ:

Пустая стынь перрона,
Далекая верста...
Рязанская мадонна —
Российская звезда!..

Обе они жили в доме, что называется, в состоянии войны и почти не скрывали этого друг от дружки.

— Роза подозревала о существовании драгоценностей?

— Нет. Она просто просверлила штопором дыру в стене, разделяющей их комнаты.

Валентина возмущенно привстала, словно собираясь тут же убедиться в неслыханной дерзости своей служанки.

— Когда это произошло?

— Недели две назад, когда Валентина пила чай у мадемуазель Сёрэ.

— Что же она увидела сквозь дыру?

— Поначалу ничего. Но прошло несколько дней, и вечером, притворившись спящей и для верности даже захрапев, она бесшумно встала и увидела, как Валентина, стоя у кровати, открыла ящик с драгоценностями.

— Роза никогда в него не заглядывала?

— Все ящики и шкафы в доме запираются, а ключи Валентина держит при себе. Даже, чтобы достать банку сардин, Роза должна была обращаться к ней.

— Как же в таком случае она смогла завладеть кольцом?

— Когда Валентина принимала ванну. Она не говорила мне об этом ничего заранее. Видимо, она очень тщательно все подготовила, рассчитала по минутам.

— Вы видели кольцо?

— Да.

— Что Роза собиралась с ним делать?

— Ничего. Она не смогла носить его, не выдав себя. Скорее всего, это было нечто вроде мести.

— Вы не подумали, что мачеха может спохватиться?

— Это не исключено.

— Признайтесь, что вы решили не вмешиваться и посмотреть, как мачеха к этому отнесется.

— Возможно.

— Вас удовлетворил бы раздел, не так ли? И вы ничего не сказали бы ни Шарлю, ни Арлетте?

— Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Вы, кажется, убеждены, что на вас не найдется управы?

— Я никого не убивал.

Валентина снова заерзала, словно собираясь, как школьница, поднять руку и попросить слова.

— К вам у меня больше нет вопросов,— сказал Мегрэ.

— Я должен выйти?

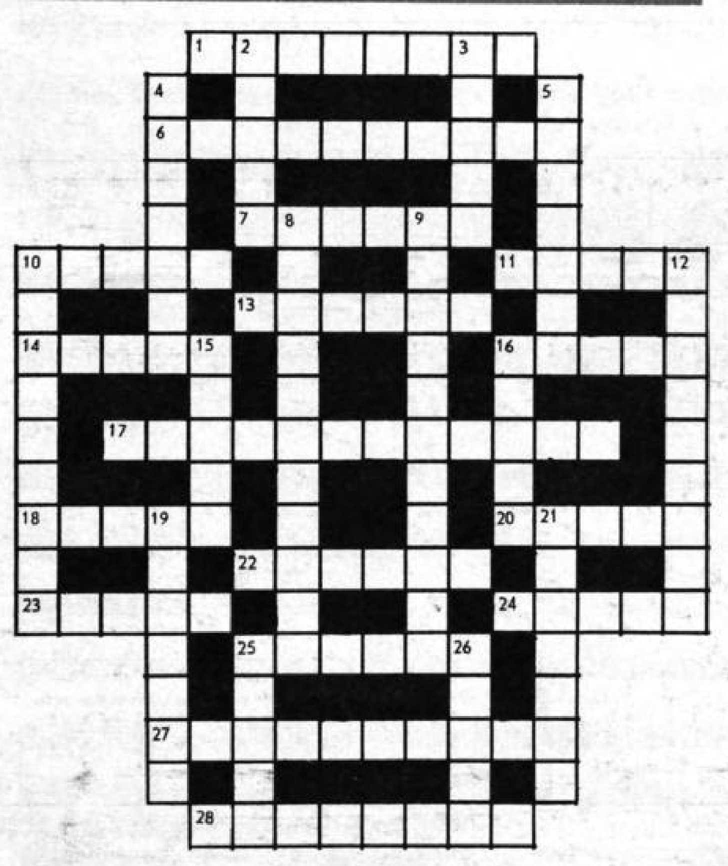
— Можете остаться.

— Я свободен?

— Пока что нет.

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Река в Южной Америке. 6. Итальянский физик и математик. 7. Плодовое дерево. 10. Молочный продукт. 11. Птица отряда куликов. 13. Химический элемент. 14. Овощное растение. 16. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 17. Способ изображения предметов на чертеже. 18. Морская рыба. 20. Ледяная глыба. 22. Заболоченные поймы рек. 23. Индийский писатель. 24. Корм для скота. 25. Город в Литве. 27. Автор оперы «Алеко». 28. Самопишущий прибор для записи величины атмосферного давления.

По вертикали:

2. Перевязочный материал. 3. Углубление от колес на дороге. 4. Селение на Дону, Кубани. 5. Раздел кибернетики. 8. Порт в Колумбии. 9. Картина И. Н. Крамского. 10. Пилот межпланетного корабля. 12. Раздел грамматики. 15. Опера Д. Пуччини. 16. Головной убор. 19. Хищное животное. 21. Действующий вулкан в Мексике. 25. Горное предприятие. 26. Приток Сены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали:

1. Юткевич. 7. Мрамор. 8. Гарвей. 9. Осло. 10. Ринг. 12. Менорка. 15. Золото. 16. Леонов. 17. Комбайнер. 20. Снеток. 21. Рябина. 22. Ариосто. 25. Кюри. 26. Гауя. 29. Патока. 30. Флейта. 31. Квадрат.

По вертикали:

1. Юрма. 2. Коршун. 3. Вагнер. 4. Чара. 5. Брюллов. 6. Немиров. 9. «Огородник». 11. Глоксиния. 12. Морозка. 13. Онтарио. 14. Аллегро. 18. Штурвал. 19. Область. 23. Игуана. 24. Сапфир. 27. Волк. 28. Цент.

На первой странице обложки: Людмила Яковлева, студентка из Рязани.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: Наследники Льва Яшина.

Фото А. Бочинина.

На цветной вкладке: Портрет Л. И. Брежнева.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

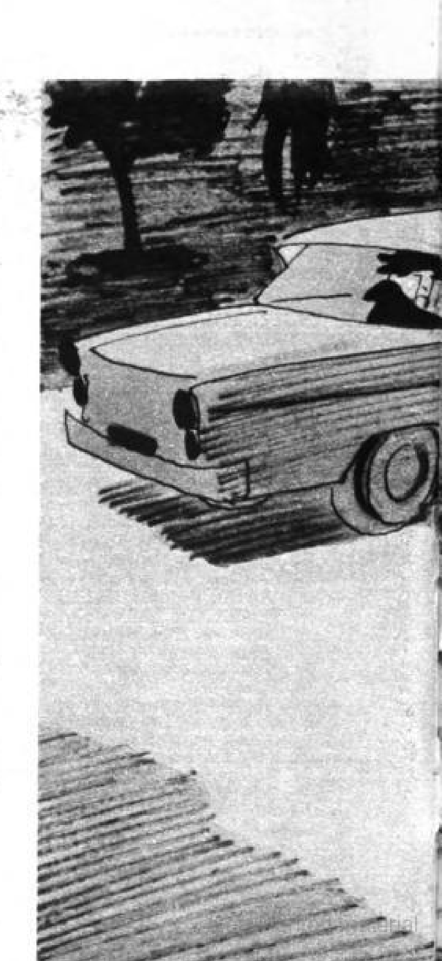
А 10768. Подписано к печати 15/XII 1966 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 1 990 000. Изд. № 2158. Заказ № 3389.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Не должно повториться!

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

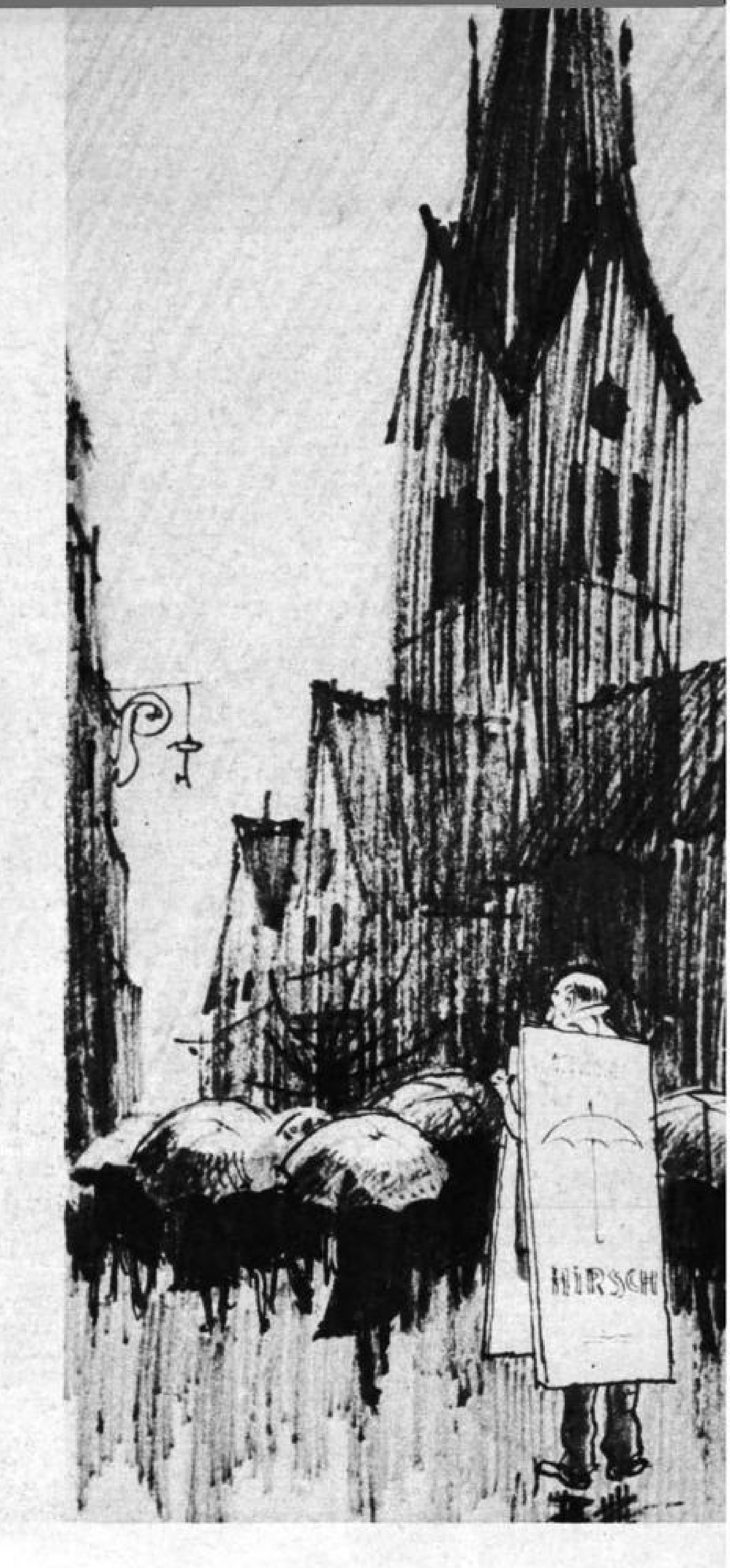
Эти зарисовки я сделал, путешествуя по городам и дорогам Федеративной Республики Германии. Побывал я в Ганновере, Дюссельдорфе, Мюнхене, Нюрнберге, проезжал по берегам Рейна, несущего на своих плечах миллионы тонн различных грузов...

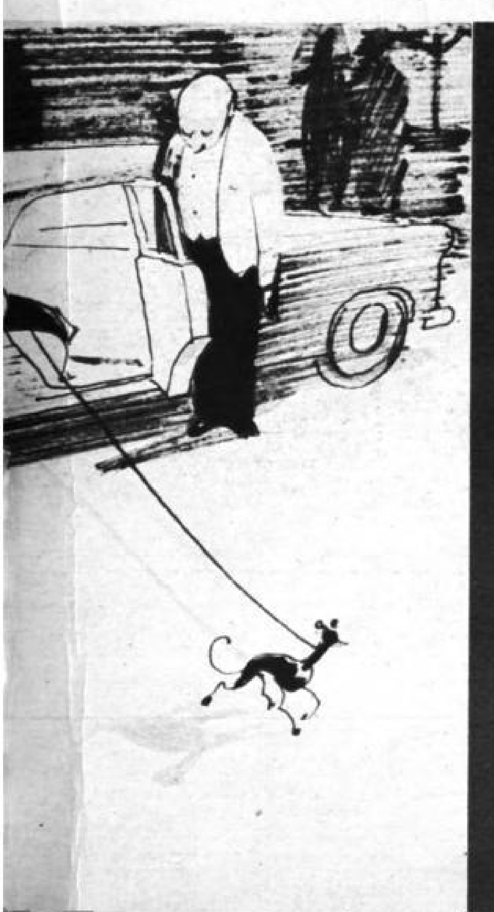
Видел я глубочайшие контрасты в жизни западных немцев: великолепные машины современнейших марок и бродяг, которые спят на газетных листах. Листах, которые кричат об экономическом чуде. Видел сверкающие магазинные витрины и живые рекламы, мокнущие под проливным дождем...

Контрасты времени... В древнем Нюрнберге я видел старый дом, в котором родился и работал великий немецкий художник Альбрехт Дюрер, и подле этого дома — группы общипанных, как мартовские коты, типов, представляющих наимоднейшую свою мазню.

Жив дух реваншизма. Его тлетворное влияние я узнавал в большом и малом. Вот по широкой автостраде движутся танки, и, словно в испуге, затерялась среди них карета «Скорой помощи»: к кому-то пришла беда! Но как она мала рядом с той, которую предвещают эти бронированные чудовища! За столиком пивного бара в Мюнхене застыл одноглазый тучный человек с железным крестом. Мечтает, наверное, о том, ином Мюнхене, о тех, иных временах. Партия неонацистов получила недавно 15 мест в ландтаге Баварии...

Но есть в ФРГ и другие силы, которые понимают угрозу неофашизма. Есть в Европе и во всем мире силы, которые не могут позволить и не позволят повториться недавнему трагическому прошлому. У народов мира хорошая память.

HIRSCH

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663